ВСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА В БОРЬБУ С АГРЕССОРОМ

Вероломное нападение нацистской Германии и ее союзников на СССР

В воскресенье 22 июня 1941 г. фашистская Германия и ее союзники обрушили на нашу страну удар невиданной в истории армии вторжения: 190 дивизий, более 4 тыс. танков, 47 тыс. орудий и минометов, около 4,5 тыс. самолетов, до 200 кораблей, всего более 5 млн человек.

Первые удары еще на рассвете нанесла немецкая авиация. Сотни немецких бомбардировщиков вторглись в воздушное пространство Советского Союза. Они подвергли бомбардировкам аэродромы, районы расположения войск западных приграничных округов, железнодорожные узлы, линии связи и другие важные объекты, а также крупные города Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Украины, Молдавии. Массированные налеты сорвали организованный подход войск второго эшелона советских приграничных округов к театру боевых действий, привели к массовым потерям личного состава и техники. Пострадали как крупные города (Киев, Минск), так и более мелкие населенные пункты, что вызвало дезорганизацию работы тыла и привело к срыву в ряде мест мобилизационных мероприятий.

Одновременно сосредоточенные на всем протяжении Государственной границы СССР войска вермахта открыли ураганный артиллерийский огонь по пограничным заставам, укрепленным районам, а также соединениям и частям Красной армии, дислоцированным в непосредственной близости от нее. После артиллерийской и авиационной подготовки они перешли Государственную границу СССР на огромном протяжении — от Балтийского моря до Черного. Началась Великая Отечественная война — самая тяжелая из всех войн, когда-либо пережитых страной.

Основные удары вермахта были направлены на Ленинград, Москву и Киев. На каждом направлении сосредоточивались усилия одной из групп армий.

Немецкая группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. Лееб) в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы (всего 29 дивизий), развернутая в Восточной Пруссии от Мемеля (Клайпеда) до Голдапа (230 км), получила задачу при поддержке 1-го воздушного флота разгромить советские войска в Прибалтике и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить Краснознаменный Балтийский флот

Й. Риббентроп на пресс-конференции в Берлине объявляет о начале войны против СССР

Немецкие войска форсируют реку Буг

Немецкие артиллеристы ведут огонь по позициям советских войск

опорных баз. Уничтожение советских войск на этом направлении разрушало весь северный фланг обороны Советского Союза и влекло за собой смертельную угрозу всем сопротивляющимся силам Красной армии на центральном участке фронта, прикрывающим западное направление, а точнее сердце страны — Москву.

Группа армий «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Ф. Бок), сосредоточенная на главном, московском направлении, в составе 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (всего 50 дивизий и 2 бригады) должна была при поддержке 2-го воздушного флота рассечь фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Красной армии в Белоруссии и развить наступление на Москву. Это была наиболее мощная группировка немецко-фашистских сил, развернутая на фронте 500 км — от Голдапа до Влодавы. Быстрый выход к столице СССР, по мнению германского командования, фактически предопределял победу в войне. Цель была выбрана обоснованно. Москва как исторический остов государства — его политический, экономический и этнографический центр являлась, несомненно, главным призом как для Гитлера, так и для его генералов.

На киевском направлении от Влодавы до устья реки Дунай (1250 км), была развернута группа армий «Юг» (командующий генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт), состоявшая из 6, 17, 11-й полевых немецких, 3-й и 4-й румынских армий, 1-й танковой группы и венгерского корпуса (всего 57 дивизий и 13 бригад). Ей предстояло при поддержке 4-го воздушного флота и румынской авиации уничтожить советские войска на Правобережной Украине, выйти на Днепр и развивать наступление на восток. В скорой перспективе Гитлер рассчитывал на захват всей Украины и Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, их промышленных и сельскохозяйственных богатств, выход к нефти Кавказа и далее достижение господства на всем Ближнем и Среднем Востоке. Ради выполнения ближайшей задачи — уничтожения советских войск на Западной Украине — на фронте от Влодавы до предгорий Карпат создавалась плотная группировка войск, которая должна была рассечь и уничтожить группировку Красной армии на этом театре боевых действий.

На территории Норвегии и Финляндии были развернуты немецкая армия «Норвегия» и две финские армии — всего 21 дивизия и три бригады, поддерживаемые 5-м немецким воздушным флотом и финской авиацией. Армия «Норвегия» должна была овладеть Мурманском и Полярным, а финские войска — содействовать группе армий «Север» в захвате Ленинграда. Одной из целей противника было ни в коем случае не допустить транспортного сообщения СССР со своими возможными союзниками по северным морям. Другими словами — обмена грузами, имеющими военное назначение.

Как на северном, так и на южном флангах войска союзников Германии должны были всемерно поддерживать стремительное продвижение германских войск, действующих на главных операционных направлениях.

Для наращивания ударов в ходе наступления имелся резерв Главного командования сухопутных войск — 21 пехотная, две танковые и одна моторизованная дивизии. В соответствии с идеей нанесения главного удара на центральном — московском направлении — германское командование включило в состав группы армий «Центр» большее, чем в других группах, число танковых и пехотных дивизий вермахта. Сюда же направлялась половина всех резервов, намеченных к вводу в действие в первую очередь[1]. Кампанию предполагалось провести «скоротечно», затратив на это не более 3–4 месяцев[2].

В пяти советских приграничных округах (Ленинградский, Прибалтийский Особый, Западный Особый, Киевский Особый и Одесский) к началу войны было 186 дивизий, насчитывавших в общей сложности 3 млн человек, 39 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков и 9,1 тыс. самолетов[3]. Из них танков новых типов (КВ и Т-34) — 1475 ед., боевых самолетов новых типов — 1540 ед., хотя общее превосходство в количестве танков и самолетов было у советской стороны[4].

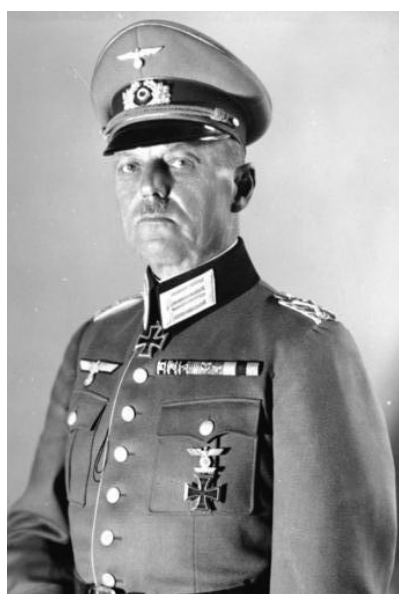
22–25 июня 1941 г. военные округа были преобразованы в фронты: Ленинградский военный округ — в Северный фронт (командующий генерал-лейтенант М. М. Попов), Прибалтийский Особый военный округ — в Северо-Западный фронт (командующий ге-

Начальник штаба
Верховного главнокомандования
вооруженными силами Германии
В. Кейтель

Начальник Штаба оперативного
руководства вооруженных сил Германии
А. Йодль

Командующий
группой армий «Север»
В. фон Лееб

Командующий
группой армий «Центр»
Ф. фон Бок



Командующий
группой армий «Юг»
Г. фон Рундштедт

нерал-полковник Ф. И. Кузнецов), Западный Особый военный округ — в Западный фронт (командующий генерал армии Д. Г. Павлов), Киевский Особый военный округ — в Юго-Западный фронт (командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос) и Одесский военный округ — в Южный фронт (командующий генерал армии И. В. Тюленев). Морские границы прикрывали флоты: Северный (командующий контр-адмирал А. Г. Головко), Балтийский (командующий вице-адмирал В. Ф. Трибуц) и Черноморский (командующий вице-адмирал Ф. С. Октябрьский).

В 23.30 21 июня 1941 г. руководство страны приняло решение о частичном приведении войск приграничных округов в боевую готовность, поскольку противник мог перейти в наступление в ближайшие часы. Этот документ, известный как директива наркома обороны № 1, не давал разрешения на ввод в действие плана прикрытия госграницы в полном объеме, поскольку предписывал «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения...»[5]. На оповещение войск (из-за сложностей связи, шифровки и расшифровки документа) ушло до двух и более часов. Вместо простого и ясного сигнала приступить к выполнению плана прикрытия войска получили зашифрованный приказ с оговорками ограничительного характера, что вносило в действия советского командования элемент неопределенности и усложнило положение войск Красной армии с началом агрессии.

22 июня 1941 г. первыми приняли на себя удары противника советские пограничники и передовые части войск прикрытия, ПВО армии и флота. Отражая превосходящие силы врага, личный состав многих пограничных застав полностью погиб. Войска прикрытия, которые с ходу вводились в сражения, несли большие потери. Немецкие войска вступали в бой полностью развернутыми, тогда как многие советские соединения продвигались к фронту в походных колоннах.

В Москву первые сообщения о вторжении поступили от пограничников. «Наступление по всему фронту. Части погранохраны ведут бой... — докладывало командование белостокского пограничного участка в Главное управление пограничных войск. — Немцы наступают Кретинга... Белосток»[6]. Одновременно подобную информацию получил из западных приграничных округов и Генеральный штаб. Около 4 часов утра его начальник генерал Г. К. Жуков доложил И. В. Сталину о случившемся.

Видимо, памятуя о своих предупреждениях накануне войны, начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков выделил в оперативной сводке № 1, подготовленной всего шесть часов спустя после начала агрессии, факт упреждения врагом наших войск в развертывании. В этом сухом документе, в частности, констатировалось: «В 4.00 22.06.1941 г. немцы без всякого повода совершили налет на наши аэродромы и города и перешли границу наземными войсками...

1. Северный фронт. Противник звеном самолетов типа бомбардировщик нарушил границу и вышел в р-н Ленинграда и Кронштадта...

2. Северо-Западный фронт. Противник в 4.00 открыл арт. огонь и одновременно начал бомбить аэродромы и города: Виндава, Либава, Ковно, Вильно и Шуляй...

3. Западный фронт. В 4.20 до 60 самолетов противника бомбардировали Гродно и Брест. Одновременно на всей границе Западного фронта противник открыл артиллерийский огонь... Наземными силами противник развивает удар из района Сувалки в направлении Голынка, Домброва и из района Стоколув вдоль железной дороги на Волковыск. Наступающие силы противника уточняются...

4. Юго-Западный фронт. В 4.20 противник начал обстрел пулеметным огнем наших границ. С 4.30 самолеты противника ведут бомбардировку городов Любомль, Ковель, Луцк, Владимир-Волынский... В 4.35 после артогня по району Владимир-Волынский, Любомль наземные войска противника перешли границу развивая удар в направлении Владимир-Волынский, Любомль и Крыстынополь...

Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшие границу части противника...»

Советские граждане слушают заявление советского правительства.
22 июня 1941 г.

Далее следовала фраза, появившаяся, несомненно, под диктовку Жукова: «Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частного успеха». Подпись — начальник Генерального штаба Красной армии[7].

Более подробные сведения о перешедших в наступление вражеских армиях, их вероятных целях содержались в вечерней сводке Разведывательного управления Генштаба РККА от 22 июня 1941 г. Начальник Разведуправления генерал-лейтенант Ф. И. Голиков констатировал ввод сходу противником в бой значительных сил, «а именно 37–39 пехотных, 5 моторизованных, 8 танковых дивизий, а всего 50–52 дивизий. Однако, — продолжал генерал, — это составляет лишь примерно 30 % сил противника, сосредоточенных к фронту...». В конце первого дня войны советская разведка достаточно верно, насколько это было возможно в тех условиях, определила силы всей противостоящей приграничным округам вражеской группировки. Чего нельзя сказать об оценке распределения сил вермахта по отдельным направлениям. Так, считалось, что на Северо-Западном фронте — 29 дивизий, из них моторизованных 5, танковых 4–5; на Западном фронте в Варшавском районе — 31 дивизия, из них 21 пехотная, 1 моторизованная, 4 танковых и 1 кавалерийская; на Юго-Западном фронте (до Словакии) — 48 дивизий, из них 5 моторизованных и 6 танковых. Кроме того, предполагалось наличие в Словакии и Прикарпатской Украине 13–15 немецких дивизий, в Румынии — 33–35, из них 4 танковых, 11 моторизованных и 1 горнострелковой. Как можно заметить, силы противника на главном — западном направлении, «в Варшавском районе», где и наносился основной удар, явно недооценивались.

При принятии последующих решений на проведение контрударов приграничных фронтов (что и было сделано вечером того же дня) очевидно не учитывалась вся совокупность сведений, имевшихся в сводке Ф. И. Голикова. Разведка предупреждала, что «по направлению главных ударов 22 июня видно, что противник имеет ближайшими целями:

а) охватить и уничтожить нашу белостокскую группировку и б) создать условия для окружения львовской группировки, пользуясь в обоих случаях своим охватывающим положением на белостокском и львовском выступах.

Активные действия в направлении Вильно и Ковно, ведущиеся одновременно с ударами на Гродно и Волковыск, очевидно преследуют цель разобщения Северо-Западного и Западного фронтов»[8].

Если из львовского выступа командованию Красной армии в начале июля все же удалось вывести основную массу войск, то разрыв между Северо-Западным и Западным фронтами, обозначившийся уже в первый день войны, стал одной из основных причин поражения сил РККА под Белостоком и Минском.

Действительно, сразу после германского вторжения особенно тяжелое положение сложилось в полосе Западного фронта под командованием генерала Д. Г. Павлова. Против него, как было уже сказано, была развернута наиболее мощная группировка сил вермахта — группа армий «Центр» фельдмаршала Ф. Бока.

Только через полтора часа после вторжения войск вермахта на советскую территорию посол Германии в СССР Ф.-В. Шуленбург прибыл к народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову и передал ему официальную ноту своего правительства, в которой указывалось: «Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры»[9].

Вся страна узнала о нападении Германии только в 12 часов дня, когда с обращением к народу от имени правительства выступил по радио заместитель председателя Совета народных комиссаров, нарком иностранных дел В. М. Молотов.

Столпившись у репродукторов, установленных на улицах и промышленных предприятиях, люди слушали речь Молотова, боясь пропустить хоть слово. На первых порах почти никто из них не сомневался, что Красной армии потребуется всего лишь несколько недель, чтобы разбить врага «малой кровью, могучим ударом». Трагизм положения в полной мере не осознавало и военно-политическое руководство страны из-за отсутствия объективной информации с фронта. Однако вскоре стало ясно, что военные действия на западных границах СССР — это отнюдь не крупномасштабная военная провокация Германии, а начало войны — самой страшной и жестокой. «С рассветом 22 июня 1941 г. регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного морей, — сообщалось населению страны в первой сводке Главного командования Красной армии, — и в течение первой половины дня сдерживались ими. Во второй половине дня... после ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только на гродненском и кристынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов...»[10]

Уже в этой сводке с фронта в какой-то мере просматривался весь драматизм первых приграничных сражений и боев, жесточайших по своему накалу и последствиям. Но тогда, в первый день войны, еще никто не мог себе даже представить, какие огромные испытания лягут на плечи каждого советского человека не только на фронте, но и в тылу.

Население Германии о начале новой войны узнало из обращения Гитлера к народу, которое в 5 часов 30 минут зачитал по берлинскому радио министр пропаганды Й. Геббельс[11]. Судя по этому обращению, политическое руководство Германии стремилось оправдать агрессию в глазах мировой общественности, лишить СССР возможных союзников[12]. Однако как руководители ведущих держав, так и большинство трезвомыслящих европейских политиков ясно понимали, что заявления нацистов — всего лишь пропагандистский трюк.

Уже вечером 22 июня премьер-министр Великобритании У. Черчилль выступил с заявлением о поддержке СССР в войне с нацистской Германией. «Нападение на Россию, — заявил он, — не более чем прелюдия к попытке завоевания Британских островов... Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам...»[13]. Для уточнения позиций многих других государств мира, прежде всего стран Британского содружества, привыкших традиционно ориентироваться на мнение Лондона, выступление Черчилля имело принципиальное значение. В определенном смысле оно оказало влияние и на позицию Соединенных Штатов Америки[14]. Утром 23 июня исполняющий обязанности госсекретаря С. Уэллес по указанию президента Ф. Рузвельта сделал официальное заявление об оказании помощи СССР. На следующий день и сам Рузвельт на пресс-конференции в Белом доме заявил, что США окажут всяческую помощь СССР в его борьбе против Германии, но заметил, что еще не известно, в какую форму она выльется[15]. Да и уверенности в том, что Красная армия устоит в схватке с непобедимым вермахтом, у лидеров Запада не было. Ведь уже 22 июня ударные группировки немецких войск добились на всех направлениях ощутимого успеха за счет решительной концентрации его командованием в первом стратегическом эшелоне более 80 % всех сил, предназначенных для восточной кампании — 130 дивизий, 8 бригад, 3350 танков, около 38 тыс. орудий и минометов, основные силы авиации[16].

Удар такой силы для войск всех западных приграничных округов явился полной неожиданностью. К подобному развитию событий они не были готовы. Не ожидали этого удара и советские пограничники, которые первыми встали на пути немецких войск. Противник рассчитывал за короткое время смять пограничные заставы, однако ему это не удалось. Пограничники стояли насмерть.

В крайне невыгодных условиях пришлось начать боевые действия соединениям и частям прикрытия западных приграничных округов. Заранее не приведенные в боевую готовность, они не смогли дать должный отпор врагу. Еще в половине второго ночи 22 июня штабы приграничных военных округов получили директиву наркома обороны № 1. Но, как уже было отмечено выше, недостаточно конкретное содержание отданного распоряжения вызывало множество вопросов у командиров всех степеней, а главное сковывало их инициативу. Так, в директиве Прибалтийского Особого военного округа указывалось 8-й и 11-й армиям: «В течение ночи на 22 июня скрыто занять оборону основной полосы... Боевые патроны и снаряды не выдавать... В случае провокационных действий немцев огня не открывать»[17]. В 2 часа 25 минут подобные указания подчиненным армиям были отданы и Военным советом Западного Особого военного округа.

Штабы армий, получив окружные директивы за несколько минут до начала войны, до 5–6 часов утра доводили это распоряжение до подчиненных соединений и частей. Поэтому лишь некоторые из них были своевременно приведены в боевую готовность. Сигналом боевой тревоги большинству из них послужили первые разрывы артиллерийских снарядов и авиационных бомб противника. Командующие 3-й и 4-й армиями Западного Особого военного округа успели отдать командирам соединений только некоторые предварительные распоряжения. В штабе 10-й армии директива была получена уже после начала военных действий[18]. Причин было несколько. В ночь на 22 июня во всей приграничной полосе в результате действий диверсионных групп противника была в значительной степени нарушена проводная связь в звене армия — корпус — дивизия[19]. Отсутствие заранее отработанных документов по скрытому управлению войсками, низкая обеспеченность штабов радиосредствами, а также радиобоязнь приводили к тому, что этот вид связи ими практически не использовался.

Бывший начальник штаба 11-й армии Северо-Западного фронта генерал И. Т. Шлемин отмечал: «22 июня во второй половине дня с округом прервалась проводная и радиосвязь. Найти округ было невозможно... Штаб округа, получая по радио шифротелеграммы от армии, полагал, что шифровки идут от противника, и, боясь выдать свой замысел и свое местонахождение, решил не отвечать на запросы армии»[20]. В результате первых массиро-

ванных ударов авиации противника по местам дислокации войск было уничтожено большое количество средств связи и транспорта. Уже в первый часы войны командующий 3-й армией генерал В. И. Кузнецов докладывал в штаб Западного фронта: «Проводная связь с частями нарушена, радиосвязь до 8 часов не установлена»[21]. Аналогичное положение наблюдалось и в штабе 14-го механизированного корпуса. Позднее его командир генерал С. И. Оборин также сообщал в штаб Западного фронта: «Батальон связи на 70 % погиб 22 июня 1941 г. утром, во время бомбардировки города Кобрина. Штаб 14-го мехкорпуса остался в составе 20 % штатного количества»[22].

Не имея точной информации от войск о развитии событий, командиры и штабы оказались не в состоянии оценить всю серьезность создавшейся обстановки. Установка наркома обороны в его директиве № 1 «не поддаваться ни на какие провокации» по-прежнему продолжала действовать, что ограничивало решительные действия командиров соединений и частей армий прикрытия. Так, командующий 3-й армией докладывал в штаб Западного фронта: «Авиация противника бомбит Гродно, жду распоряжений генерала Павлова... артиллерийско-пулеметная стрельба со стороны немцев... жду указаний»[23]. Практически то же самое отмечал командир 11-го стрелкового корпуса 8-й армии Северо-Западного фронта генерал М. С. Шумилов: «Война началась в 4.00... мной немедленно было доложено командующему 8-й армией... Получил приказ: «Огня не открывать, на провокацию не поддаваться»[24]. Но противник сам заставлял наши войска без приказа открывать ответный огонь.

Аналогично действовали командиры большинства соединений и частей и на других участках прикрытия госграницы западных приграничных округов. Приказы «сверху» поступили значительно позднее. Так, Военный совет Западного фронта директиву командующим 3, 4 и 10-й армиями направил только в 5 часов 25 минут: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому»[25].

Трудновосполнимые потери от авиационных ударов противника понесла армейская авиация, уничтоженная в большинстве своем на аэродромах. Массированным налетам подверглись 66 аэродромов, где дислоцировались наиболее боеспособные авиационные полки западных приграничных округов[26]. Так, в 10-й смешанной авиационной дивизии 4-й армии Западного фронта на аэродромах в районах Высокое и Пружаны было уничтожено более 70 % самолетов штурмового и истребительного авиационных полков[27]. В 7-й смешанной авиационной дивизии 8-й армии Северо-Западного фронта к 15 часам оставалось всего пять — шесть самолетов, остальные были уничтожены[28]. В результате советская авиация потеряла за этот день свыше 1200 самолетов.

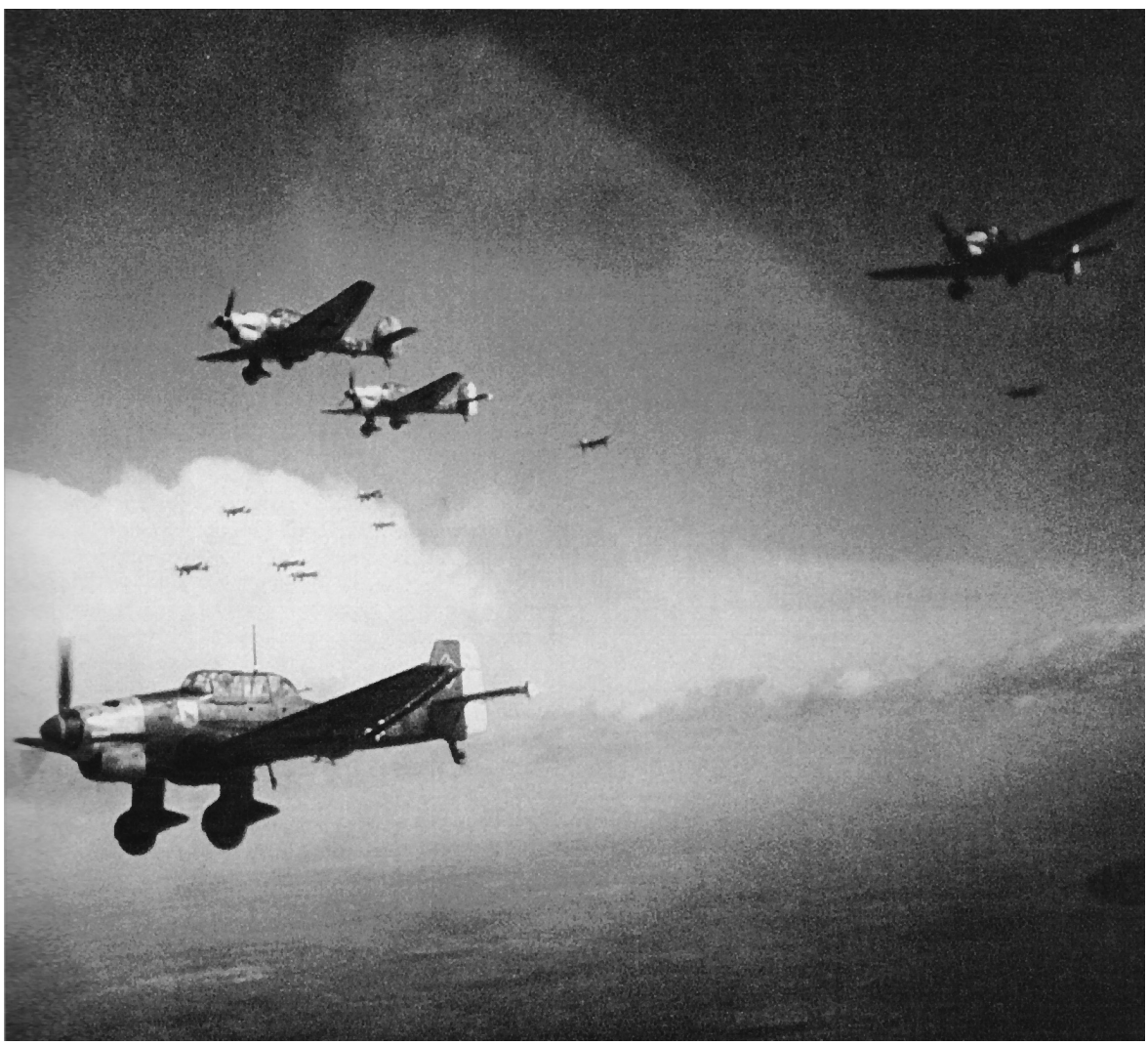
Уже с первых часов войны противник, воспользовавшись практически полным отсутствием зенитных средств в войсковых подразделениях ПВО, обеспечил себе господство в воздухе. Командир 3-го механизированного корпуса генерал А. В. Куркин в одном из донесений командующему 8-й армией Северо-Западного фронта отмечал: «...Нет нашей авиации. Противник все время бомбит»[29].

Поднятые по тревоге войска западных приграничных военных округов стремились выйти в свои районы прикрытия, но, не имея сведений об обстановке, не зная, что происходит на границе, еще в походных порядках подвергались ударам немецкой авиации и наземных войск. Даже еще не вступив в соприкосновение с противником, они несли огромные потери. По этому поводу командующий 3-й танковой группой генерал Г. Гот в отчетном документе указывал: «Не было никаких признаков целеустремленного и планового управления войсками противника в целом. Непосредственное управление войсками отличалось малоподвижностью, схематичностью... Ни один советский войсковой начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты»[30].

В такой обстановке в 7 часов 15 минут штабы Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов получили директиву наркома обороны № 2, в которой командующим войсками фронтов ставилась задача «Всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу»[31]. Однако в сложившихся

условиях этот приказ наркома был невыполним. Уже в 8 часов утра командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф. Бок докладывал командованию вермахта: «Наступление продолжается успешно. На всем фронте наступления противник до сих пор оказывает незначительное сопротивление... противник на всех участках застигнут врасплох»[32].

О сложности первого дня войны свидетельствуют документы. Так, командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф. И. Кузнецов докладывал маршалу С. К. Тимошенко: «Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на Друскеники. 128-я стрелковая дивизия большей частью окружена, точных сведений о ее состоянии нет... создать группировку для ликвидации прорыва не могу. Прошу помочь»[33]. Начальник оперативного управления Западного фронта генерал И. И. Семенов сообщал в Генеральный штаб: «По всей границе ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь... Проводной связи с армиями не имеем»[34]. Некоторые соединения и части фронта уже в эти первые часы вели боевые действия в окружении, связь с ними установить не удавалось. От командующего 3-й армией



Немецкие пикирующие бомбардировщики в небе Советского Союза

генерала В. И. Кузнецова штаб Западного фронта с начала войны и до 10 часов утра получил всего три боевых донесения. От командующего 10-й армией генерала К. Д. Голубева за это же время поступило всего одно сообщение, а командующий 4-й армией генерал А. А. Коробков первое боевое донесение смог направить только в 6 часов 40 минут[35].

Тем не менее командиры всех степеней и в этих тяжелейших условиях выводили подчиненные им соединения и части в свои районы прикрытия. Так, в полосе Западного фронта из десяти соединений первого эшелона 3, 10 и 4-й армий три стрелковые дивизии все же сумели выйти в свои районы оперативного предназначения. В полосе Юго-Западного фронта первыми к государственной границе вышли передовые части 26-й армии.

Всего на прикрытие границы 22 июня были выведены в основном на флангах советско-германского фронта 14 дивизий из 57 запланированных соединений первого эшелона[36]. Они вступали в бой с ходу, вели оборону в широких полосах, в одноэшелонных боевых порядках, порой на не оборудованной в инженерном отношении местности, к тому же без существенной поддержки артиллерии, без должного авиационного прикрытия и зенитных средств, имея ограниченное количество боеприпасов. В связи с этим они с большими потерями вынуждены были отходить.

Однако боевые действия, развернувшиеся на огромном фронте, сразу же показали командованию вермахта, что разгром Красной армии не станет для него легкой прогулкой. В десятитомном труде, подготовленном немецкими военными историками, «Германский рейх и Вторая мировая война», признается, что «вопреки ожиданиям уже в первый день наступления обнаружилось, что противник имел достаточно времени подтянуть свои оборонительные силы и оказался способен осуществлять сильные контратаки»[37].

Тем не менее к середине дня 22 июня ударным группировкам вермахта удалось создать большой разрыв на смежных флангах Северо-Западного и Западного фронтов, в который и устремилась 3-я танковая группа генерала Г. Гота. Не зная истинного положения дел, командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф. И. Кузнецов докладывал наркому обороны, что соединения 11-й армии продолжают сдерживать противника, хотя в действительности они с большими потерями поспешно и неорганизованно отступали[38].

Ближе к вечеру наиболее угрожаемое положение сложилось в полосе Западного фронта. Его командование, еще не осознавшее угрозу глубокого двустороннего охвата войск фронта танковыми соединениями противника, в большей степени было обеспокоенно обстановкой на северном фасе белостокского выступа, где противник рвался к Гродно. Положение на брестском направлении оценивалось им как более или менее устойчивое. Однако уже к исходу дня соединения и части 4-й армии были отброшены от границы на 25–30 км, а передовым танковым частям противника удалось продвинуться еще глубже — на 60 км и занять Кобрин. Не разобравшись в обстановке, командующий войсками фронта генерал Д. Г. Павлов в 17 часов направил в Генеральный штаб донесение, которое по существу дезориентировало политическое и военное руководство страны: «Части Западного фронта в течение дня 22.6.41 г. вели сдерживающие бои... оказывая упорное сопротивление превосходящим силам противника... Части 4-й армии вели оборонительные бои предположительно на рубеже... Брест, Влодава»[39]. В действительности войска Западного фронта продолжали разрозненными группами поспешно отходить на восток.

На основании донесений штабов Северо-Западного и Западного фронтов, не вполне представляя себе реально складывающуюся обстановку, нарком обороны и начальник Генерального штаба пришли к заключению, что в основном бои ведутся вблизи границы. В то время их больше всего беспокоило положение на гродненском направлении, где уже наблюдался глубокий охват белостокского выступа с севера. Из-за дезориентирующих докладов штаба Западного фронта нарком обороны и начальник Генерального штаба явно недооценили мощную группировку противника, наносившую удар из района Бреста.

Пытаясь переломить ход событий и полагая, что для ответного удара сил вполне достаточно, Главное командование в 21 час 15 минут направило командующим войсками Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов директиву № 3, в которой требовало

нанести мощные контрудары по вторгшимся группировкам врага[40]. Однако, нацеливая их на разгром вражеских группировок, представлявших наибольшую опасность в полосе каждого фронта, Генеральный штаб не учел трудности, которые неизбежно возникли бы у командования фронтами при организации и подготовке ударов по врагу в течение одной ночи.

Реальная обстановка, которая сложилась к исходу первого дня войны на всем советско-германском фронте, оказалась гораздо сложнее, чем это было известно военно-политическому руководству страны. Поэтому требования Главного командования уже не могли быть исполнены.

А в это время все более критическим становилось положение войск Западного фронта. «Противник, обойдя правый фланг армии, наносит удар на лидском направлении... — докладывал командующий 3-й армией генерал Кузнецов в штаб фронта, — мы никаких резервов не имеем, и парировать удар нечем»[41]. К исходу первого дня войны войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов под неослабевавшим натиском врага вынуждены были отступать, ведя арьергардные бои.

По-иному происходили события 22 июня на флангах советско-германского фронта, где противник активности не проявлял или действовал ограниченными силами. Это позволило советским войскам, действовавшим в сравнительно спокойной обстановке, выдвинуться к границе и занять рубежи обороны согласно планам прикрытия.

В целом к концу первого дня военных действий на западном направлении для Красной армии сложилась крайне тяжелая обстановка. Противник упредил соединения и части прикрытия в занятии оборонительных полос и рубежей. К исходу дня передовые отряды немецких 2-й и 3-й танковых групп вклинились в оборону советских войск на глубину 60 км. Тем самым они начали охватывать с севера и юга основные силы Западного фронта и создали благоприятные условия для своих войск, действовавших на других направлениях.

Так заканчивался первый день войны. Под натиском превосходивших сил врага советские войска с боями отступали. Впереди у них была война, которая продолжалась 1418 дней и ночей. В ходе Великой Отечественной войны, несомненно, были для нашей страны и более судьбоносные дни, однако тот первый день навсегда останется в памяти народа.

1941 год еще хранит многие тайны. «В нем, — как отмечали авторы труда «1941 год — уроки и выводы», — заложен узел противоречий, порождающий массу проблемных вопросов, которые до сих пор остаются либо не раскрытыми глубоко, либо преподносятся субъективно. К этому периоду относится и один из главных вопросов истории — как могло это все случиться, каковы причины и истоки?»[42] Вышло в свет двухтомное издание, подготовленное российскими, украинскими и белорусскими учеными, «1941 год. Страна в огне»[43] — еще один труд, в котором на основе новых, недавно рассекреченных документов делается попытка раскрыть истоки катастрофы. 1941 год дал нашим народам чрезвычайно горький, но поучительный опыт отражения внезапного и вероломного нападения врага. Наша общая задача — знать и не забывать эти уроки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 54–58. История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 330, 331.

[2] 1941 год: уроки и выводы. М., 1992. С. 21.

[3] *Киселев О. Н.* Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. С. 439.

[4] Канун и начало войны. Документы и материалы. Л., 1991. С. 352; *Якушевский А. С.* Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР // Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 75.

[5] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69.

[6] Архив ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1712. Л. 250.

[7] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 1. М., 2008. С. 17, 18.

[8] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1071. Д. 38. Л. 7–9.

[9] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 12–15.

[10] 1941 год: уроки и выводы. С. 106; Правда. 1941, 23 июня.

[11] История дипломатии. Т. IV. М., 1975. С. 184.

[12] ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 26. Д. 2. Л. 52–65.

[13] *Churchill W.* The Second World War. Vol. 3. L., 1951. P. 333.

[14] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 14.

[15] Советско-американские отношения 1939–1945. М., 2004. С. 132–135.

[16] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 56, 57.

[17] ЦАМО РФ. Ф. 21. Оп. 1394. Д. 23. Л. 25, 26.

[18] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 2.

[19] *Христофоров В. С.* Первые дни войны по документам Центрального архива ФСБ России. Испытание. Т. VII. М., 2011. С. 169, 170.

[20] ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 478.

[21] Там же. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 12. Л. 2.

[22] Там же. Оп. 2511. Д. 36. Л. 13.

[23] Там же. Д. 195. Л. 7.

[24] Там же. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 469.

[25] Там же. Ф. 113. Оп. 3273. Д. 2. Л. 148.

[26] Там же. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 5. Л. 97; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Band 4. S. 652, 653.

[27] *Сандалов Л. М.* Боевые действия войск 4-й армии в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 67.

[28] ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 469.

[29] Там же. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 77.

[30] Там же. Ф. 500. Оп. 12478. Д. 231. Л. 5–7.

[31] Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 1, 2.

[32] Там же. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 134. Л. 143.

[33] Там же. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 23. Л. 123, 124.

[34] Там же. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 85, 86.

[35] ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 2511. Д. 36. Л. 1.
[36] *Гареев М. А.* Неоднозначные страницы войны. М., 1995. С. 139.
[37] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 456.
[38] ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 3928. Д. 6. Л. 38.
[39] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 156. Л. 1.
[40] Там же. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260–262.
[41] Там же. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 15. Л. 12.
[42] 1941 год: уроки и выводы. С. 3.
[43] 1941 год. Страна в огне: в 2 кн. М., 2011.

Мобилизация сил страны на отпор врагу

Перестройка системы государственного управления

С нападением гитлеровской Германии Советский Союз стал быстро обретать черты воюющего государства, где все подчинялось достижению одной цели — отражению фашистской агрессии.

Начало этому процессу было положено в первый же день войны: Президиум Верховного Совета СССР своим указом объявил мобилизацию военнообязанных на территории 14 военных округов из 17, а также ввел военное положение в Карело-Финской, Эстонской, Латвийской, Белорусской, Украинской ССР и некоторых западных областях Российской Федерации.

В целях превращения страны в единый военный лагерь Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) 29 июня 1941 г. направили партийным и советским организациям прифронтовых областей директиву, содержавшую программу чрезвычайных мер по перестройке страны на военный лад. В кратчайшие сроки намечалось завершить мобилизацию, обеспечить подготовку резервов, эвакуировать из угрожаемых районов население и материальные ценности, организовать в новых районах производство боевой техники и вооружения, а в занятых врагом районах развернуть широкую партизанскую войну. В навязанной фашистской Германией войне, подчеркивалось в директиве, «решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение»[1].

Обрушившиеся на страну тяжелейшие испытания потребовали коренным образом перестроить систему государственного управления. В довоенный период значимость заблаговременного определения, какой облик приобретет управление страны в случае войны, недооценивалась, поэтому после 22 июня 1941 г. его формирование осуществлялось спешно, методом проб и ошибок, путем многочисленных реорганизаций и кадровых перестановок, что приводило к большим людским и материальным потерям.

«Отсутствие системы мы прочувствовали с особой остротой в первые дни Великой Отечественной войны, — вспоминал член советского правительства нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов. — Государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, вынуждена была остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов. Последствия этого пришлось исправлять на ходу ценою больших жертв»[2].

В соответствии с требованиями военного времени перестраивалась организационная структура, изменялось содержание деятельности, совершенствовались методы и стиль работы органов государственной власти, государственного и военного управления и руководящих должностных лиц. Остановить нашествие, а затем и победить врага можно было лишь в том

случае, если все звенья государственного управления работали бы как единый механизм, обеспечивая точное и своевременное исполнение всей управленческой вертикалью решений высших органов власти. В условиях резкого перехода от мира к войне на первый план выходили: способность органов государственной власти и управления к быстрой перестройке на военный лад, разумное сочетание жесткого централизма и инициативы снизу, высокая исполнительская дисциплина, строгий спрос за порученное дело, компетентность лиц, занятых управлением страной и Вооруженными силами.

Чрезвычайные испытания, обрушившиеся на страну, потребовали и чрезвычайных организационных форм государственного управления. 30 июня 1941 г. постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) в составе: И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (заместитель председателя), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия[3]. Этот орган не был предусмотрен Конституцией СССР, его учреждение диктовалось экстремальными условиями катастрофического начала войны, необходимостью скорейшей мобилизации всех сил на отпор врагу и требованиями максимальной централизации руководства страной.

ГКО был наделен всей полнотой власти, его решения и распоряжения были обязательны для всех государственных, военных органов, партийных комитетов и общественных организаций, всех граждан страны.

Как следствие, претерпели серьезные перемены конституционные органы государственной власти и управления — Верховный Совет СССР и Совнарком СССР: они заняли подчиненное по отношению к ГКО положение, их функции и полномочия стали быстро сужаться. Так, до конца 1941 г. не состоялось ни одной сессии Верховного Совета СССР. Что касается Президиума Верховного Совета, то его роль свелась к оформлению в виде указов тех решений, которые по Конституции СССР относились к компетенции высшего законодательного органа, — о введении военного положения, общей и частичной мобилизации в Вооруженные силы и других. Формальный глава государства — председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин не входил в состав ГКО.

Совнарком СССР, несмотря на то что его возглавлял И. В. Сталин, также видоизменил былую роль. СНК, обладавший разветвленным аппаратом наркоматов и действовавших при нем комитетов, стал проводником линии ГКО, в первую очередь в обеспечении экономической составляющей, организуя эвакуацию промышленных предприятий на восток, налаживая производство продукции невоенного назначения, руководя кредитной и денежной системами, решая другие вопросы. Из ведения СНК в прямое подчинение ГКО были переданы наркоматы оборонного профиля (авиационной, танковой боеприпасов, вооружения, минометного вооружения, судостроительной промышленности), наркоматы железнодорожного и водного транспорта (путей сообщения, морского флота, речного флота), а также Главное управление Северного морского пути при СНК СССР, промышленные наркоматы — черной металлургии, цветной металлургии, угольной, нефтяной, химической, резиновой, целлюлозной и бумажной, электротехнической промышленности и Наркомат электростанций СССР. Стиль и методы работы СНК и подчиненных ему наркоматов приобрели еще более выраженный, чем до войны, административно-командный облик.

Важную роль в новой конфигурации органов власти играла Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). В условиях фактического сращивания партийного и государственного аппарата о ее руководящих органах обоснованно говорить как об одном из ключевых звеньев государственного управления СССР. На практике ни ЦК ВКП(б), ни тем более его политбюро не были в подчинении ГКО. Исполнять его решения и распоряжения являлось обязательным только для нижестоящих партийных органов. Тем не менее и роль, и стиль деятельности руководящих органов ВКП(б) с началом войны также изменились. Собственно внутрипартийная работа ушла на второй план, многие уставные нормы явочным порядком были отменены: прекратились или стали значительно реже проводиться пленумы, конференции и собрания, выборность заменялась кооптацией и т. п. Партийные кадры, в

том числе высшего звена, направлялись на решение задач, связанных с организацией отпора захватчикам.

Фактически в ГКО из политбюро ЦК ВКП(б) переместился центр политической власти. Тем не менее было бы опрометчивым утверждать, что руководящие партийные органы были отодвинуты от властных рычагов. Следует учесть, что ГКО действовал строго в рамках тех политических целей и задач, которые определялись политбюро. Показательно также, что все входившие в состав ГКО лица были членами или кандидатами в члены политбюро ЦК ВКП(б), а действовавшие на местах городские комитеты обороны возглавлялись секретарями горкомов и обкомов ВКП(б).

Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало чрезвычайно широкий круг вопросов: от мобилизации военнообязанных и объявления военного положения до присвоения высших воинских званий. Все важнейшие партийные и государственные вопросы, в том числе кадровые назначения в высшем звене, за исключением тех, которые входили в компетенцию только ГКО, предварительно рассматривались в Политбюро (если не на заседаниях, то опросным порядком) и скреплялись подписью генерального секретаря. Значительная часть принятых решений оформлялась в виде постановлений ГКО, указов Президиума Верховного Совета СССР, постановлений Совнаркома СССР, а в ряде случаев — как совместные постановления СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР и ЦК ВКП(б).

Так что чрезвычайный характер ГКО не отменял, а лишь несколько видоизменил руководящую роль компартии в столь ответственный для страны исторический момент и обозначил практически полное сращивание высших партийно-государственных инстанций.

Кардинальному изменению подверглись не только организационная структура, но и содержание деятельности высших органов государственной власти. Общую задачу организации отпора гитлеровской агрессии Государственный Комитет Обороны решал на трех основных направлениях.

Осуществляя *политико-административное управление*, ГКО принимал меры к укреплению правопорядка в стране и воинской дисциплины, устанавливал порядок эвакуации населения и промышленного потенциала, регулировал вопросы межгосударственных отношений, в т. ч. создания на территории СССР иностранных военных формирований, определял меры по выселению в отдаленные районы страны отдельных групп населения.

Решая задачи *военно-стратегического руководства* Вооруженными силами, ГКО определял общую численность армии и флота, соотношение видов Вооруженных сил и родов войск, объем и сроки призывов и мобилизаций, принимал решения о формировании новых частей, соединений, объединений и об изменении организационной структуры штатов уже существующих, осуществлял назначение высшего командного состава.

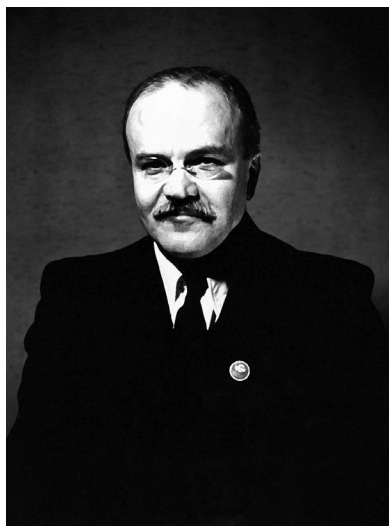
Обеспечивая *военно-хозяйственное управление* страной, ГКО определял параметры развития военной экономики, утверждал планы и организовывал производство оружия, боевой техники и другой продукции военного назначения, принимал меры к строительству оборонительных рубежей, устанавливал нормы снабжения, решал иные задачи в условиях начавшейся войны.

Большую часть своих усилий ГКО посвятил решению именно военно-экономических проблем: из 10 тыс. постановлений на них приходится две трети.

Центр сосредоточения своих усилий в военно-хозяйственной области — форсированное производство боевой техники и вооружения — ГКО продемонстрировал уже своим постановлением № 1сс от 1 июля 1941 г. «Об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово»[4]. Перед Наркоматом судостроительной промышленности была поставлена задача с 1 августа 1941 г. начать производство тридцатьчетверок, доведя к концу года их выпуск до 700–750, а в 1942 г. — до 3 тыс. танков. Наркоматы среднего машиностроения и черной металлургии обязывались своевременно и в необходимом количестве поставить авиамоторы М-17, устанавливавшиеся на танках, и бронелисты. О значении, которое ГКО придавал выполнению этой задачи, свидетельствует тот факт, что в г. Горький для реализации постановления были откомандированы наркомы В. А. Малышев и

Государственный Комитет Обороны СССР
(состав на 30 июня 1941 г.)

Председатель ГКО
И. В. Сталин



Заместитель председателя ГКО
В. М. Молотов

К. Е. Ворошилов

Г. М. Маленков

Л. П. Берия

И. И. Носенко. Постановлением № 2сс, принятым в тот же день, ГКО перевел Челябинский тракторный завод, подведомственный Наркомату среднего машиностроения, на выпуск тяжелых танков КВ-1.

Стремительное продвижение вермахта вглубь советской территории, утрата значительной части производственного потенциала в связи с вражеской оккупацией советских земель на западе страны, необходимость эвакуации оттуда важнейших производств вызвали резкое снижение выпуска боевой техники и вооружения. Действующая армия с первых же дней войны стала испытывать острый недостаток техники, вооружения, боеприпасов, горючего. В связи с этим ГКО 14 июля 1941 г. поручил председателю Госплана Н. А. Вознесенскому совместно с руководителями промышленных наркоматов «разработать военно-хозяйственный план обеспечения обороны страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации»[5].

«Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по восточным и тыловым районам СССР» был рассмотрен и утвержден 16 августа 1941 г. Его выполнение позволило обеспечить перестройку всего народного хозяйства на военный лад и нарастить военно-экономический потенциал.

Для осуществления эвакуации населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей 24 июня 1941 г. был учрежден Совет по эвакуации под председательством наркома путей сообщения Л. М. Кагановича. 16 июля постановлением ГКО совет был переформирован, а его руководителем назначен первый секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник[6].

Усилиями Совета по эвакуации к концу 1941 г. на восток (в Поволжье, на Урал, в Западную и Восточную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию) было вывезено около 2,6 тыс. предприятий. На этой базе в восточных районах СССР быстрыми темпами создавалась военно-промышленная база. В тыловые районы были эвакуированы более 12 млн человек[7].

Из первых наиболее значительных решений ГКО по военно-стратегической проблематике следует назвать постановление № 83сс от 10 июля 1941 г. о создании главных командных направлений — Северо-Западного (главнокомандующий К. Е. Ворошилов), Западного (главнокомандующий С. К. Тимошенко) и Юго-Западного (главнокомандующий С. М. Буденный). Постановление отразило поиск руководством страны, поначалу недооценивавшим значение Ставки Главного (Верховного) Командования и Генерального штаба ВС СССР, промежуточных звеньев для оперативно-стратегического управления фронтами.

В основу деятельности Государственного Комитета Обороны был положен принцип строжайшей персональной ответственности. Сразу же после назначения на свой пост каждый член ГКО получил конкретное задание и строго отвечал за порученный участок. Так, на В. М. Молотова была возложена ответственность за выпуск танков, на Г. М. Маленкова — за выпуск самолетов, авиамоторов и формирование авиационных частей, А. И. Микоян ведал снабжением действующей армии боеприпасами, продовольствием и обмундированием, К. Е. Ворошилов курировал формирование новых воинских частей и соединений. Как вспоминал Г. К. Жуков, И. В. Сталин лично обязал командующих родами войск подключиться к членам ГКО и помогать им в работе по выполнению программы производства определенной военной продукции точно в назначенное время и нужного качества[8].

Что касается методов управления, то высшее государственное руководство шло по линии их ужесточения. Доминирующим был административно-командный, директивный метод: привычный для кадров еще по довоенному времени, он оказался наиболее адекватным условиям войны.

Собственного аппарата ГКО не имел и опирался на существовавшие управленческие и общественные органы, а также своих уполномоченных в крупных городах, на важнейших промышленных объектах, железных дорогах, стройках. Кроме того, осенью 1941 г. в 65 прифронтовых городах в соответствии с постановлениями ГКО от 22, 23 октября, 3 и 18 ноября 1941 г. были созданы комитеты обороны, в состав которых вошли председатели

исполкомов Советов депутатов трудящихся, начальники гарнизонов, руководители органов безопасности во главе с секретарями обкомов или горкомов партии. Они приступали к работе, не имея опыта. По-разному проходило их становление, различной была и эффективность их работы. Тем не менее они, не подменяя существовавшие на местах органы власти, партийные комитеты и общественные организации, смогли обеспечить реализацию единой линии Центра в решении задач, носивших общегосударственный характер, — по производству и ремонту боевой техники и вооружения, эвакуации производственно-экономического потенциала и трудовых ресурсов, мобилизации в ряды Вооруженных сил и на трудовой фронт, организации добровольческих формирований, строительству оборонительных сооружений и других[9].

По существу неограниченными правами обладали уполномоченные ГКО, деятельность которых заключалась в жесточайшем контроле на местах над выполнением постановлений ГКО по выпуску военной продукции. Всем органам власти и управления предписывалось оказывать им максимальное содействие, их требования должны были выполняться неукоснительно. По свидетельству А. И. Микояна, уполномоченные ГКО были наделены «всеми правами ГКО в области снабжения фронта...»[10].

В историческую литературу проникло утверждение, будто ГКО был виртуальным органом, в реальности не существовавшим, а за аббревиатурой, призванной якобы служить лишь имитацией коллективного руководства, скрывалась единоличная власть И. В. Сталина. Немыслимую ранее степень концентрации власти в руках одного человека отрицать бессмысленно. Однако нет никаких оснований говорить и о некоей виртуальности ГКО на основании того, что ГКО не имел аппарата, а его работа была лишена привычного бюрократического сопровождения (заседания ГКО даже не протоколировались).

Обратимся к авторитету Г. К. Жукова, который в силу служебных обязанностей начальника Генерального штаба, а позднее — заместителя Верховного главнокомандующего регулярно участвовал в работе высшего органа власти времен войны. «На заседаниях ГКО, которые проходили в любое время суток, как правило, в Кремле или на даче И. В. Сталина, обсуждались и решались важнейшие вопросы, — вспоминал маршал. — Планы военных действий рассматривались Политбюро Центрального Комитета партии и Государственным Комитетом Обороны. На заседания приглашались народные комиссары, которым предстояло принять участие в обеспечении операций. Это позволяло, когда появлялась возможность, сосредоточить огромные материальные силы на важнейших направлениях, проводить единую линию в области стратегического руководства и, подкрепляя ее организованным тылом, увязывать боевую деятельность войск с усилиями всей страны»[11].

Маршал вспоминал также, что заседания ГКО проходили в деловой атмосфере, нередко возникали острые споры, при этом мнения высказывались определенно и резко. Если к единому мнению прийти не удавалось, создавали комиссию из представителей крайних сторон, которой и поручалось доложить согласованные предложения на следующем заседании.

В зависимости от содержания принятые членами ГКО решения оформлялись в виде постановлений ГКО, СНК СССР, директив ЦК ВКП(б), указов Президиума Верховного Совета СССР, а если вопросы касались вооруженной борьбы и военного строительства, то директив Ставки Верховного главнокомандования и приказов наркома обороны СССР.

С началом боевых действий на советско-германском фронте перестройке подверглись и органы высшего военного руководства. Сделано это было, увы, с опозданием. Хотя до войны советская военная наука придерживалась аргументированного представления о том, что структура управления Вооруженными силами с началом войны не должна претерпевать серьезных изменений, должны лишь измениться функции путем перевода органов управления с мирного на военное положение, на практике время было упущено[12].

Ряд крупных советских военачальников и военных историков обоснованно считали, что запаздывание с формированием системы стратегического управления Вооруженными силами, способной функционировать в случае войны, дорого обошлось нашему народу. Со свойственной ему прямотой Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Отсутствие у

нас высшего органа военного руководства, каким должна была быть Ставка в момент нападения фашистской Германии, естественно, не могло вначале не отразиться на управлении войсками, результатах первых операций и общей оперативно-стратегической обстановке»[13].

Наркомат обороны еще весной 1941 г. ставил перед И. В. Сталиным вопрос о создании Ставки Главного Командования и проведении с ее участием стратегических командно-штабных учений на рубеже Валдай — Орша — Гомель — р. Псел, но понимания не нашел.

Проект указа Президиума Верховного Совета СССР о создании нового органа стратегического военного управления был подготовлен Генеральным штабом в день начала войны. 23 июня 1941 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) Ставка Главного Командования была наконец образована. В ее состав вошли С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Н. Г. Кузнецов, В. М. Молотов, И. В. Сталин, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков[14]. Вождь отказался встать во главе Ставки, и ее возглавил нарком обороны маршал Тимошенко.

Говорить о полноценности нового органа военного управления, его соответствии грозным испытаниям, обрушившимся на страну, трудно. В силу утвердившегося в стране устройства власти руководящая роль С. К. Тимошенко носила номинальный характер, поскольку нарком не мог принять сколько-нибудь самостоятельных решений ни в части управления войсками, ни в части использования стратегических резервов в Вооруженных силах, тем более в стране в целом. Необходимость согласования принятых решений с высшим политическим руководством крайне осложняла управление военными действиями и приводила к непроизводительной трате столь драгоценных времени и сил.

10 июля постановлением ГКО пост председателя Ставки был упразднен, а она сама преобразована в Ставку Верховного Командования. Вместо адмирала Н. Г. Кузнецова в ее состав был включен маршал Б. М. Шапошников. Только 8 августа она обрела необходимый статус, будучи преобразованной в Ставку Верховного главнокомандования при одновременном назначении И. В. Сталина (который 19 июля стал народным комиссаром обороны) ее председателем и Верховным главнокомандующим.

Это произошло лишь на 48 сутки войны, таким образом, в течение первых, едва ли не самых тяжелых полутора месяцев действующая армия оказалась заложницей поиска наиболее приемлемого механизма управления Вооруженными силами, что не могло не умножить поражения и потери.

Посредством Ставки Верховного главнокомандования на протяжении всей войны ГКО осуществлял стратегическое руководство вооруженной борьбой с гитлеровской Германией и ее союзниками. В круг основных дел, которыми она занималась, входили: оценка стратегической обстановки и подготовка для ГКО предложений о перспективах и целях вооруженной борьбы; разработка планов военных кампаний и важнейших операций; выявление резервов для создания необходимых группировок войск; постановка задач фронтам и флотам, объединениям ВВС и войск ПВО, организация взаимодействия между ними, управление их действиями; всестороннее материально-техническое обеспечение операций; определение на основе обобщения опыта войны наиболее целесообразных способов ведения боя и операции; согласование действий Красной армии и войск союзников; участие в расстановке командно-политических кадров; совершенствование организационной структуры войск; материально-техническое обеспечение армии и флота и другие.

В повседневной практике формальные грани между ГКО и Ставкой нередко стирались. Этому способствовало и то обстоятельство, что во главе них стояло одно и то же лицо. На совещания в ГКО часто приглашались члены Ставки, и наоборот — в Ставке при рассмотрении важных вопросов присутствовали члены ГКО. Подобно ГКО, Ставка не имела своего специального помещения и аппарата, опираясь в повседневной работе только на Генеральный штаб. Не было и заседаний в привычном понимании этого слова с обязательным протоколированием их хода. По свидетельству маршала А. М. Василевского, за более чем 30-месячный период его службы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в бытность членом Ставки она полностью в утвержденном составе ни разу не собиралась. Это, однако, не дает оснований считать, что Ставка ВГК существовала лишь на бумаге.

Отвечая на такого рода предположения, А. М. Василевский писал: «Была ли Ставка постоянно действующим органом при Верховном главнокомандующем? Да, была. Но при этом надо представить себе, что работа ее строилась по-особому. Верховный главнокомандующий для выработки того или иного оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных проблем, касающихся ведения вооруженной борьбы, вызывал к себе ответственных лиц, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу (тут могли быть члены и не члены Ставки), и здесь принимались необходимые решения, которые тотчас же и оформлялись в виде директив, приказов или отдельных распоряжений Ставки. Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном главнокомандующем в том составе, в каком он был утвержден, нельзя. Ведь большинство из ее членов выполняли одновременно другие ответственные обязанности, часто находясь далеко за пределами Москвы, главным образом на фронте. Но вот что было постоянно: каждый из членов Ставки держал с Верховным главнокомандующим связь. Сталин знал, сколь важна деятельность членов Ставки по их основной должности, а поэтому не считал возможным и необходимым собирать всех их в полном составе, а периодически вызывал отдельных членов Ставки, командующих войсками и членов военных советов фронтов для выработки, рассмотрения или утверждения того или иного решения, касающегося руководства боевой деятельностью Вооруженных сил на данном этапе борьбы»[15].

Как уже говорилось, в своей повседневной деятельности Ставка ВГК опиралась на Генеральный штаб. В системе чрезвычайных органов государственного и военного управления это был, однако, не какой-то безликий «рабочий орган» (такой, на наш взгляд, неудачный термин укоренился в исторической литературе), а основное звено стратегического планирования и руководства Вооруженными силами, подлинный «мозг армии». И. В. Сталин, в начале войны явно недооценивавший роль Генштаба и называвший его «канцелярией», под влиянием тяжелых поражений первых месяцев войны вынужден был переменить свой взгляд и стал повседневно опираться на Б. М. Шапошникова, А. М. Василевского, А. И. Антонова и других руководителей Генштаба, как и на подчиненный им высокопрофессиональный коллектив.

Разработка задуманной операции начиналась с того, что Верховный главнокомандующий совместно с начальником Генерального штаба или его заместителем кропотливо рассматривал оперативно-стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки и ход подготовки резервов всех родов войск. Затем обсуждались оперативно-стратегические возможности наших войск. Начальник Генерального штаба и заместитель Верховного получали задачу продумать и рассчитать имеющиеся возможности для проведения операции. По истечении определенного срока принималось предварительное решение, после чего Верховный давал задание начальнику Генштаба запросить мнение военных советов фронтов о предстоящей операции. Тем временем в Генштабе шла большая творческая работа по планированию операции и взаимодействию фронтов — определялись задачи органам разведки, авиации дальнего действия, партизанским силам, находившимся в тылу вражеских войск, органам военных сообщений по переброске пополнений и резервов Верховного главнокомандования, материальных запасов.

Когда командующие фронтами прибывали в Ставку для доклада плана операции, И. В. Сталин заслушивал их в присутствии начальника Генштаба, заместителя Верховного и некоторых членов ГКО. И только после тщательной проработки рассмотрения всех деталей предстоящей операции Верховный утверждал ее планы и сроки. Решения Ставки доводились до исполнителей в виде директив, подписанных Верховным главнокомандующим и начальником Генерального штаба. Иногда директивы давались за подписью И. В. Сталина и его заместителя.

Поиски наиболее эффективных форм непосредственного влияния стратегического руководства на деятельность фронтов привели к появлению своеобразного института стратегического руководства — представителей Ставки ВГК. Предусмотренный постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. институт постоянных советников Ставки по причине неопределенности их полномочий явочным порядком почти сразу же прекратил

свое существование. В отличие от советников полномочные представители Ставки ВГК наделялись большими и конкретными полномочиями. Они не командовали фронтами, но, будучи направленными на тот или иной участок фронта, лично отвечали за успех операции, были обязаны влиять на ход сражения, в районе которого находились, вовремя исправлять ошибки фронтового или армейского командования, конкретно помогать им в получении из центра необходимых материально-технических средств. Кандидатура представителя Ставки определялась самим Верховным главнокомандующим при утверждении решения на предстоящую операцию. Это были наиболее подготовленные военачальники, которые, как правило, лично участвовали в разработке замысла и плана операции — Г. К. Жуков, А. М. Василевский, С. К. Тимошенко, А. И. Антонов, Н. Н. Воронов и некоторые другие.

С началом войны народ с особой надеждой взирал на Кремль. Но некоторое время население не получало о вожде и от вождя никакой информации. На этом основании некоторые авторы вслед за Н. С. Хрущевым позднее брались утверждать, что гитлеровская агрессия и катастрофические поражения советских войск в первые дни войны настолько деморализовали Сталина, что он до конца июня не покидал дачу, будучи не в силах заниматься государственными делами.

Эта версия не подтверждается ни документами, ни свидетельствами лиц, тесно взаимодействовавших с ним. Тетради (журналы) записи лиц, принятых лидером государства в течение последней декады июня, свидетельствуют, что только в его кремлевском кабинете ежедневно бывали до 25–30 государственных, партийных и военных руководителей. Чаще других в эти дни к вождю вызывались первые заместители председателя Совнаркома СССР нарком иностранных дел В. М. Молотов, Н. А. Вознесенский, заместители председателя СНК СССР — нарком внутренних дел Л. П. Берия, председатель Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилов, председатель Госплана СССР нарком внешней торговли А. И. Микоян, а также нарком обороны С. К. Тимошенко, секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, нарком путей сообщения Л. М. Каганович[16]. О напряженной работе с участием Сталина по перестройке всей жизни страны на военный лад вспоминали также многие государственные, хозяйственные и военные руководители[17].

Впервые с начала войны народ услышал голос Сталина 3 июля 1941 г. Нельзя не видеть, что, раскрывая программу разгрома врага, оратор далеко не во всем был честен со слушателями. Он уклонился от правдивого ответа на вопрос, каким образом фашистской Германии удалось добиться не только внезапности нападения, но и столь больших успехов в начале войны. Но не это было тогда главным. Сам факт выступления вождя, его необычное, носившее явно религиозный оттенок обращение к гражданам страны: «Братья и сестры!», меры по организации отпора врагу, изложенные в радиоречи, вселяли в людей уверенность, что катастрофы нет, что Сталин, правительство СССР, военное командование уверенно держат нити управления в своих руках и что в начавшейся Отечественной войне гитлеризм получит сокрушительный отпор.

Практика уже первых месяцев войны показала, что меры, предпринятые руководством СССР по коренной перестройке системы государственного управления страной и Вооруженными силами путем создания чрезвычайных органов, себя оправдали. При всех издержках и нарушениях законности их деятельность позволила в короткий срок решить сложнейшую задачу по перестройке всей жизни на военный лад и достичь высокой степени управляемости государства, Вооруженных сил и общества.

Начало перевода экономики на военные рельсы

Вероломная фашистская агрессия против Советского Союза, тяжелые раны, нанесенные противником хозяйственному организму страны, поставили советскую экономику уже в первые дни и недели войны в чрезвычайно тяжелое, а затем и весьма критическое положение.

В той угрожающей обстановке требовалось незамедлительно перевести народное хозяйство СССР на военные рельсы с тем, чтобы путем мобилизации всех его внутренних ресурсов обеспечить в кратчайшие сроки максимальное увеличение выпуска оборонной продукции, добиться материально-технического превосходства Красной армии над вермахтом и другими войсками фашистского блока, создав тем самым возможность переломить ход событий.

Военная перестройка народного хозяйства СССР предусматривала коренное изменение структуры материального производства. Полное подчинение всей экономики — промышленности, транспорта, сельского хозяйства, связи — задачам борьбы против немецко-фашистских захватчиков требовало введения в действие ранее подготовленных (в частности, плана по боеприпасам) и новых мобилизационных планов, существенного перераспределения материальных и финансовых ресурсов в пользу военного производства, установления строгой централизации и строгого контроля в деле их распределения, нормирования и расходования.

Это был далеко не безболезненный процесс, сопровождавшийся значительными материальными и финансовыми издержками и потерями, резким падением и даже остановкой производства на многих предприятиях. Положение усугублялось и тем, что в самом начале войны у руководства страны во многом из-за нарушенной связи с действующей армией не было конкретного представления о действительном положении на фронтах войны, что нашло отражение во многих невыполнимых решениях, принятых тогда по хозяйственным вопросам.

Так, 23 июня 1941 г. начальники Белостокской, Ковельской, Брест-Литовской, Львовской, Литовской, Латвийской и ряда других дорог западной части СССР получили официальную директиву от наркома путей сообщения Л. М. Кагановича о плане капиталовложений на развитие этих дорог в третьем квартале 1941 г. 24 июня наряду с важным постановлением о создании при СНК СССР Совета по эвакуации Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло решение, согласно которому Наркомат заготовок СССР обязывался в июне 1941 г. выделить «3 тыс. тонн муки дополнительно к рыночному фонду и 2 тыс. тонн кукурузы для продажи населению горных районов западных областей УССР»[18].

Между тем и в первом и во втором случаях указанные железные дороги и районы в первые дни войны оказались или в зоне непосредственных боевых действий, или уже были захвачены врагом.

В последующем, особенно после создания 30 июня 1941 г. высшего органа сражающейся страны — Государственного Комитета Обороны, руководство СССР и в первую очередь Сталин имели, как правило, более полную информацию о действительном положении на фронте и в тылу.

В соответствии с новыми чрезвычайными условиями существенно перестраивалась работа всех государственных и общественных органов и учреждений. Уже в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» наряду с мерами общего характера предусматривались меры, касающиеся экономической жизни страны, в частности, введение трудовой повинности, регулирование времени работы учреждений, промышленных и торговых предприятий, нормирование отпуска населению промышленных и продовольственных товаров и др.

Первым документом, определившим решительный поворот промышленности на обслуживание фронта, было решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. ввести в действие принятый 6 июня 1941 г. мобилизационный план по боеприпасам[19]. Он был превращен в оперативное задание по развертыванию наиболее массовой отрасли военной индустрии.

Вслед за этим правительство дало указание Госплану СССР срочно разработать мобилизационный план для народного хозяйства на ближайшие три месяца. 30 июня 1941 г. мобилизационный народно-хозяйственный план на третий квартал был представлен и утвержден ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Это был документ, в котором уже зримо проступали черты военной экономики.

Производство военной техники по сравнению с довоенным временем увеличивалось на 26 %[20]. Капитальное строительство ограничивалось относительно небольшим числом удар-

ных строек. Средства и материалы концентрировались на строительстве военных заводов в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири.

Как отмечалось выше, общая программа военной перестройки народного хозяйства СССР и мобилизации сил страны на отпор врагу содержалась в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и в выступлении по радио 3 июля Председателя ГКО И. В. Сталина. Все члены ГКО и другие высшие руководители стали отвечать за конкретные направления перевода экономики на военные рельсы. В ведении В. М. Молотова находились вопросы производства танков, Г. М. Маленкова — самолетов и авиационных моторов, Н. А. Вознесенского — вооружения и боеприпасов, А. И. Микояна — продовольствия, горючего и вещевого имущества, Л. П. Берии — самолетов и ракетной техники, Л. М. Кагановича и А. А. Андреева — транспортные перевозки.

Мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 г. явился одной из первых попыток перевести экономику страны на военные рельсы. Но вскоре стало ясно, что подготовленный в своих главных чертах еще до фашистской агрессии, он не отвечал той реальной обстановке, которая сложилась в результате военных неудач Красной армии летом 1941 г. Поэтому 16 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) утвердили новый Военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, который был направлен на то, чтобы в течение намеченного срока развернуть основную военно-промышленную базу Советского Союза в восточных районах страны. Здесь намечалось наладить массовое производство стрелкового вооружения, всех видов артиллерии, минометов, боеприпасов. Была разработана программа увеличения в восточных районах производства электроэнергии, угля, нефти, авиабензина, чугуна, стали, проката, алюминия, меди, аммиачной селитры, крепкой азотной кислоты[21].

В области сельского хозяйства план предусматривал увеличение посевной площади под зерновые и технические культуры в восточных районах РСФСР, Казахстане и Средней Азии. В предвидении увеличения грузопотоков с востока на запад и обратно большое внимание в Военно-хозяйственном плане уделялось расширению важнейших узлов и станций на магистралях восточного направления. Было намечено в тыловых районах России строительство вторых путей, связывающих Сибирь и Урал с Поволжьем.

Вновь составленный государственный бюджет отражал изменившееся направление в развитии народного хозяйства. Военные расходы во второй половине 1941 г. увеличивались на 20,6 млрд руб. по сравнению с первым полугодием. Бюджетные же ассигнования на развитие гражданских отраслей народного хозяйства уменьшались на 21,6 млрд, а на социально-культурные мероприятия — на 16,5 млрд руб.[22]

Новые условия хозяйственной жизни страны, порожденные войной, требовали усиления централизации руководства, существенного изменения форм и методов экономического планирования и управления промышленностью.

Важнейшей функцией высшего чрезвычайного органа государственной власти — Государственного Комитета Обороны — являлась координация усилий фронта и тыла. Во всей своей деятельности по созданию и развитию военной экономики ГКО опирался на действовавший и до войны аппарат управления хозяйством, приспособленный, разумеется, к обстановке и требованиям военного времени. Особое внимание ГКО уделял вопросам максимальной централизации системы материально-технического снабжения промышленности и хозяйственного планирования в масштабе всей страны. Соответственно с этим перестраивался и аппарат Совнаркома СССР как орган общегосударственного руководства развитием экономики.

Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. были значительно расширены права народных комиссаров СССР. 18 июля это решение было распространено на наркомов РСФСР и УССР. Наркомы получили возможность распределять и перераспределять материальные ресурсы наркоматов, в том числе излишки материалов и оборудования, между отдельными предприятиями и стройками в соответствии с ходом выполнения планов. Расширялись пра-

ва наркоматов и в распределении средств на капитальное строительство, в использовании финансовых ресурсов, в регулировании фонда зарплаты.

Одновременно происходили изменения в структуре управления аппарата, прежде всего за счет упразднения лишних звеньев, укрупнения параллельных подразделений, сокращения штатов.

Война заставила коренным образом пересмотреть привычные представления о пределе производственных мощностей, норм выработки, сроков выполнения. Не дожидаясь пересмотра довоенных норм, многие передовики производства по собственной инициативе ломали устаревшие графики работы, вносили серьезные коррективы в использование сырья, топлива и материалов, в расстановку рабочей силы, трудясь за двоих и троих. Слова «невозможно», «нереально», «невыполнимо» уходили в прошлое.

Перераспределение сырья и материалов в пользу военного производства сопровождалось дальнейшей централизацией системы снабжения и жестким нормированием расхода материалов, топлива, электроэнергии. Выпуск многих видов продукции, в том числе оборудования для легкой и пищевой промышленности, вагонов, паровозов, металлических изделий широкого потребления, удобрений прекратился. Сэкономленное сырье, материалы, мощности и рабочая сила использовались для расширения военного производства. На предприятиях, где характер производства в основном не менялся, наличное оборудование технически приспосабливалось для выпуска военной продукции или сырья, в котором нуждалась военная промышленность.

Исключительно важная роль в военном производстве принадлежала машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Их переключение на выпуск военной продукции потребовало наиболее радикальных и реконструктивных мероприятий. Ряд крупнейших машиностроительных заводов был передан оборонным наркоматам. Тяжелое машиностроение почти целиком включалось в производство корпусов танков, минометов, снарядов, мин, авиабомб и другой военной продукции.

Все эти мероприятия поддерживали и усиливали высокие темпы военного производства, которых достигла в третьем квартале 1941 г. работавшая на нужды фронта промышленность.

Доля военной продукции в общем производстве союзной и республиканской промышленности возросла с 45 % в июне до 65 % в июле и 70 % в августе 1941 г.[23]

По отдельным промышленным наркоматам удельный вес военной продукции в июле 1941 г. по сравнению с июнем вырос в следующих размерах[24].

Таблица 1

Удельный вес военной продукции в общем производстве валовой продукции (%)

Наркоматы	1941 г.		
	июнь	июль	% роста
Наркомат черной металлургии	30	40	10
Наркомат цветной металлургии	60	75	15
Наркомат тяжелого машиностроения	50	60	10
Наркомат среднего машиностроения	32	52	20
Наркомат общего машиностроения	39	58	19
Наркомат электропромышленности	40	50	10
Наркомат химической промышленности	40	60	20
Наркомат станкостроения	50	70	20
Наркомат нефтяной промышленности	25	40	15
Наркомат резиновой промышленности	40	60	20
Наркомат легкой промышленности	40	60	20
Наркомат текстильной промышленности	25	65	40

В это время авиастроители (нарком авиапромышленности СССР А. И. Шахурин) стали поставлять во все возраставших количествах более совершенные типы истребителей, бронированные штурмовики, пикирующие бомбардировщики. Это позволило ГКО 18 сентября в развитие общего Военно-хозяйственного плана принять мобилизационную программу выпуска самолетов и моторов на сентябрь — декабрь 1941 г. Но реализация этого плана, как и других планов военного производства, во многом зависела от того, насколько быстро удастся развернуть намеченную Военно-хозяйственным планом военно-промышленную базу в восточных районах страны.

В процессе переключения гражданской промышленности на выпуск боевой техники и всех видов вооружения на действовавших предприятиях Центра и Юга Европейской части СССР не ослаблялись усилия по наращиванию на Востоке мощностей тяжелой индустрии. Практическое выполнение этих неотложных задач можно видеть на примере развертывания производства танков и самолетов в восточных районах.

После того как был принят мобилизационный план по танкостроению, В. А. Малышев — нарком созданного 11 сентября 1941 г. Наркомата танковой промышленности — выехал с группой директоров своей отрасли на Урал. Были выявлены конкретные возможности и условия форсированного перевода уральских машиностроительных заводов на выпуск бронетанковой техники, определены места для размещения перебазируемых танкостроительных предприятий и подготовлена новая производственная база для дизелестроения.

До войны единственным поставщиком дизель-моторов В-2 для танков КВ и Т-34 был Харьковский завод. В результате проведенного перемещения предприятий танкостроения танковые заводы имели перерыв в выпуске продукции лишь в один месяц, а производство дизелей совершенно не прерывалось. В тот день, когда ушел из Харькова последний эшелон с оборудованием дизельного завода, в Челябинске происходила сборка первых дизелей для тяжелых и средних танков. Вскоре на базе Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) возник мощный танкостроительный комбинат имени Кирова. На заводе заводов России и всей страны — Уралмаше, где ранее строились уникальные, главным образом крупногабаритные машины, началось серийное производство корпусов и башен для танков КВ. Группа заводов во главе со Сталинградским тракторным заводом образовали комплексную базу танкостроения в районах реки Волги. Другой крупный волжский завод транспортного машиностроения — «Красное Сормово» (г. Горький) по решению ГКО с 1 июля переводился на выпуск танков Т-34. Он был кооперирован с Горьковским автозаводом и рядом других предприятий Горьковской и Ярославской областей. Челябинский и Сталинградский тракторные заводы стали центрами по производству тяжелых и средних танков, а Горьковский автозавод — легких. Что касается бронелистов для боевых машин, то их выпускали Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы, Нижне-Тагильский и Чусовской заводы и Сталинградский завод «Красный Октябрь».

В течение третьего квартала 1941 г. танкостроители сумели изготовить 1121 средний танк Т-34[25] и 492 тяжелых танка типа КВ, производство которых было освоено на Челябинском тракторном заводе. В октябре и ноябре из-за развернувшейся массовой эвакуации производство сократилось[26]. Однако в самом конце 1941 г. в тылу страны уже действовала мощная размещенная здесь танковая промышленность в составе восьми танковых, шести корпусных и трех дизельных заводов[27].

Что касается производства самолетов в тыловых районах, то в сентябре 1941 г. удалось выпустить наибольшее за весь год число боевых машин. Но осенью, когда вражеские войска рвались к Москве, оборудование многих самолетостроительных заводов, в частности, располагавшихся в Центральном промышленном районе Российской Федерации и дававших до войны более трех четвертей всей выпускаемой Наркомавиапромом продукции, находились еще на колесах, что существенно отразилось на выпуске боевых машин. И если в третьем квартале было произведено 6600 боевых самолетов, то в четвертом — почти вдвое меньше[28]. Кроме того, на действовавших заводах не хватало квалифицированных рабочих. Перебои в работе транспорта нарушали нормальное снабжение предприятий топливом, электроэнер-

гией, материалами. В это же время на авиационных заводах происходил процесс освоения производства новых типов самолетов, что также замедляло темпы выпуска боевых машин.

Ценой огромного напряжения сил, широкой творческой инициативы и изобретательности авиастроителям удалось преодолеть падение производства и в дальнейшем обеспечить его неуклонный рост[29].

По этому поводу немецкий исследователь военной истории Г. Фойхтер писал: «То, что в таких трудных условиях Советскому Союзу удалось... в сравнительно короткий срок наладить массовый выпуск самолетов... следует отнести к величайшим техническим достижениям периода Второй мировой войны»[30].

Высокую мобильность показали переключенные на военное производство заводы сельскохозяйственного машиностроения. На их базе создавалась минометная промышленность. Серийный выпуск минометов был налажен еще до войны. Но к 1 июня 1941 г. в войсках имелось всего лишь 14 200 батальонных минометов и только 3800 полковых. 20 августа ГКО постановил изготовить в течение сентября — декабря 1941 г. 15 500 ротных минометов (50-мм), 8445 батальонных (82-мм), 400 горно-вьючных (107-мм) и 169 полковых (120-мм). ГКО обязал местные органы власти Свердловской, Челябинской, Сталинградской и Новосибирской областей к 1 ноября подыскать новые базы для производства минометов и представить свои предложения на утверждение правительства[31]. 26 ноября 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Наркомат общего машиностроения был преобразован в Наркомат минометного вооружения. Его наркомом с этого же дня стал один из опытных организаторов военного производства П. И. Паршин. Благодаря усилиям советских, партийных и хозяйственных организаций необходимые резервы для расширения выпуска минометов были найдены.

С июля и в последующие месяцы второго полугодия 1941 г. страна получала в среднем 7 тыс. минометов в месяц, тогда как в первом полугодии их среднемесячный выпуск составлял только 1,7 тыс.[32]

Ускоренно шла реализация постановления ГКО от 12 июля 1941 г. о возобновлении ошибочно приостановленного незадолго до войны производства противотанковых пушек 45- и 76-мм калибра[33].

Нарком вооружения военных лет Д. Ф. Устинов, назначенный на этот пост 9 июня 1941 г., вспоминал, как повседневно и строго контролировал ГКО производство этих пушек. «Мне не раз приходилось докладывать И. В. Сталину о выполнении графиков выпуска продукции. На их нарушения он реагировал иногда довольно резко. Когда, например, в сентябре один из уральских заводов не выполнил заказ по выпуску орудий, Сталин тут же дал телеграмму директору завода и парторгу ЦК, строжайше предупредил их об ответственности. Эта телеграмма всколыхнула весь завод, и случаев нарушения графика больше не было. Проекты постановлений ГКО о производстве 45-мм и 76-мм пушек разрабатывались нами на каждый месяц совместно с отделом вооружения Госплана. Выпуск орудий быстро рос... Однако... в связи с начавшейся эвакуацией производство несколько сократилось. Возникли трудности и в его планировании. Поэтому... Н. А. Вознесенский потребовал подготовить проект постановления на три месяца вперед. Рассмотрение этого проекта на заседании ГКО мне особенно запомнилось. Обсуждение было нелицеприятным. В принятом постановлении ГКО подчеркивалось, что производство противотанковых орудий имеет исключительное значение для Красной армии. Для коллективов, занятых производством пушек, выделялись дополнительные продовольственные фонды. В документ был включен специальный пункт, продиктованный Сталиным: “ГКО предупреждает всех народных комиссаров и директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и за бесперебойное снабжение артиллерийских заводов Наркомата вооружения и устанавливает, что невыполнение заказов для выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление”».

Об успешной реализации настоящего решения Государственного Комитета Обороны свидетельствуют данные таблицы 2[27]:

Таблица 2

Виды пушек	Кварталы				Всего за 1941 г.
	I	II	III	IV	
76-мм (полевые всех типов)	96	8	601	3465	4170
45-мм (противотанковые)	8	4	78	1196	1286
Итого:	104	12	679	4661	5456

Из таблицы следует, что в четвертом квартале по сравнению с третьим кварталом выпуск 76-мм пушек возрос в 5,7 раза, а 45-мм — в 15,3 раза. В начале войны из-за перевода артиллерийских заводов на выпуск орудий среднего калибра было уменьшено производство 152-мм и 203-мм орудий. Однако в дальнейшем артиллерийская промышленность СССР освоила выпуск в значительных размерах всех необходимых артиллерийских систем (как полевых орудий, так и зенитных, танковых, авиационных).

Исключительно важной задачей являлось обеспечение массового производства боеприпасов. Работа предприятий Наркомата боеприпасов (нарком П. Н. Горемыкин) была в центре внимания ГКО. Военная обстановка продиктовала необходимость срочно возобновить выпуск снарядов и патронов к 45-мм противотанковым пушкам и противотанковым ружьям. Их производство перед войной по настоянию заместителя наркома обороны СССР, начальника Главного артиллерийского управления маршала Г. И. Кулика было прекращено. Он ошибочно полагал, что танки у немцев будут с мощной броней, как у дредноутов. Вместо этих боеприпасов было налажено производство 76-мм бронебойных снарядов на заводах Юга.

Исторически так сложилось, что промышленность, выпускавшая боеприпасы, размещалась в большей степени, чем другие отрасли, в угрожаемой зоне. Поэтому с самого начала войны она понесла ощутимые потери. Только с августа по ноябрь 1941 г. в результате оккупации и эвакуации выбыли из строя 303 предприятия, изготовлявшие боеприпасы. Их месячный выпуск составлял 8,4 млн корпусов снарядов, 2,7 млн корпусов мин, 2 млн корпусов авиабомб, 7,9 млн взрывателей, 5,4 млн средств воспламенения, 5,1 млн снарядных гильз, 2,5 млн ручных гранат, 16,1 тыс. т аммиачной селитры, 7800 т пороха, 3000 т тротила[34].

13 июля 1941 г. ГКО постановил организовать в восточных районах производство бронебойных и зенитных снарядов, причем именно тех видов боеприпасов, которые были особенно необходимы воинам Красной армии для борьбы с танками и авиацией противника. Проведение этого постановления в жизнь потребовало от советских, партийных, хозяйственных организаций огромного напряжения. Необходимо было в течение 10 дней мобилизовать и отгрузить с предприятий Москвы и Ленинграда 2800 станков для усиления мощностей предприятий Наркомата боеприпасов. Руководящие органы Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы получили задание срочно перебросить на уральские и сибирские заводы, изготовляющие боеприпасы, около 5 тыс. инженеров, техников, мастеров, квалифицированных рабочих по металло- и термообработке, инструментальщиков, монтажников[35]. Ответственное задание было выполнено.

И все же положение с боеприпасами было тяжелым. Накопленные ранее их запасы были израсходованы или утрачены. Войска испытывали острую нехватку артиллерийских снарядов, особенно зенитных, мин и патронов. Выпуск боеприпасов в последние месяцы 1941 г. снизился и не превышал 50–60 % плана. Тогда по решению правительства к их производству до конца года было переключено 382 предприятия 34 наркоматов и ведомств, а в 1942 г. — 1108 предприятий 58 наркоматов и ведомств[36].

Положение стало постепенно выправляться. С декабря 1941 г. выпуск боеприпасов начал заметно возрастать, и уже в июле 1942 г. предприятия наркомата произвели продукции в 1,7 раза больше, чем в июле 1941 г.[37]

В судостроительной промышленности (нарком И. И. Носенко) в соответствии с планом перестройки было законсервировано полностью производство 5 линкоров, 8 из 10 крейсеров, половина мониторов и других видов тяжелых боевых кораблей. Вместе с тем ускоренным темпом продолжались работы на кораблях с большим процентом технической готовности. К строительству боевых кораблей были привлечены заводы Наркоматов морского и речного флота, рыбной и мясной промышленности и ряда других.

Рост и развитие военного производства, в свою очередь, делали необходимым расширение сырьевой и топливно-энергетической базы, прежде всего в восточных районах, где развертывалась основная военно-промышленная база Советского Союза.

Черная металлургия (нарком И. Ф. Тевосян), продукция которой в целом по стране из-за вражеской оккупации сократилась более чем в два раза по сравнению с 1940 г., требовала к себе особого внимания[38]. Исключительно трудные задачи встали перед металлургами Востока. Они должны были не только восполнить утраченные мощности заводов Центра и Юга, но и существенно изменить технологию производства металла, освоить в кратчайшие сроки выпуск новых марок чугуна, легированных сталей, броневого проката.

Ведущая роль в этом деле принадлежала магнитогорским металлургам. До войны броневая сталь на Урале не производилась. Чтобы удовлетворить потребности фронта в специальных сортах черных металлов, ученым и металлургам, прежде всего коллективу Магнитогорского металлургического комбината, пришлось впервые в мировой практике к тому же в короткий срок освоить технологию выплавки броневой стали в больших мартеновских печах. Уже в июле — августе 1941 г. 70 % плана мартеновских цехов Магнитогорского металлургического комбината занимал качественный металл, а прокатные цеха более чем на 50 % давали прокат качественных специальных сталей. Всего в течение лишь второго полугодия 1941 г. сталевары Магнитки сумели освоить свыше 30 марок качественной стали[39].

Наряду с выплавкой качественной стали здесь же был налажен и ее специальный прокат. За отсутствием на Урале необходимых прокатных станов для этой цели тоже впервые в истории мировой и отечественной металлургии был приспособлен блюминг. Тем самым был совершен технический переворот в прокатном деле. Причем металлурги Урала дали высококачественную броню для танков на полтора месяца ранее установленного правительством срока.

За короткое время на производство качественной стали и проката был также переведен Кузнецкий металлургический комбинат[40].

В ходе военной перестройки на производство качественного проката были переключены и некоторые другие предприятия черной металлургии.

Если в 1940 г. качественный прокат по стране составлял 24,4 % от общего количества проката, а специальный прокат — 28,3 % от качественного, то в июле 1941 г. только по действующим восточным заводам Наркомата черной металлургии качественный прокат составил 36,9 %, а специальный — 55,7 %. В августе эти показатели по качественному прокату уже достигли 42,7 %, по специальному — несколько снизили — 54,3 %[41].

«Это был далеко не механический процесс, — писал известный сталевар, заместитель наркома черной металлургии П. И. Коробов. — Важнейшая военно-хозяйственная задача решалась путем многочисленных исследований, путем разработки и внедрения новой технологии металлургического производства, путем настойчивой борьбы за выплавку именно тех сортов стали, которая была бы способна выдержать на танках удары вражеских снарядов, обеспечила бы производство таких снарядов, которые пробивали бы броню фашистских танков»[42].

В сложнейших условиях перестраивалась на военный лад советская электроэнергетическая промышленность (Наркомат электростанций в первые месяцы войны возглавлял А. И. Летков). Как и другие отрасли тяжелой индустрии, уже в начале гитлеровской агрессии она понесла большие потери. Немецко-фашистские захватчики разрушили 61 крупную электростанцию, около 10 тыс. км высоковольтных линий электропередачи, вывезли в Германию 14 тыс. паровых котлов, 1400 турбин, 11 300 электрогенераторов. По установленной мощности электростанций Советский Союз был отброшен к уровню 1935 г.

Чтобы возместить такие потери и обеспечить народное хозяйство электроэнергией, ГКО и СНК СССР были приняты срочные меры для расширения старых и строительства новых электростанций. Так, уже 9 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны определил первоочередные мероприятия по усилению мощностей Челябинской, Красногорской и Средне-Уральской электростанций — основных станций уральской энергосистемы. 26 сентября СНК СССР вынес постановление «О мероприятиях по строительству электростанций в г. Новосибирске и Кузбассе», в соответствии с которым предусматривалось расширение Кемеровской ГРЭС и ТЭЦ, а также сооружение линий электропередач Кемерово — Ленинск и Мундыбаш — Таштагол[43].

В соответствии с правительственными решениями Наркомат по строительству (нарком С. З. Гинзбург) развернул в восточных регионах форсированное сооружение новых районных и заводских электростанций малой и средней мощности.

Для ускорения их сооружения изыскивались пути сокращения объема и сроков строительных и монтажных работ, упрощения схем, конструкций зданий и сооружений. Вместо дефицитных материалов широко применялись местные. Между тем положение обострилось ввиду перебазирования энергетического оборудования из угрожаемых районов и временным выходом из строя в связи с этим еще ряда электростанций. Кроме того, резко возросли потребности в электроэнергии в восточных районах страны, где развертывалась военная промышленность и восстанавливались эвакуированные предприятия.

Объем капитальных работ Наркомстроя особенно резко увеличился по наркоматам, непосредственно обслуживавшим военные нужды страны. По Наркоматам обороны, Военно-Морского Флота, машиностроения он составил за шесть военных месяцев 1941 г. по отношению к первому полугодию 128 %, по Наркомату вооружения — 140 %, по Наркомату боеприпасов — свыше 200 %[44].

Капитальные вложения во втором полугодии 1941 г. направлялись преимущественно в восточные районы страны, где были развернуты большие работы по восстановлению перебазированных предприятий.

Военная промышленность поглощала огромное количество цветных металлов. Поэтому уже 28 июля 1941 г. Наркомат обороны СССР получил указание направить в помощь строителям Уральского алюминиевого завода Наркомата цветной металлургии (нарком П. Ф. Ломако) 10 строительных батальонов. Это позволило почти удвоить мощность завода. Одновременно началось сооружение новых алюминиевых заводов в Свердловской области и в Кузнецке.

Ускоренными темпами возводились также в различных районах тыла 5 крупных заводов по обработке и прокату цветных металлов. Были приняты меры по усилению производственных мощностей крупнейшего в стране Балхашского медеплавильного завода в Казахстане. В октябре 1941 г. сюда было направлено из Ивановской области оборудование прокатного цеха Кольчугинского завода. На новом месте цех был превращен в завод. Через 80 дней его металлурги дали стране крайне необходимый цветной прокат[45].

Прибывшие на Северный Урал с оборудованием со своих рудников горняки Никополя взялись за знакомое им дело: добычу марганцевой руды. Сквозь тайгу, через болотные топи добирались они от конечной станции Ивдель на Урале до р. Полуночной к месторождениям марганца, в труднейших условиях доставили сюда инструмент, многочисленные тяжелые агрегаты — моторы, компрессоры, подъемные машины. В конце 1941 г. на заводы черной металлургии пошел уральский марганец, который до войны получали с Украины и Закавказья.

В восточных районах СССР и особенно в Казахстане и Узбекистане также быстро развертывалась добыча вольфрамовой руды, ванадия, молибдена и других редких металлов, без которых невозможно производство легированных сталей.

Перестройка черной и цветной металлургии и расширение военного производства потребовали от предприятий Наркомата угольной промышленности (нарком В. В. Вахрушев) значительного увеличения добычи угля, прежде всего коксующегося. После временной потери Донбасса и Мосбасса резко возросла роль восточных районов страны.

В Кузбасс и Карагандинский бассейн из Донецкого бассейна была эвакуирована большая группа хозяйственных и инженерно-технических работников, опытных специалистов и два института с профессорско-преподавательским составом и студентами.

Кузнецкий бассейн, где до войны добывалось только около 14 % угля, уже к началу осени 1941 г. стал основным поставщиком коксующегося угля и химической продукции.

Страна, фронт крайне нуждались в горючем. Между тем с началом войны положение в нефтедобывающей промышленности (наркомат возглавлял И. К. Седин) серьезно осложнилось. Это во многом было связано с определенными просчетами довоенного времени. Требовалось, например, уделить гораздо больше внимания вопросам развития восточных нефтяных районов СССР. Во втором полугодии 1940 г. в общей добыче нефти в стране они составляли всего лишь 12,3 %, а в первом полугодии 1941 г. их удельный вес не только не увеличился, а, напротив, снизился до 11,9 %[46]. Поэтому наряду с форсированной добычей нефти в стране в старых промысловых районах Северного Кавказа и Азербайджана ГКО в июле 1941 г. принял постановление «О мероприятиях по развитию добычи и переработке нефти в восточных районах СССР», прежде всего в районе Второго Баку — в Поволжье и Прикамье. Здесь наряду с расширением нефтепромыслов приступили к строительству нефтеперерабатывающих заводов в Сызрани, Саратове, Уфе, Ишимбае, Орске. В Поволжье создавалась фактически заново газовая промышленность.

В трудном положении в первые военные месяцы оказался Бакинский район — один из основных поставщиков нефти. Из-за невозможности вывозить готовую продукцию Черноморским флотом на бакинских нефтепромыслах образовались значительные запасы невывезенных нефтепродуктов и непереработанной сырой нефти, в которых так нуждались фронт и тыл[47].

Невывезенная продукция заполнила почти все местные емкости, в связи с чем ГКО был вынужден принять решение о временном сокращении с ноября для Баку среднесуточной добычи нефти. Положение удалось поправить благодаря более эффективному использованию морского транспорта Каспия, перевалочных баз и Ашхабадской железной дороги.

Военная перестройка нефтеперерабатывающей промышленности непосредственно отразилась на повышении удельного веса продукции военного назначения, а также на некотором изменении и размещении ее производства.

Наиболее характерным явилось резкое увеличение выпуска авиационных бензинов. Хотя в третьем квартале 1941 г. из-за вражеской оккупации страна лишилась продукции Украинефтекомбината, Одесского, Херсонского и Осипенковского крекинг-заводов, это почти не отразилось на выработке авиабензинов, масел, бензина КБ-70 и дизельного топлива, поскольку основными базами их производства в первые месяцы войны являлись Баку, Краснодар, Майкоп, Грозный, Туапсе и Батуми. Однако в четвертом квартале 1941 г. в связи с демонтажем и эвакуацией нефтеперерабатывающих заводов Майкопа, Грозного, Туапсе и Краснодара продукция нефтепереработки значительно снизилась[48].

С большими трудностями переключалась на выпуск военной продукции химическая промышленность (нарком И. Ф. Денисов). К концу 1941 г. в результате вражеского нашествия она потеряла свыше 50 % мощностей по производству аммиака и каустической соды, 77 % серной кислоты, 83 % кальцинированной соды и т. д.

В связи с этим центральными и местными органами были приняты энергичные меры, как по восполнению понесенных потерь, так и по расширению производственной базы химической индустрии. В ходе перестройки был, например, восстановлен Новомосковский химический комбинат по производству азотной кислоты, увеличены мощности по выпуску этой стратегической продукции на Березниковском химическом заводе, Кемеровском азотнотуковом заводе и Чирчикском электрохимическом комбинате. Вводились также новые мощности по производству каустической и кальцинированной соды, калийной селитры, олеума, газовой сажи, аммиака, органического стекла, различных красителей, средств химзащиты и других видов химической продукции. На коксохимических заводах Кузнецка, Ново-Тагильска и Магнитогорска в короткие сроки было налажено крупное производство

такого важного компонента военной продукции, как толуол. Снабжение серной кислотой предприятий, изготовлявших боеприпасы, осуществлялось с Воскресенского, Щелковского и Дорогомиловского химических заводов.

Однако возместить нанесенный войной ущерб удалось не сразу. Объем производства химической промышленности в течение второго полугодия 1941 г. снижался. Постепенный подъем наступил в химической индустрии только во втором квартале 1942 г.

Военная перестройка внесла существенные изменения в работу легкой, пищевой и текстильной промышленности (наркоматы этих отраслей промышленности соответственно возглавляли С. Г. Лукин, В. П. Зотов и И. Н. Акимов). Например, предприятия текстильной промышленности перешли на производство преимущественно тканей военных образцов, а все швейные фабрики — на пошив армейского обмундирования. Кроме того, на заводах, фабриках и комбинатах легкой, текстильной и пищевой промышленности был налажен выпуск таких видов военной продукции, как ручные гранаты, корпуса мин и снарядов, зажигательные авиабомбы, автоматы, бутылки с горючей смесью и др.

Успех всей работы по мобилизации экономики и ее переводу на военные рельсы находился в прямой зависимости от правильного использования трудовых ресурсов. Проблема кадров в условиях войны стала одной из самых острых хозяйственных проблем. Трудность ее решений усугублялась тем, что помимо мобилизации в армию большого числа рабочих и служащих значительная часть населения страны осталась на оккупированной территории; десятки тысяч рабочих были временно выключены из сферы производства из-за перебазирования промышленности. Если к концу 1940 г. в народном хозяйстве во всех отраслях было занято 31,2 млн рабочих и служащих, то к осени 1941 г. их насчитывалось лишь около 18,5 млн человек.

В целях правильного и планомерного распределения и перераспределения трудовых ресурсов Совнарком СССР своим постановлением от 30 июня 1941 г. учредил при Бюро СНК СССР Комитет по распределению рабочей силы во главе с П. Г. Москатовым[49]. (Позднее Комитет стал заниматься и учетом рабочей силы, его возглавил Н. М. Шверник.)

Недостаток рабочей силы в промышленности пришлось восполнить частично за счет других отраслей народного хозяйства, а также путем увеличения рабочего дня, введением обязательных сверхурочных работ, отменой очередных и дополнительных отпусков, что позволило на одну треть повысить загрузку оборудования. Для замены ушедших на фронт в промышленность, строительство и на транспорт добровольно влились сотни тысяч советских граждан, в первую очередь старики[50], женщины и молодежь. Существенным источником пополнения квалифицированной рабочей силы оставалась система государственных трудовых резервов.

Но указанные мероприятия, несмотря на их положительную роль, не могли полностью решить проблему воспроизводства рабочей силы. Требовалось наладить систематическую подготовку нового рабочего пополнения и переподготовку имевшихся производственных кадров. Ведь на промышленные предприятия и транспорт пришли люди, которые в своем большинстве не владели какими-либо рабочими специальностями.

Подготовка кадров массовых рабочих профессий была организована на краткосрочных курсах, в стахановских школах, в системе государственных трудовых резервов, а также на самом производстве в порядке индивидуального и бригадного ученичества под руководством кадровых рабочих и мастеров.

23 июля 1941 г. постановлением СНК СССР совнаркомам союзных и автономных республик, а также исполкомам краевых и областных Советов депутатов трудящихся было предоставлено право при необходимости переводить в обязательном порядке рабочих и служащих на работу в другие предприятия независимо от их ведомственной принадлежности и территориального расположения. Это позволяло местным органам власти более оперативно маневрировать производственными кадрами в интересах войны.

Опираясь на помощь и содействие местных органов, Комитет по распределению рабочей силы при Бюро СНК СССР с июля 1941 г. переместил с предприятий местной

промышленности, общественного питания, промкооперации, коммунального хозяйства, управленческого аппарата, а также мобилизовал из числа незанятого городского и сельского населения в оборонную промышленность 120 850 человек. За то же время были направлены на угольные шахты, нефтепромыслы, электростанции, в черную и цветную металлургию, на строительство и железнодорожный транспорт 608,5 тыс. рабочих, призванных военкоматами и сформированных в строительные батальоны и рабочие колонны[51].

Для укрепления трудовой дисциплины и закрепления работников за своими предприятиями были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» и «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Мобилизации подлежали лица, не работавшие в государственных учреждениях и на транспорте.

Позднее, в целях привлечения рабочей силы на выполнение сельскохозяйственных работ в наиболее напряженные периоды мобилизация трудоспособного населения распространялась и на сельских жителей.

Сейчас эти и другие чрезвычайные меры кому-то могут показаться чересчур суровыми и даже жестокими. Но шла война, и с таким положением приходилось считаться. Подобные решения, а также досрочный массовый выпуск учащихся из школ трудовых резервов существенно смягчили остроту проблемы кадров и во многом определили необходимые возможности для развертывания военного производства.

Осуществляя перестройку народного хозяйства и мобилизацию материальных и людских ресурсов страны, Государственный Комитет Обороны, Совнарком СССР, центральные, республиканские и местные советские, партийные и хозяйственные органы в сложных и драматических условиях добивались максимального использования возможностей не только промышленности, но и сельского хозяйства. (Наркомат земледелия СССР и Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР в то время соответственно возглавляли И. А. Бенедиктов и П. П. Лобанов.)

Требовалось, прежде всего, в сжатые сроки убрать урожай первого военного лета и провести своевременно государственные заготовки и закупки хлеба, спасти от врага из прифронтовой полосы скот, сельскохозяйственные машины, запасы сырья и продовольствия; увеличить в восточных районах посевные площади зерновых, картофеля и овощей.

Разумеется, все эти меры снижали и без того сравнительно невысокий жизненный уровень тружеников села и повышали требование работать на пределе сил и возможностей.

В связи с тем, что была мобилизована на нужды фронта часть тракторов и автомашин, при уборке урожая использовались простейшие технические средства и ручной труд.

В дни первой военной уборочной страды в колхозах тыловых районов страны машинами на конной тяге и вручную было убрано 67 % колосовых культур, а в совхозах — 13 %[52]. В прифронтовой полосе сбор урожая часто происходил под обстрелами и налетами вражеской авиации. На большей части Украины труженики села сумели выполнить государственный план хлебозаготовок, полностью обеспечили продовольствием войска, действовавшие на территории республики. Несмотря на то, что уборочные работы в 1941 г. по климатическим условиям начались позже, чем в 1940 г., в шести южных областях УССР уже на 15 июля было убрано 959 тыс. га зерновых, в то время как на это же число в 1940 г. было убрано только 415,3 тыс. га. Вывезенные с Украины хлеб и хлебопродукты составили примерно одну восьмую всех зерновых, заготовленных в тыловых районах страны[53].

В целом справились со своими задачами колхозники и работники совхозов других прифронтовых районов. Но в создавшейся обстановке вся тяжесть решения продовольственной проблемы легла на восточные районы, где уборка первого военного урожая была проведена хуже, чем в 1940 г., особенно в Поволжье и на Урале. Основными причинами такого положения явились сильные затяжные дожди, начавшиеся во многих районах сразу же после созревания хлебов. Ощущалась также нехватка механизаторских кадров, особенно комбайнеров и трактористов, а также транспортных средств, уборочных машин, горюче-смазочных

материалов и др. В связи с мобилизацией общая численность трактористов к августу 1941 г. при потребности 498 тыс. человек составляла 286 тыс.

Чтобы по возможности компенсировать потери сельского хозяйства и поддержать на необходимом уровне сельскохозяйственное производство, еще 20 июля 1941 г. правительство утвердило план увеличения озимого клина зерновых культур в областях Поволжья, Урала, Сибири и Казахской ССР. Было принято также решение расширить посевы зерновых культур в районах хлопководства — Узбекистане, Туркмении, Киргизии, Казахстане и Азербайджане.

Продвижение на восток озимых хлебов, использование части хлопковых посевных площадей среднеазиатских республик под посевы зерновых и технических культур составляло важнейшую часть программы военной перестройки экономики, мобилизации ресурсов села на помощь фронту.

Фронт оторвал от мирного труда наиболее трудоспособную и квалифицированную часть работников села. Для возмещения убыли рабочей силы в общественное производство деревни вовлекалось все мало-мальски трудоспособное колхозное население, включая подростков и стариков. Женщины и молодежь допризывного возраста были основным резервом комплектования механизаторских кадров.

Удельный вес женщин среди трактористов, комбайнеров, шоферов поднялся с 7,8 % в 1940 г. до 36–42 % в 1942 г., в отдельных областях этот процент был еще выше. Так, в Молотовской области процент трактористок возрос с 9 % в 1940 г. до 75 % в 1942 г.[54]

В итоге всех усилий к концу 1941 г. в закрома государства поступило свыше 1 миллиарда пудов зерна. В тех экстремальных условиях это было несомненным достижением работников сельского хозяйства, их заметным вкладом в дело мобилизации экономических ресурсов страны.

Трудности первых недель и месяцев войны наложили свой отпечаток на все отрасли народного хозяйства, в том числе и на транспорт. Приспосабливать транспортные перевозки к возраставшим потребностям фронта и тыла и особенностям военно-экономической мобилизации приходилось в исключительно тяжелых условиях.

Перестройка работы железных дорог (нарком путей сообщения Л. М. Каганович) вновь началась с перевода движения поездов на особый воинский график 1941 г. — литер «А», который был введен приказом НКПС от 23 июня 1941 г. с 18 час. 24 июня взамен имевшегося в распоряжении дорог воинского графика 1938 г.[55] Введение воинского графика обеспечивало первоочередной и скорейший пропуск воинских эшелонов и грузов.

Одновременно были осуществлены и другие мероприятия, предусмотренные мобилизационным планом, в частности открылись находившиеся на консервации промежуточные станции и разъезды, обходные линии, дополнительные пути, водокачки, устройства локомотивного и вагонного хозяйства, места погрузки и выгрузки. Принимались меры к увеличению пропускной способности важнейших узлов восточных районов (Челябинского, Свердловского, Тагильского, Новосибирского, Кировского), развертывалось строительство ряда дорог в восточных и северных районах. Значительная часть подвижного состава переоборудовалась для перевозок воинских частей, боевой техники, боеприпасов, раненых и т. п. На фронтах учреждались должности уполномоченных НКПС, наделенных широкими правами.

Уже в течение первой недели войны железные дороги СССР выполнили такой объем перевозок, на который дореволюционной России в начале Первой мировой войны потребовалось два с половиной месяца[56]. Всего за летне-осенний период 1941 г. для развертывания и сосредоточения советских вооруженных сил из внутренних военных округов в пункты сосредоточения войск были доставлены главным образом железнодорожным транспортом 291 стрелковая дивизия, 94 стрелковые бригады и свыше 2 млн человек маршевых пополнений[57]. За первые 40 дней войны по железным дорогам были перевезены на фронт 2,5 млн человек. Под воинские перевозки с начала военных действий по декабрь 1941 г. потребовалось 2,4 млн вагонов[58].

Выполнение оперативных заданий по воинским перевозкам уже в первые месяцы войны заметно отразилось на снижении общего объема народнохозяйственных перевозок. Повысился лишь удельный вес основных хозяйственных грузов оборонного значения: с 57 % в июне до 65 % в июле и 70 % в августе 1941 г. Перевозки же остальных хозяйственных грузов, включая товары широкого потребления, уменьшились с 46 тыс. вагонов в июне до 22 тыс. в июле и 18,9 тыс. в августе[59].

Осуществление максимально быстрой переброски войск на фронт, при одновременно проводимых народнохозяйственных перевозках и эвакуации людей и предприятий в тыл, потребовало от железнодорожников высокой организованности, дисциплины и самоотверженности в работе. Подвергаясь постоянным атакам с воздуха, машинисты и поездные бригады героически водили эшелоны с войсками и вооружением на фронт, вывозили отсюда раненых и другие грузы. Чтобы ослабить напряженность движения на линиях и ускорить пропуск воинских поездов, на дорогах стали применяться методы «живой блокировки». По пути следования устанавливались посты, помогавшие следить за движением каждого поезда. Иногда поезда продвигались «караванами» — с небольшими интервалами, меньше тех, которые допускались техническими правилами. Но цель достигалась, и пропускная способность увеличивалась иногда в 2–3 раза.

Трудности и потери на железнодорожном транспорте были велики. Достаточно отметить, что к ноябрю 1941 г. в результате вражеской оккупации длина железнодорожного пути СССР сократилась на 41 %. Все это тяжело отразилось на эксплуатационной деятельности железных дорог. Так, в третьем квартале 1941 г. было перевезено народнохозяйственных грузов на 134,9 млн т меньше, чем в первом полугодии[60]. Однако железнодорожный транспорт в течение третьего квартала и последующих месяцев 1941 г. выдержал, пожалуй, самое большое испытание военных лет.

В первые месяцы войны на обслуживание первоочередных нужд фронта были мобилизованы и другие виды отечественного транспорта. Огромные трудности выпали на долю речников Днепро-Двинского, Северо-Западного и Волжского бассейнов (нарком речного флота СССР З. А. Шашков). Только благодаря героическим усилиям речников удалось в невиданно короткий срок организовать 46 переправ по среднему и нижнему течению Днепра и на Десне.

Весь флот Неманского пароходства работал по заданиям военного командования. По мере продвижения вражеских войск на Восток речной флот отводился на Днепр. После оставления Красной армией левого берега Днепра флот был затоплен.

Морской транспортный флот (нарком морского флота С. С. Дукельский) на Черном море и северных морях так же, как и речной флот в западных областях, был поставлен целиком на службу фронту и действовал главным образом по заданиям военного командования.

Автомобильный транспорт, удельный вес которого в грузообороте страны в 1940 г. составлял всего лишь 1,8 %, во время войны приобрел исключительно важное значение при обслуживании ближайших направлений от тыла к фронту, а также для доставки в тыл эвакуированного населения, сырья, продовольствия и материалов[61].

Общий объем перевозок воздушного транспорта Главного управления гражданского воздушного флота (ГУГВФ) за первые три военных месяца 1941 г. составил несколько миллионов тонно-км. За это же время было перевезено, в том числе фронтовыми авиаподразделениями ГУГВФ, десятки тысяч пассажиров[62].

Развитие производственной инициативы транспортников, массовый трудовой героизм железнодорожников, речников, моряков, коллективов автомобильного транспорта и гражданского воздушного флота в значительной мере помогли им в первые месяцы войны осуществить огромный по тому времени объем перевозок.

К числу мер, ставших важнейшей частью военной перестройки народного хозяйства, явилась начатая с самого начала войны эвакуация основных кадров, материальных и культурных ценностей, сырья и оборудования промышленных предприятий из угрожаемых районов

Советского Союза на Восток. О ней уже было упомянуто выше. Это была вынужденная, но весьма необходимая для перестройки народного хозяйства производственная операция. Ее вызвала крайне неблагоприятная обстановка, которая сложилась на фронте с первых дней фашистской агрессии.

Из угрожаемых районов различными видами транспорта уже с конца июня по сентябрь 1941 г. удалось эвакуировать большие массы людей, сотни предприятий, тысячи тонн сырья, топлива, значительные ресурсы сельского хозяйства и другие материальные и культурные ценности. Ничего подобного мировая история еще не знала. Известный в военные годы американский журналист Л. Сульцбергер в статье, опубликованной в журнале «Лайф», назвал эвакуацию, проводимую в СССР, поистине легендарной. «Этот осуществляемый в гигантских масштабах перевод промышленности на Восток, — говорилось в статье, — одна из величайших саг в истории».

Высокую оценку осуществляемому в СССР перебазированию производительных сил на Восток дал в своей книге «Россия в войне 1941–1945» английский публицист, корреспондент «Би-би-си» А. Верт. По его мнению, эвакуацию следует «отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза...»[63]. Но эти первые месяца войны были еще началом грандиозного, беспримерного в истории перебазирования производительных сил СССР. Фактически в глубокий тыл была перемещена целая индустриальная страна.

Последовательное решение столь сложнейшей военно-хозяйственной задачи во многом предопределило ускоренное развертывание на Востоке СССР мощной военно-промышленной базы.

Сочетание жесткого централизованного руководства с местным почином и местной инициативой позволяло в значительной мере не только смягчать хозяйственные трудности первых месяцев войны, но и найти пути, необходимые для их преодоления и решения практических задач по созданию слаженного военного хозяйства страны.

Огромное значение в советском тылу в ходе смертельной схватки с фашистским блоком приобрел человеческий фактор, в котором проявилось единое стремление не только фронтовиков, но и тружеников тыла — сделать как можно больше для фронта, преодолеть все трудности и невзгоды во имя скорейшего разгрома врага.

Движение многостаночников и скоростников, за совмещение профессий, двухсотников, трехсотников и даже тысячников (т. е. выполнявших нормы на 200, 300, 1000 %), комсомольско-молодежных и фронтовых бригад — таков далеко неполный перечень массовых проявлений в дни войны трудовых инициатив советскими людьми. Лучшие из них — люди разных национальностей: сталевары Нурулла Базетов, Ибрагим Валеев, Александр Чалков, Ольга Ковалева, фрезеровщик Дмитрий Босый, машиностроители Михаил Попов, Василий Шубин, Павел Спехов, машинисты Николай Лунин, Василий Болонин, бурильщики Алексей Семиволос, Илларион Янкин, станочница Екатерина Барышникова, первая в стране женщина-горновой Фелисата Шарунова, труженицы села Прасковья Малинина, Паша Ангелина, Дарья Гармаш и многие другие увлекали за собой на высокопроизводительный труд, в сражение за металл, за уголь и нефть сотни тысяч бойцов трудового фронта.

От конкретных решений высшего звена политических, военных и хозяйственных руководителей СССР во многом зависел как ход военных действий на полях битв и сражений, так и последовательный рост и укрепление советского тыла, его экономики.

Английский экономист Морис Добб в своей книге «Советское планирование и труд в мирный и военный период», выпущенной во время войны, писал: «Величайшую ошибку совершит тот, кто займется техническим аспектом планирования и станет рассматривать советскую хозяйственную систему только в свете согласования и руководства, игнорируя демократический элемент в ней, выражающийся в активном участии и самодеятельности масс». Достижения этого периода в перестройке экономики во многом способствовали созданию необходимых условий для отпора врагу.

Поворот советского общества от мира к войне

Вероломное вторжение войск фашистской Германии и ее европейских союзников и пособников обозначило качественный поворот в состоянии советского общества — от мира к войне. На борьбу с германским нашествием встали стар и млад, мужчины и женщины, все нации и народности СССР. Писатель М. М. Пришвин 5 июля 1941 г. писал в дневнике: «Весь народ поднялся»[64].

Что защищали советские люди? Чем был вызван их патриотический подъем? Прежние константы о том, что народы СССР защищали советскую социалистическую Родину, идеалы социализма лишь отчасти его объясняют. Исторические традиции борьбы народов за свободу и независимость, решимость советских людей к бескомпромиссной борьбе с агрессорами, готовность любой ценой преградить дорогу захватчикам и разгромить их были предопределены характером и особенностями Великой Отечественной войны.

В заявлении по Всесоюзному радио в день начала войны первого заместителя председателя СНК СССР и народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова говорилось: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу...» Завершающие речь слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»[65] соответствовали мыслям и чувствам миллионов людей.

Подлинно народным гимном стала исполненная в первые дни войны песня А. В. Александрова на слова В. И. Лебедева-Кумача «Священная война». Призыв песни встать «на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой» точно и доходчиво раскрывал характер Великой Отечественной войны и ее историческое предназначение.

Более всесторонняя оценка Великой Отечественной войны содержалась в речи председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г.: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной... Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного со стороны фашистских армий Германии»[66].

Советские люди вкладывали в понятие «патриотизм» прежде всего любовь к Родине, способность и в горе, и в радости быть вместе со своим народом. В годы Великой Отечественной войны это чувство достигло высокого накала. Стремление отстоять независимость страны, родную землю, свой родовой очаг было неукротимым. Люди ощутили смертельную опасность, которую нес германский фашизм, развязавший 22 июня 1941 г. неспровоцированную, несправедливую войну.

Часть населения СССР по-иному встретила войну. На захваченных противником западных территориях страны имевшие место антисоветские настроения проявились в пособничестве оккупантам, а в отдельных случаях — в вооруженных выступлениях против органов советской власти и частей Красной армии. Поражения страны и победы Гитлера желали разного рода националистические элементы, воинствующие противники советского строя.

Но большинство граждан страны воспринимали существующий социально-политический строй как законный и естественный. Дружба народов сплотила их во имя обороны Отечества, защиты тех жизненных ценностей, которые были им близки, дороги и понятны.

Реальность лета — осени 1941 г. оказалась жестокой: Советский Союз, его народы были вынуждены пережить стремительное, массированное, захватившее огромную территорию

С завода — на фронт

Запись добровольцев в народное ополчение

Ополченцы

нападение агрессора. Вражеской оккупации подверглись обширные территории, на которых проживали миллионы соотечественников. Возникла необходимость и неизбежность покидать родные города и села, оставлять работу или учебу. Тяжелейшая участь ожидала население, попавшее под вражескую оккупацию — угроза смерти, угон молодежи на принудительные работы в Германию и другие страны, насилие и грабежи. Война принесла гибель миллионам мирных жителей, вызвала появление сотен тысяч детей-сирот, инвалидов, одиноких беспомощных стариков. Принципиально иной становилась жизнь в каждом регионе, городе и селе, по сути — в каждой семье.

Не только от фронтовых и прифронтовых районов, но и от всех союзных республик, краев, областей, округов, от всего населения потребовались сверхсрочные, неотложные, крутые и, на взгляд современного обывателя, жестокие меры для мобилизации сил перед лицом рвущегося на восток противника. Призыв: «Все для фронта, все для победы над врагом!», как древний набат, поднял на бескомпромиссную войну с агрессором абсолютное большинство советских граждан.

С созданием 30 июня 1941 г. ГКО, в руках которого сосредоточилась вся власть в воюющей стране, процесс поворота общества от мира к войне стал быстро обретать конкретность, системность и организованность. Анализ документов, статистики позволяет говорить о том, что общество в целом с пониманием встретило меры властей по превращению страны в единый военный лагерь. Население проявило сознание общественного долга, законопослушание, дисциплинированность. Люди показали высокую социальную активность, терпение, коллективизм, мужество. Эти качества реализовались благодаря и патриотическим традициям народа, и целенаправленной деятельности государства, партии, местных Советов, общественных организаций. Великая Отечественная война характеризовалась именно широкой инициативой людей независимо от их социального статуса, этнической принадлежности, пола и возраста.

Историки выделяют следующие группы общественных инициатив в помощь фронту: создание добровольческих формирований, финансовая и другая материальная помощь фронту, забота о раненых воинах и инвалидах войны, семьях фронтовиков и детях, оставшихся без родителей, инициативы в трудовой сфере, моральная поддержка фронтовиков и тружеников тыла и другие[67].

Народные движения, как правило, начинались с конкретной, чаще личной инициативы, с убедительного яркого призыва. Это могли быть не только постановления ГКО, выступления И. В. Сталина, но и постановление городского комитета обороны, парткома завода, инициатива известных граждан страны. Ставший популярным лозунг «А чем ты помог фронту?» был нацелен на подъем личной, персональной активности, ответственности за общенародные дела.

В первую очередь это выразилось в усилиях общества по развертыванию подготовки боевых резервов для действующей армии. Согласно постановлениям ГКО «О подготовке резервов» от 16 июля 1941 г. и «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» от 17 сентября 1941 г., повсеместно было налажено военное обучение граждан, прежде всего призывного возраста, молодежи. На местах эту задачу осуществляли военные отделы ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов партии и местные Советы соответствующего уровня.

Программа Всевобуча охватывала тактическую, огневую, строевую, физическую, саперную, химическую и санитарную подготовку, а также изучение уставов Красной армии. Готовили будущих бойцов и по отдельным специальностям — пулеметчиков, минометчиков, снайперов, истребителей танков. Занятия проводились без отрыва от производства по 110-часовой программе, которая позволяла дать обучаемым военные знания и практические навыки подготовки одиночного бойца.

Для проведения всеобщего военного обучения граждан исполкомы местных Советов предоставляли военным органам необходимые помещения под учебные пункты, оборудовали их инвентарем, наглядными пособиями, обеспечивали явку военнообязанных на занятия, а

также выявляли среди жителей людей с военным опытом — для преподавания специальных дисциплин.

Обучение трудящихся военному делу стало нормой жизни. В Москве и Московской области было открыто более 600 военно-учебных пунктов, в Ленинграде — более 100, сотни пунктов Всевобуча готовили резервы в городах Урала, Сибири, Средней Азии. К 1 декабря 1941 г. план обучения военнообязанных только по 10 военным округам был выполнен на 362 процента[68].

Самым ярким примером гражданской инициативы стало возникновение, начиная с Ленинграда и Москвы, патриотического движения за создание в помощь фронту народного ополчения. В северной столице за короткий срок было сформировано 10 дивизий и 14 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов, в которых насчитывалось свыше 135 тыс. добровольцев, а в Москве — 15 дивизий народного ополчения (из них 12 уже к 7 июля 1941 г.) численностью около 165 тыс. человек[69].

Примеру ленинградцев и москвичей следовали по всей стране. Из справки о формировании народного ополчения по районам г. Горького от 28 июля 1941 г. видно, что свыше 60 тыс. трудящихся подали заявления о зачислении их в отряды народного ополчения, из которых более 44 тыс. реализовали свое стремление. Для руководства отрядами были подобраны 55 командиров. Все отряды приступили к регулярным занятиям по 100-часовой программе четыре раза в неделю[70].

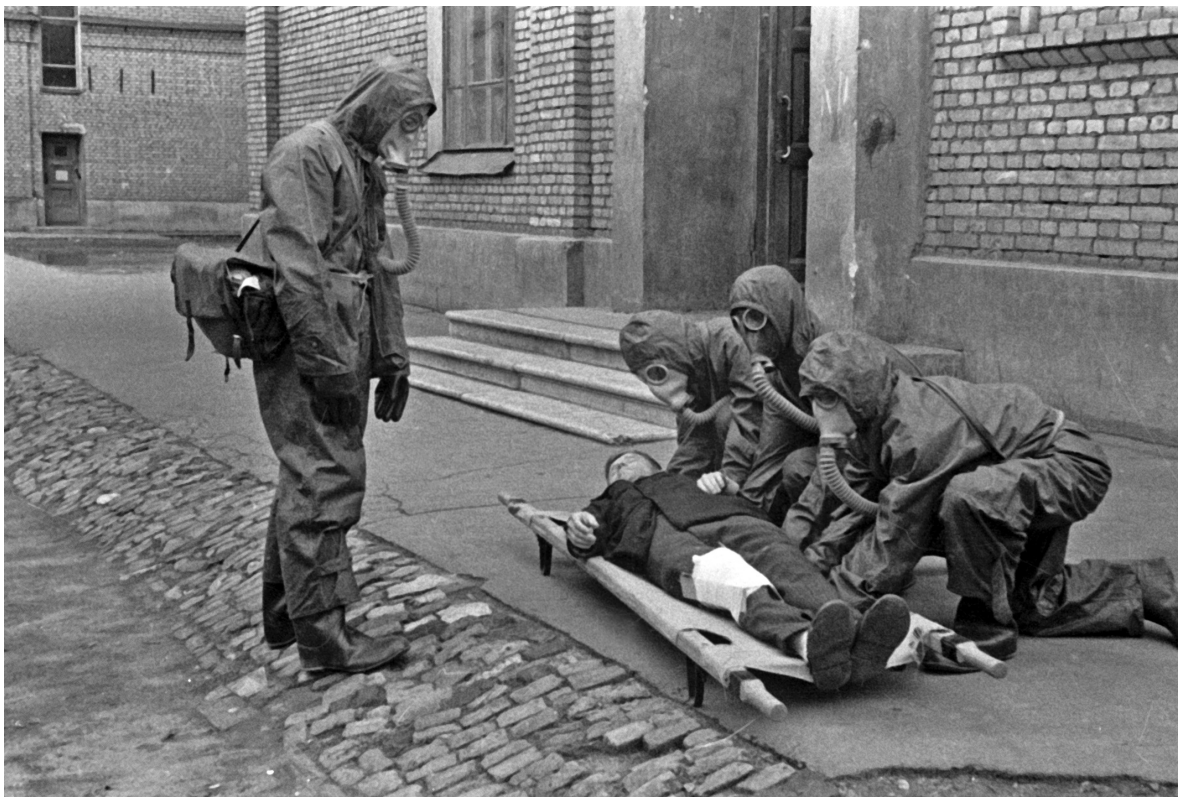
Подробное представление о патриотическом порыве населения дает и «Информационная сводка Дагестанского обкома ВКП(б) об оборонно-массовых мероприятиях в Дагестанской АССР» от 4 августа 1941 г. «По неполным данным, — говорилось в документе, — по республике вступил в отряды народного ополчения 5621 человек, в том числе по г. Махачкале 2522 человека, по г. Дербенту 843 человека, г. Буйнакску 483 человека. Всем районам и городам разосланы инструкции и программы по организации и обучению отрядов народного ополчения, подобран командно-политический состав и регулярно проводятся занятия в отделениях, взводах, ротах, эскадронах. В городе Махачкала 20.VII. с. г. был проведен первый смотр отрядов народного ополчения, продемонстрировавший высокие патриотические чувства и готовность трудящихся к борьбе с врагом»[71].

Писатель Даниил Гранин, воевавший в числе ополченцев, так передает настроение земляков-ленинградцев: «Ошеломленность и недоумение первых дней миновали. Возникало оскорбленное осознание нашей правоты...»[72] Именно понимание этой правоты и было главным мотивом записи многих тысяч ленинградцев, в том числе самого Д. А. Гранина, в ряды ополченцев. Уже вскоре он был на передовой — недалеко от Пулковских высот. Большую ценность для понимания внутреннего состояния защитников Ленинграда имеет такое его воспоминание: «Мы не знали, удастся ли отстоять Ленинград, мы знали лишь, что мы придем в Германию»[73].

Всего в Российской Федерации в первые месяцы Великой Отечественной войны было сформировано из добровольцев, записавшихся в народное ополчение, 28 стрелковых и 8 кавалерийских дивизий, 3 стрелковых полка и 15 артиллерийско-пулеметных батальонов, что составляло две трети всех ополченских формирований в СССР. Эти соединения и части насчитывали в своих рядах 360 тыс. человек[74]. После срочной, но довольно основательной военной подготовки они направлялись на фронт и, набираясь опыта, мужая, становились кадровыми соединениями Красной армии.

Повсеместно развернулось патриотическое движение за создание национальных добровольческих воинских формирований. Первой статус такого соединения по постановлению ГКО от 3 августа 1941 г. получила 201-я Латышская стрелковая дивизия, на 90 % сформированная из жителей Латвийской ССР и более чем наполовину состоявшая из этнических латышей. Дивизия приняла боевое крещение в битве за Москву в составе 33-й армии Западного фронта.

Создание добровольческих национальных формирований, представляя собой конкретную и действенную помощь действующей армии, стало ярким проявлением патриотизма



Медико-санитарная команда на учебных сборах

и национального достоинства народов. Для проведения связанных с этим работ на местах создавались республиканские, областные, городские и районные комиссии. Инициатива создания национальных воинских формирований находила горячий отклик у трудящихся. Многие из них за счет личных средств и сбережений обеспечивали новые дивизии и корпуса снаряжением, горючим, обмундированием и продовольствием.

Такие формирования (как правило, кавалерийские, стрелковые и горнострелковые дивизии и корпуса) стали формироваться в республиках Средней Азии, Казахстане, республиках Закавказья. Не меньший по сравнению с другими союзными республиками размах движение по созданию добровольческих формирований приобрело и в крупнейшей из союзных республик — России, где проживали десятки этносов. Названия вновь созданным соединениям давали края, области, географические регионы.

Осенью 1941 г. общественные организации Башкирии, Калмыкии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии внесли предложения о создании самостоятельных воинских формирований из коренных жителей этих автономных республик. Предложения были приняты, и уже в начале 1942 г. дивизии приняли первое боевое крещение.

В Краснодарском крае были сформированы две кубанские кавалерийские казачьи дивизии, полностью состоявшие из добровольцев. Эти дивизии составили ядро вновь организованного 17-го Кубанского добровольческого казачьего кавалерийского корпуса. Еще две кавалерийских казачьих дивизии были созданы из добровольцев, народных ополченцев Дона. Одну из них сформировала Ростовская область, другую — Сталинградская. С большим патриотическим подъемом были созданы добровольческие стрелковые бригады сибиряков-охотников — омичей и алтайцев.

Пенсионер А. В. Шиштоев провожает своего внука — комсомольца С. Ф. Варпашова на фронт

В начале войны, когда на российском Севере создалось напряженное положение, в короткий срок из народных ополченцев была сформирована стрелковая дивизия из двух полков, получившая неофициальное наименование Полярной. Уже в октябре 1941 г. она участвовала в боях, а в дальнейшем была включена в число кадровых соединений Красной армии.

К ожесточенным боям под Москвой подоспела и Ярославская стрелковая дивизия добровольцев-ополченцев. Добровольческие дивизии были созданы также в Новосибирской и Ивановской областях, а роты, батальоны, полки — в Пензенской, Горьковской, Кировской и других областях.

Энтузиазм, с которым в различных регионах страны создавались такого рода формирования, не имел прецедента. Например, в Красноярске, где требовалось отобрать 6 тыс. добровольцев, откликнулось 28 тыс. человек! И большинство из них — 26 тыс. человек — добились своего, будучи направленными на фронт[75]. Воевали сибиряки, в том числе в боях за Москву, героически.

Кто не смог пробиться в ополчение, участвовал в жизненно необходимой деятельности местной противовоздушной обороны. Советы депутатов трудящихся уделяли много внимания проведению мер по МПВО, подготовке инструкторов и мобилизации широких масс населения для отражения налетов вражеской авиации. Яркими примерами общественной инициативы и активности, боевыми штабами в борьбе с воздушными нападениями противника являлись Московский, Ленинградский, Сталинградский, многие другие городские Советы и городские комитеты обороны. Эта кропотливая работа опиралась на патриотическую поддержку широких слоев народа во всех регионах страны.

Особое значение МПВО имела для столицы СССР. Известно, что, благодаря организованному отпору, из 9 тыс. вражеских самолетов, участвовавших в налетах, в небо столицы прорвалось лишь 243 самолета (2,7 %). Из 45 тыс. пожаров, вызванных налетами люфтваффе на Москву, 43,5 тыс. были потушены бойцами истребительных батальонов, членами добровольных пожарных команд и местной противовоздушной обороны, жителями Москвы[76]. Замыслы фашистов деморализовать советский тыл путем нанесения массированных воздушных ударов были сорваны.

Ко многим общественным инициативам в советском тылу прямое отношение имели органы представительной власти. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» Советы депутатов трудящихся стали органической частью военно-политической системы страны. Будучи выборными органами, они через многочисленные общественные комиссии выполняли и функции массовых организаций, особенно на селе и в небольших трудовых коллективах. У Советов в тыловых районах определились два основных объекта деятельности в социальной сфере: удовлетворение нужд фронта и создание для населения в тылу необходимых, хотя бы минимальных условий жизни и труда.

О структуре Советов военных лет, больших изменениях в их составе в связи с войной дает представление записка Президиума Верховного Совета Татарской АССР в Татарский обком ВКП(б) (не позднее 1 октября 1941 г.). К началу Отечественной войны, говорится в записке, в 1692 сельских и поселковых Советах было депутатов — 19 198 человек, из них мужчин — 13 269, женщин — 5929, членов и кандидатов ВКП(б) — 4551, членов ВЛКСМ — 1658; в 63 районных Советах было депутатов — 2182 человек, из них мужчин — 1469, женщин — 713, членов и кандидатов ВКП(б) — 336, членов ВЛКСМ — 51; в 12 городских Советах было депутатов — 912 человек, из них мужчин — 562, женщин — 350, членов и кандидатов ВКП(б) — 517, членов ВЛКСМ — 94. По неполным данным, на 1 октября 1941 г. от 30 до 65 % депутатов Советов выбыли в ряды РККА. Всего депутатов Татарской АССР — 143 человек, из них мобилизовано в РККА — 44[77].

Местные Советы депутатов трудящихся сыграли важную роль в мобилизации и развертывании людских сил и материальных ресурсов для отражения немецко-фашистских захватчиков: они оказывали большое содействие военным органам в проведении мобилизации, формировании и отправке пополнений, строительстве оборонительных сооружений, мате-

риальном и продовольственном снабжении армии, организации поставок для нее конского состава, транспортных средств, снаряжения.

Одной из особенностей деятельности местных органов власти в годы войны стал значительный рост нештатного актива. Вокруг местных Советов формировались санитарно-бытовые отряды, бригады строителей, созданные на добровольных началах, и другие. Наряду с сессиями Советов чаще стали созываться общие собрания граждан, митинги.

В литературе и средствах массовой информации многие годы предпринимаются попытки обойти молчанием роль компартии в повороте советского общества от мира к войне и организации всенародного сопротивления германскому фашизму и его пособникам. Но факты свидетельствуют об обратном. ВКП(б) стала «воюющей партией».

В кратчайшие сроки осуществлялось перераспределение партийных сил в пользу действующей армии и военного производства. К концу 1941 г. в армии и на флоте воевало свыше 40 % состава партии. Не меньшая доля коммунистов была занята в ключевых для обороны производственных сферах, на транспорте. В начальный период войны в Вооруженные силы направлено 500 секретарей ЦК компартий республик, краевых, областных, городских и районных комитетов партии, 270 ответственных работников аппарата ЦК ВКП(б), 1265 работников областного и районного звена. А первый выпуск Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) в составе 360 человек в июне 1941 г. был полностью направлен на фронт[78].

Большими возможностями сплочения трудящихся располагали профессиональные союзы. Это был крупнейшая массовая организация военного времени. 4 июля 1941 г. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) провел собрание работников центральных комитетов отраслевых профсоюзов и профсоюзного актива Москвы и Московской области, на котором была дана установка всем профсоюзным организациям сверху донизу возглавить трудовой подъем рабочих, колхозников, интеллигенции, максимально приблизить работу профсоюзов к нуждам военного производства, к социальным проблемам. Под непосредственным руководством профсоюзов в стране организовывалось и развивалось социалистическое соревнование в городе и на селе.

Состав профсоюзов за годы войны претерпел существенные изменения. На фронт ушло 13 млн человек, первейшей же обязанностью оставшихся в тылу членов профсоюзов с началом войны стала мобилизация рабочих и служащих на быстрейшее и качественное выполнение производственных заказов для фронта. В соответствии с чрезвычайными условиями и потребностями была реорганизована структура ВЦСПС и ЦК отраслевых профсоюзов. В их составе были созданы структуры социального блока — отделы рабочего снабжения и управления госпиталями, а также секторы Всесоюзного социалистического соревнования, образована комиссия по рабочему изобретательству и рационализаторству. Одновременно в интересах приближения актива к производству были слиты 34 отраслевых и территориально-отраслевых профсоюза, создан самостоятельный профсоюз рабочих танковой и тракторной промышленности. В промышленные центры, по аналогии с институтом парторгов ЦК ВКП(б), назначались уполномоченные ВЦСПС.

С началом войны сменились приоритеты и в работе Всероссийского Ленинского коммунистического союза молодежи (комсомола). Его главной задачей стала мобилизация молодежи в действующую армию и на самоотверженную работу в тылу. Она решалась в первую очередь путем комсомольских призывов и мобилизаций. По решению ГКО комсомол провел 73 таких мобилизации, в результате которых в армию и на флот было направлено более 736 тыс. человек — главным образом в воздушно-десантные войска, лыжные батальоны, гвардейские минометные части, для выполнения специальных заданий в тылу врага, в снайперские школы, отряды истребителей танков и другие формирования, где особенно требовались инициатива, молодые силы, смелость, зоркий глаз, быстрота реакции и другие качества[79]. В связи с постановкой перед этой организацией новых сложных задач, с изменением условий для их выполнения, ускорялось социальное взросление молодежи, и в годы войны прием в ряды ВЛКСМ был разрешен с 15 лет, т. е. на один год раньше, чем в мирное время. Это увеличило приток подростков в авторитетную молодежную организацию.

Митинг рабочих, посвященный выступлению по радио И. В. Сталина. Июль 1941 г.

При перечислении важнейших общественных организаций современные исследователи нередко забывают о пионерской организации, объединявшей детей и подростков в возрасте 10–15 лет. Перед войной пионерия насчитывала 13 млн человек. Война дала мощный толчок повороту пионерской организации к всесторонней помощи взрослым в борьбе против фашистских захватчиков. Подростки, увлекаемые примером отцов и старших братьев, романтикой войны, становились разведчиками, юнгами на военных кораблях, бойцами формирований МПВО, партизанами, создавали подпольные пионерские отряды для борьбы против захватчиков. В тылу они помогали семьям фронтовиков, инвалидам и престарелым землякам в хозяйственных заботах, в озеленении территорий школ и клубов, писали ободряющие письма фронтовикам и т. п.

Трудно переоценить роль Общества Красного Креста, которое с первых дней и на протяжении всей войны готовило в массовом количестве для фронта и тыла средний и младший медицинский персонал. В медицинских школах, на курсах, в учебных дружинах и кружках Красного Креста занимались сотни тысяч человек. Они, как правило, деятельно проявили себя в практической работе: быстро осваивались с боевой обстановкой, стойко переносили невзгоды войны.

На усиление вклада различных социальных групп страны в общенародные дела была нацелена работа и созданных в первый год войны новых общественных объединений. Среди них: Антифашистский комитет советских женщин (с 7 сентября 1941 г.) во главе с известным летчиком Героем Советского Союза В. С. Гризодубовой, Антифашистский комитет советской молодежи (с 28 сентября 1941 г., председатель — известный полярник Герой Советского Союза Е. К. Федоров), Антифашистский комитет советских ученых (с осени 1941 г., пред-

седатель — академик Н. С. Державин) и другие. Возглавляемые авторитетными гражданами страны, эти организации получили в годы войны большой размах и проводили важную работу по разоблачению антигуманной фашистской идеологии и политики, поднимали из глубин народа новые социальные силы на завоевание Победы.

Особое внимание уделялось работе, рассчитанной на народы славянских государств, имевшие общие духовно-культурные, а нередко и конфессиональные корни. На территории СССР начали формироваться добровольческие воинские части из Польши, Чехословакии. Были установлены постоянные контакты с патриотическими силами Югославии, Болгарии, других государств. Одним из проявлений единства славян в борьбе против гитлеровцев и их пособников стал созданный осенью 1941 г. международный Всеславянский комитет (председатель — генерал-лейтенант А. С. Гундоров, начальник Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева). В его состав были избраны выдающиеся представители славянских народов. Главной целью комитета являлась пропаганда идей общности славян, сходства их исторических судеб, культур, укрепление межславянских связей для активизации борьбы с фашистскими оккупантами.

Одной из важных общественных инициатив советского народа стало создание Фонда обороны из личных средств населения, организация сбора денежных средств на строительство танковых колонн, авиаэскадрилий, отдельных самолетов, торпедных катеров, подводных лодок; поиск и максимальное использование внутренних ресурсов предприятий для дополнительного производства вооружений и боеприпасов, организация шефства над соединениями, воинскими частями, кораблями, проведение воскресников для получения средств в Фонд обороны.

Идея создания такого фонда родилась уже на второй месяц войны. 31 июля 1941 г. коллектив московского завода «Красный пролетарий» призвал соотечественников ежемесячно отчислять в Фонд обороны однодневный заработок. Кроме заработной платы в него передавались личные денежные накопления, изделия из драгоценных металлов, облигации государственных займов, перечислялись средства, заработанные на воскресниках, и т. п. Взносы принимались на специальные счета, которые были открыты во всех отделениях Госбанка.

Важнейшими формами проявления патриотизма, высокой общественной активности граждан, их ответственности за судьбу Отечества стали шефство над госпиталями, помощь семьям военнослужащих и эвакуированным, широчайший размах донорского движения, движения за усыновление детей, оставшихся без родителей, и многое другое.

Особой заботой население окружало раненых и больных воинов. Красноармеец Артмеладзе так рассказывал о встрече эвакуированных в тыловой госпиталь в Чебоксарах: «8 августа 1941 года в 9 часов утра паровоз неожиданно остановился. Бойцы, легкораненые, вышли из вагона. Море людей: кто с букетами цветов, кто с подарками. Все хотели чем-либо угостить... После теплой встречи на вокзале население Чувашии сопровождало бойцов до госпиталя...»[80]

В стране из представителей органов власти и общественных организаций были созданы Всесоюзный, а также республиканские, областные и краевые комитеты помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии. Они организовывали широкую общественную помощь органам здравоохранения в приеме на вокзалах, пристанях и в аэропортах прибывающих на излечение, шефствовали над госпиталями (ремонтировали помещения, оборудовали столовые, радиофицировали палаты), устраивали для больных и раненых концерты, лекции, распределяли для них подарки, помогали им вести переписку с родными и т. п.

Например, в Саратове было сформировано 15 звеньев из студентов-медиков и 20 команд из общественников. На Куйбышевском железнодорожном вокзале постоянно работали по приему раненых 56 женщин — распределяли сухой паек, кормили раненых обедами, компостировали билеты, делали перевязки. В Казани на вокзале были созданы специальные санитарные дружины, а в госпиталях — санвзводы для приема и размещения раненых. И так было, без преувеличения, по всей стране.

Практические занятия в школе медсестер

Уже в конце лета 1941 г. началась работа по сбору теплых вещей и белья для Красной армии. Как же они пригодились нашим бойцам! К наступлению холодов от рабочих, служащих, колхозников и интеллигенции Советского Союза для обеспечения Красной армии поступило почти 1,2 млн пар валенок, 1,8 млн полушубков, курток и ватных шаровар, 1,3 млн шапок-ушанок и много другого, столь необходимого воинам[81]. В стране широко проводился сбор коллективных и индивидуальных посылок бойцам и командирам Красной армии. Это была огромная помощь и моральная поддержка фронтовикам.

С первых дней войны на фронте, в тылу, на оккупированной фашистами территории вступили в борьбу с врагом миллионы верующих. Военные лишения и потери вызвали заметный рост религиозности в СССР. В вере люди искали и находили моральную опору и утешение, были ли они христианами или мусульманами, иудеями или буддистами.

На священную войну с фашистскими агрессорами миллионы православных христиан вдохновило благословение Русской православной церкви, которое наши соотечественники получили в первый же военный день. Узнав о вероломном нападении Германии, местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Московский и Коломенский Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский) написал текст послания пастырям и пастве Русской православной церкви, в котором призвал русский народ выступить на защиту Отечества. Как свидетельствовали очевидцы, владыка ни минуты не колебался, хотя и рисковал вызвать неудовольствие властей: по закону об отделении Церкви от государства любая религиозная проповедь могла звучать только в пределах храмов. Но соображения осторожности во взаимоотношениях с атеистической властью ушли на задний план перед лицом тяжкого испытания, обрушившегося на страну.

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю, — писал в «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» митрополит Сергий. — Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят попытаться еще раз поставить наш народ на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостностью родины, кровными заветами любви к Отечеству.

Но не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге перед родиной и верой и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти и по вере...

Вспомним, — говорил митрополит Сергий, — святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи православных воинов...

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народ свой и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... Господь нам дарует победу»[82].

26 июня в Богоявленском соборе митрополит Сергий отслужил первый молебен «о даровании победы». После этого подобные молебствия стали в храмах Московской Патриархии повседневными и совершались они по специально составленным текстам: «Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской Православной Церкви в дни Отечественной войны».

О том, что слово первого архипастыря Русской православной церкви было весьма действенным и представляло собой опасность для завоевателей, свидетельствуют факты расстрелов священнослужителей, распространявших послания митрополита Сергия по ту сторону линии фронта. Так, в сентябре 1941 г. немцами были расстреляны в Киеве архимандрит Александр (Вишняков) и протоиерей Павел Остренский, в Симферополе — протоиерей Николай Швец и диакон Александр Бондаренко. Смертью карали фашисты и тех, кто распространял патриотические воззвания митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского)[83].

Влияние архипастырского слова всерьез пугало врагов. Известен приказ начальника РСХА группенфюрера СС Р. Гейдриха, в соответствии с которым при захвате Москвы должен был немедленно последовать арест митрополита Сергия. Владыка в сентябре 1943 г. был избран Патриархом Московским и всея Руси и нес бремя служения вплоть до кончины в мае 1944 г.

С патриотическими посланиями к верующим в первые дни войны обратились также Центральное мусульманское духовное управление СССР, Московская иудейская община и другие церковные организации. Они, как и Русская православная церковь, внесли в дело обороны страны, материальной помощи армии свой значительный вклад. Показательный факт: в годину войны случаи отказа от мобилизации по религиозным мотивам практически сошли на нет.

Патриотическая деятельность РПЦ проявлялась в самых различных формах, не ограничиваясь призывами и молитвами о христолюбивом воинстве. Многие сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось к 1941 г. вернуться из лагерей и тюрем, прямо взяли в руки оружие, будучи призванными в действующую армию. Так, С. М. Извеков, будущий патриарх Московский и всея Руси Пимен, воевал заместителем командира роты. Пулеметчиком сражался с врагом будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексий (Коноплев). Полным кавалером ордена Славы вернулся с войны протодиакон Борис Крамаренко. Ратный путь Стефана Козлова, клирика храма во имя Святого князя Александра Невского, и диакона Романа Чуха был увенчан орденами Славы III степени[84].

Не одну сотню жизней спас военный хирург архиепископ Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий). С 1921 г. он сочетал священнослужение с врачебной практикой и занятиями наукой. Как только разразилась война, он направил председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину телеграмму следующего содержания: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука».

Его перевели на поселение в Красноярск и назначили хирургом-консультантом эвакогоспиталя № 1515. В. Ф. Войно-Ясенецкий стал также консультантом госпиталей Красноярского края. За монографию «Очерки гнойной хирургии», имевшую большое значение для излечения раненых воинов, он был удостоен Сталинской премии[85].

Многие православные храмы на оккупированной нацистами территории без преувеличения стали центрами русского национального самосознания и сопротивления агрессору. В конце концов человек в рясе с крестом стал одним из самых ненавистных для гитлеровцев лиц. Известно, например, что в Полесской епархии Белоруссии более половины священников были расстреляны фашистами за содействие народным мстителям.

Одним из важнейших направлений деятельности РПЦ стала организация среди верующих сбора средств в Фонд обороны, Фонд помощи раненым, Фонд помощи детям и семьям бойцов Красной армии. В Фонд обороны вносились денежные суммы, облигации государственных займов, жертвовались драгоценности.

Историки отмечают особую роль в организации сбора пожертвований на борьбу с врагом архиепископа Ленинградского Алексия (в миру Сергей Владимирович Симанский). Он одним из первых летом 1941 г. призвал верующих жертвовать все, что они могут, для спасения Родины. О силе его проповеди говорит такой малоизвестный факт: после одной из служб владыки неизвестный прихожанин оставил в соборе, под иконой Святителя Николая, 150 дореволюционных золотых десятирублевых монет — огромное не только по тем дням состояние[86]. Оставшись в окруженном городе, Алексий стоически исполнял свой архипастырский долг, разделив с паствой все тяготы блокады. После кончины в мае 1944 г. патриарха Сергия он стал местоблюстителем Патриаршего Престола, а на Поместном соборе РПЦ в феврале 1945 г. был избран Патриархом Московским и всея Руси.

Духовенство не могло остаться в стороне и от заботы о раненых воинах. Так, приходской совет Князь-Владимирского собора Ленинграда в августе 1941 г. передал на содержание

устроенного на собственные средства лазарета для раненых и больных воинов 710 тыс. рублей, оставив на свои нужды лишь 4 тыс. Николо-Богоявленский (Николо-Морской) собор Ленинграда выделил для этих целей 385 тыс. рублей[87]. Всестороннюю помощь фронту развернула и мусульманская конфессия — вторая в СССР по численности верующих.

О победе русского воинства молилось православное духовенство и в зарубежье. Нападение Германии на СССР ускорило политическое размежевание среди русских эмигрантов, часть из них поддержала нацистскую агрессию против «богоборческой власти». Однако большинство священнослужителей и паствы заняли патриотическую позицию, искренне сочувствовали борьбе советского народа с агрессором.

Масштабную деятельность развернул митрополит Вениамин (Федченков) — экзарх Московской патриархии в Северной и Южной Америке. После нападения Германии на Советский Союз он напрямую обратился к эмигрантской общественности, выразив «великую надежду, что начатая борьба кончится благим для нас концом».

Ушедший в начале 1930-х гг. под юрисдикцию Константинопольского патриархата экзарх Западноевропейских православных церквей митрополит Евлогий (Георгиевский) после захвата Парижа вермахтом не покинул город и остался со своей паствой, оказывая помощь советским военнопленным и гражданским лицам, угнанным оккупантами на принудительные работы.

В движении европейского Сопротивления участвовали архимандрит Афанасий (Сахаров), протоиерей Андрей Сергеенко, выдающийся православный богослов В. Н. Лосский, А. Блум (впоследствии митрополит Сурожский Антоний) и другие. За антифашистскую деятельность нацистами были казнены священник Димитрий Клепинин, монахиня Мария (Скобцева) и многие другие.

Но некоторые священнослужители встали на позицию коллаборационизма. Так, экзарх Латвии и Эстонии Сергий (Воскресенский) и еще трое прибалтийских архиереев публично заявили о поддержке оккупантов, организовав т. н. «Псковскую миссию» («Православную миссию в освобожденных областях России»). Их политическая позиция была осуждена на Архиерейском соборе РПЦ и в особых посланиях к пастве митрополита Сергия[88].

От имени Церкви подвергались осуждению дезертирство, сдача в плен, сотрудничество с оккупантами. Все это способствовало изживанию пораженческих настроений, получивших определенное распространение в первый период войны, и в конечном итоге создавало «нравственные условия победы, которые в значительной мере изменили ход военных событий»[89].

По мере расширения противоборства с фашистской Германией вся жизнь советского народа, деятельность государственных и общественных организаций, экономика, наука и культура формировали духовный и моральный настрой, явившийся одним из важнейших факторов, позволивших остановить наступление врага.

Политическая работа в Вооруженных силах

Обрушившаяся на нашу страну беда потребовала коренной перестройки на военный лад политической работы в армии и на флоте, переориентирования ее на принципиально новые задачи — воспитание бойцов и командиров в духе патриотизма и ненависти к фашизму, разъяснение справедливого характера Отечественной войны, мобилизацию всех духовных и физических сил личного состава на отпор врагу. Такой перевод с мирных на военные рельсы включал комплекс мер по приведению содержания, форм и методов работы военных советов, политорганов, партийных и комсомольских организаций, всего политического состава Вооруженных сил в соответствие с требованиями войны. В армии он осуществлялся Главным управлением политической пропаганды РККА (начальник — армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис), на флоте — Главным управлением политической пропаганды РКВМФ (на-

чальник — армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов). Оба главных политоргана действовали на правах отделов ЦК ВКП(б).

Коренная перестройка политработы на военный лад осуществлялась по следующим основным направлениям:

— оперативный отказ от мирного духа довоенной политической работы и придание ей наступательности, боевитости, подчинение ее содержания задачам мобилизации личного состава на отпор фашистской агрессии, разоблачения человеконенавистнической сущности фашизма;

— введение института военных комиссаров, реорганизация политорганов и совершенствование их структуры в целях повышения влияния на политико-моральное состояние личного состава;

— решительное изменение форм и методов идеологической, агитационно-пропагандистской, воспитательной работы адекватно боевой обстановке;

— перестройка системы подбора и подготовки кадров политработников;

— перераспределение в пользу действующей армии партийных сил, пополнение и организационное укрепление армейских и флотских организаций ВКП(б) и ВЛКСМ.

Первые указания Военным советам, политорганам, партийным организациям о необходимости перевода политической работы с мирных на военные рельсы были направлены уже после полудня 22 июня. Так, директива ГУПП РКВМФ содержала конкретные указания о мероприятиях, которые следовало незамедлительно провести в связи с началом войны — всю партийно-политическую работу подчинить задаче разгрома германской армии и флота, разъяснять личному составу, что Советский Союз ведет Отечественную войну за Родину, честь и свободу, развивать и укреплять в краснофлотцах и командирах боевой и наступательный дух, мужество, бесстрашие в бою, готовность к самопожертвованию и непоколебимую волю для достижения победы. «Внедрять в сознание личного состава, — ставилась задача в директиве, — что ни при каких обстоятельствах корабли Военно-Морского Флота не спускают флага перед противником, предпочитая гибель сдаче врагам трудящихся»[90].

ГУПП Красной Армии с тем, чтобы оперативно вооружить пропагандистов и других идеологических работников документом, опираясь на который они могли бы вести широкое и доходчивое разъяснение характера начавшейся войны, целей, преследовавшихся нацистами, воспитывать личный состав в духе священной ненависти к захватчикам, 24 июня и 12 июля 1941 г. направило Военным советам и начальникам управлений (отделов) политпропаганды фронтов (армий) две директивы с перечнями из 53 лозунгов[91]. Используя эти лозунги в печатной, устной, наглядной агитации и пропаганде, политорганы должны были сосредоточиться на повышении у воинов бдительности, организованности и дисциплины, решительном преодолении трусости и паникерства, борьбе с провокационными слухами.

Принципиально важным направлением перевода политической работы на военный лад были реорганизация, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) и указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г., органов политпропаганды и введение института военных комиссаров. ГУПП РККА было реорганизовано в Главное политическое управление РККА, а управления (УПП) и отделы политпропаганды (ОПП) — в политические управления (ПУ) и отделы (ПО). В полках, дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной Армии, а чуть позднее и во всех батальонах стрелковых дивизий, танковых батальонах и артиллерийских дивизионах вводился институт военных комиссаров, а в ротах, батареях, эскадрильях — институт политических руководителей[92]. Аналогичную реорганизацию пережили и политические органы РКВМФ.

В развитие требований этих документов нарком обороны И. В. Сталин и его заместитель, он же — начальник ГлавПУ РККА Л. З. Мехлис 20 июля 1941 г. подписали директиву «О задачах военных комиссаров и политработников в Красной Армии». В документе отразилась жестокая реальность первых недель войны: с одной стороны — отступление, недостаточная боевая готовность и устойчивость многих частей, особенно ополченческих, а с другой — острейшая потребность в связи с этим в мобилизации всех волевых качеств, физических и

моральных сил личного состава. «Сейчас, как никогда, — говорилось в директиве, — необходимы воля к победе, идейная сплоченность, железная дисциплина, организованность, беспощадная борьба с предателями и изменниками, с благодушием и беспечностью, с трусами, паникерами и дезертирами, величайшая самоотверженность, готовность идти на любые жертвы во имя победы над врагом...»[93].

Навязанная германскими нацистами война в корне изменила обстановку, в которой действовала Красная армия, расширила объем и содержание политического воспитания личного состава. Согласно директиве от 20 июля 1941 г., военкомы должны были отвечать не только за политико-воспитательную работу, но и за результаты боевой деятельности своих частей и соединений, для чего наделялись всей полнотой власти.

В новых условиях политработники вне всяких сомнений были нужны для проведения идеологической и воспитательной работы. Однако возрождение института военных комиссаров нельзя рассматривать, как это делалось в 1940–1980-е годы, однозначно положительно. Оно имело и негативные последствия, поскольку означало некритический перенос в современность устаревшей практики периода Гражданской войны, когда военные комиссары наделялись не меньшими правами, чем командиры. Введение института комиссаров в новых исторических условиях на практике способствовало утверждению вредного дуализма в руководстве войсками и подрыву тем самым основополагающего для любой армии принципа единоначалия. Именно по этой причине институт военных комиссаров был в 1942 г. отменен.

Однако в условиях драматического начала войны такого понимания проявлено не было. Наоборот, как потребовал начальник ГлавПУ РКВМФ И. В. Рогов, командиров следовало убеждать, что «введение института военкомов облегчает их боевую деятельность»[94]. Высшее политическое руководство страны поставило личный состав и, в первую очередь, командиров под еще более жесткий, чем до войны, партийный надзор, неслучайно в директивах главных политорганов Вооруженных сил комиссары были названы «глазами и ушами» ВКП(б).

Что касается реорганизации политорганов, она не ограничилась одним лишь переименованием управлений, отделов политпропаганды в политуправления и политотделы. Была существенно изменена их структура: в соответствии с директивой Генерального штаба в штат политуправлений фронтов были включены два новых отдела — по партполитработе в частях ВВС и мотомехчастях, а один (культуры) — исключен[95]. Изменение структуры политорганов не было самоцелью, оно подчинялось задачам приведения политической работы в максимальное соответствие со складывающейся боевой обстановкой, охвата воспитательным процессом всего личного состава на фронте, в тыловых частях, пунктах формирования.

С первых дней войны больше внимания стало уделяться устной и печатной агитации, широко использовались митинги, политические информации, беседы, совместное прослушивание сводок Совинформбюро как основные формы политической учебы, наиболее пригодные в боевых условиях. Одновременно были отменены политические занятия с красноармейцами, краснофлотцами и младшими командирами на передовой и на кораблях в боевой обстановке. В качестве основной формы политучебы они сохранились только в запасных и вновь формируемых частях, при выводе личного состава во второй эшелон или на переформирование.

Важным средством оперативного реагирования на запросы кардинально изменившейся обстановки была печать. Фронтовые, флотские, армейские, флотильские, дивизионные и эскадренные газеты в первую очередь повели широкое разъяснение характера начавшейся войны как войны Отечественной, справедливой, освободительной, пропагандировали советское военное и военно-морское искусство, стали много писать о конкретных героях войны, формировали у воинов чувство морального превосходства над противником, уверенность в победе над врагом. Укрепился состав редакционных коллективов: уже на третий день войны из запаса были призваны и направлены во фронтовые, флотские и армейские газеты более 30 членов Союза писателей, в их числе — Е. А. Долматовский, В. А. Луговской, М. Л. Матусовский, С. В. Михалков, К. М. Симонов, А. Т. Твардовский и другие. Рапорт наркому обороны СССР о готовности стать в армейский строй 22 июня 1941 г. направил М. А. Шолохов.

Личный состав знакомится с содержанием речи И. В. Сталина от 3 июля 1941 г.

Через три недели после начала войны руководство ГУПП РККА посчитало необходимым критически оценить уровень организации партийно-политической работы в боевой обстановке. Было отмечено, что перестройка на военный лад шла без должной активности, ей недоставало целеустремленности, оперативности, инициативы и находчивости. Многие из политработников действовали так, как если бы продолжали находиться в мирной обстановке: отсиживались в штабах, мало общались с личным составом, слабо реагировали на явления, порожденные самой обстановкой отступления и боев с изощренным противником, — растерянность, панику, неорганизованность, отсутствие стойкости и упорства. Решительной перестройке сознания как части политработников, так и личного состава в целом мешало тяжелое наследие довоенной пропаганды — иллюзии о возможности быстрого разгрома Германии на ее собственной территории, о классовой солидарности, которую якобы должен был проявить немецкий пролетариат. Плохо популяризировался боевой опыт, армейская печать увлекалась односторонним освещением фактов героизма, забывая о политическом и воинском воспитании личного состава. Политорганы слабо занимались подбором и выдвижением кадров командно-начальствующего состава, недооценивали работу в тылу действующей армии, а также среди войск и населения противника.

Военным советам и начальникам УПП фронтов было предписано решительно устранить выявленные недостатки, добиться, чтобы политработники на деле руководили партийно-политической работой в частях, воспитывали в личном составе наступательный порыв, ненависть к врагу, готовность до последней капли крови драться за каждую пядь советской земли[97].

В этой директиве следует отметить ряд новых акцентов. Впервые с начала Великой Отечественной войны в ней столь явственно проявился отказ от пропагандистской риторики о войне с Германией как столкновении преимущественно классовом, а также об антикоммунизме как главном мотиве действий гитлеровской верхушки. От подчиненных ему политических органов Л. З. Мехлис потребовал глубоко разъяснить личному составу, что фашистская агрессия носит характер иноземного нашествия, что народы СССР поднялись не на классовую, а Отечественную войну. Хотя в документе и содержался тезис, что на полях сражений решалась судьба советской власти, но подавался он без акцентировки. На передний план выступало утверждение, что главная цель Гитлера состояла в истреблении славян и особенно русских, в превращении народов Советского Союза в рабов немецких князей и баронов.

Правящая элита страны уловила, что тезис о приоритете классовых интересов над национальными и этническими, о действенности пролетарского интернационализма уже не воспринимается массовым сознанием так, как это было до 22 июня 1941 г., и предприняла необходимый маневр. Этой же цели служило и широкое распространение среди населения оккупированных советских земель обращения Всеславянского митинга, в котором раскрывался «коварный план германского фашизма — захватить навсегда наши древние славянские земли, отдать их в руки немецких баронов-помещиков, в руки итальянской, венгерской знати и превратить славян в вечных рабов»[98].

Несколько позднее, чем Л. З. Мехлис, но столь же взыскательно оценил организацию партийно-политической работы вверенными ему политорганами и начальник ГлавПУ РКВМФ И. В. Рогов. В числе наиболее характерных недостатков были отмечены: отрыв агитационно-пропагандистской работы от конкретных задач боевой деятельности кораблей (частей), слабое использование благоприятных условий для работы во время нахождения кораблей в базах, запущенность идеологической работы в авиационных частях, особенно на Черноморском и Балтийском флотах, низкая организация боевой информации на походе, в бою и по возвращении в базу, слабая пропаганда боевых подвигов краснофлотцев, командиров и политработников, неумение дифференцированно проводить воспитательную работу в зависимости от возраста, боевого опыта и других особенностей личного состава[99]. Такого рода широкие обобщения и критика типичных недостатков в работе политорганов позволяли своевременно увидеть и устранить серьезные промахи в воспитании рядового и командного состава, допускавшиеся на начальном этапе войны.

Война предъявляла новые требования и к работе с кадрами политработников, недостаток в которых выявился уже в первые дни. Главные политорганы Вооруженных сил предприняли ряд усилий по налаживанию системы учета и распределения кадров политработников в масштабах всей Красной Армии и ВМФ по каждой категории политсостава — высшего, старшего и среднего.

В первую очередь перестройке была подвергнута система подготовки кадров политработников, существовавшая в Вооруженных силах — это был один из двух основных источников заполнения вакансий. На сокращенные сроки обучения перешли все военно-политические учебные заведения центрального подчинения. На фронтах, флотах и в армиях создавались училища и курсы младших политруков. Всего к концу 1941 г. готовили политработников 90 военно-политических учебных заведений, в том числе 14 — высшего и старшего звена политсостава и 76 — среднего[100].

Вторым, не менее важным источником пополнения кадров политработников был призыв в Вооруженные силы, в том числе в порядке партийной мобилизации. Решением ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 г. в ведение Наркомата обороны были переданы московские и ленинградские Ленинские курсы, и на их основе созданы военно-политические курсы при ВПА им. В. И. Ленина штатной численностью слушателей 940 человек и при Московском военно-политическом училище — 840 человек. Всего к началу июля в распоряжении ГУПП РККА было 2500 человек — кроме учившихся на Ленинских курсах, сюда были направлены слушатели Высшей партийной школы и Высшей школы парторганизаторов. Дополнительно

по персональным партийным мобилизациям только за первые полгода войны на руководящую военно-политическую работу пришли 8800 руководящих работников ВКП(б)[101].

Что касается политработников среднего звена, то значительное пополнение давала мобилизация коммунистов и комсомольцев. Первые две мобилизации были проведены согласно постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 и 29 июня 1941 г. С мобилизованными (41,5 тыс. человек) было предписано провести военные сборы, «после чего отправить их в наиболее нуждающиеся дивизии по 500 человек в каждую»[102].

Партийные мобилизации позволяли ощутимо восполнить острейший дефицит кадров низового актива, поскольку в основном мобилизованные коммунисты и комсомольцы шли в действующую армию политбойцами. Этим же путем решалась весьма острая проблема усиления партийно-политического влияния в частях действующей армии. В нескольких директивах ГлавПУ РККА Военным советам и начальникам политических управлений военных округов давались необходимые разъяснения: отобранных политбойцов надлежало сводить в коммунистические батальоны трехротного состава в качестве рядовых, после чего на базе военных училищ проводить с ними двухнедельное (месячное для лиц, не служивших в армии) обучение. По окончании часть наиболее подготовленных политбойцов разрешалось назначать на должности заместителей политруков и заместителей командиров рот по политчасти[103]. Всего до конца 1941 г. было осуществлено семь партийных мобилизаций, охвативших 60 тыс. коммунистов и 40 тыс. комсомольцев[104].

Потребность в политбойцах в войсках ощущалась остро. Начальник ГУПП Красной Армии, находясь первую половину июля 1941 г. на Западном фронте, сам запросил 15 групп по 500 человек. Прибывших из Москвы он разбил на роты (по 100 человек каждая) и распределил по армиям, предписав при этом: «Роты влить в наиболее нуждающиеся полки равномерными группами». К 21 июля на Западный фронт прибыло не менее 80 таких рот[105].

Важнейший резерв пополнения кадров политработников был найден непосредственно в войсках. 9 августа 1941 г. ГлавПУ РККА дало прямую директиву о создании в десятидневный срок в полках, дивизиях, армиях, на фронтах и в округах непрерывно пополняемого резерва политсостава. Аналогичные указания от ГлавПУ РКВМФ 5 сентября 1941 г. получили члены военных советов и начальники политуправлений (отделов) флотов (флотилий) и начальники нижестоящих политорганов[106]. Постепенно в Красной Армии сложилась система резервирования кадров политработников.

Однако в их мобилизации, подготовке и использовании допускались серьезные недостатки. Так, многих политбойцов практически без подготовки направляли на передовую. Как вспоминал генерал К. Ф. Телегин, член Военного совета МВО, Л. З. Мехлис сам же изменил установленную по его директиве практику военной подготовки политбойцов и распределения их по воинским частям. Он досрочно, уже через две недели после постановления Политбюро от 27 июня 1941 г., приказал сформировать из имеющегося контингента маршевые роты и отправил их на передовую[107].

В попытках насытить кадрами политработников буквально все звенья разветвленного армейского механизма нередко нарушалось чувство меры. Так, кроме ранее утвержденных, должности заместителей начальников по политчасти в структурах штаба фронта были введены: в управлениях — артиллерийском, связи, военных сообщений, автобронетанковом и инженерном, отделах — кадров, устройства тыла и дорожной службы, санитарном. В августе 1941 г. начальник ГлавПУ РККА дал указание ввести в штаты танковых бригад должность комиссара штаба[108]. Введение все новых и новых должностей политработников, особенно в штабных и управленческих структурах, далеко не всегда диктовалось необходимостью и отрывало дефицитные кадры от передовой. Косвенным путем высшее военное руководство признало это уже осенью 1941 г.: были изданы приказы наркома обороны СССР о назначении политработников на командирские должности и об отборе политработников на курсы по подготовке командиров рот[109].

Перестройка на военный лад осуществлялась не только в сфере идеологической, но и партийно-организационной работы. 26 июня 1941 г. директивой ГУПП РККА, а 27 июня

директивой ГУПП РКВМФ членам военных советов и начальникам УПП, ОПП округов, фронтов, флотов, армий и флотилий было приказано создать при управлениях (отделах) политпропаганды фронтов, флотов (армий, флотилий) партийные комиссии; вопросы приема в партию решать на заседаниях бюро и утверждать в парткомах соединений, минуя собрания первичных парторганизаций; принимать к рассмотрению рекомендации членов партии, знающих рекомендуемого менее года; обеспечить быстрое рассмотрение заявлений о приеме[110].

Меры, предпринятые по облегчению приема воинов в партию, позволили в короткий срок увеличить партийную прослойку. К 1 июля 1941 г. в Вооруженных Силах насчитывалось 563,5 тыс. коммунистов, объединенных в 14,7 тыс. первичных парторганизаций. При этом 44,5 тыс. человек были приняты в партию с 1 января 1941 г. Во втором же — военном — полугодии членами ВКП(б) стали уже 56,8 тыс. человек, а прием в кандидаты партии достиг 137,1 тыс., или в 4 раза больше, чем в первом полугодии. Число первичных парторганизаций выросло за этот срок до 26,7 тыс.[111].

Поскольку члены ВЛКСМ были ближайшим резервом роста партийных организаций, была также поставлена задача добиться резкого увеличения числа и численности комсомольских организаций. Были введены значительно упрощенные правила приема в ВЛКСМ в боевой обстановке. Решение о приеме принималось непосредственно на бюро первичной организации и утверждалось парткомиссией, а при ее отсутствии — заместителями командиров частей и кораблей по политчасти[112]. С введением института военных комиссаров эту функцию взяли на себя военкомы.

Совершенствуя систему оргпартработы, главные политорганы Вооруженных Сил большое внимание уделяли личной примерности коммунистов и членов ВЛКСМ. Тем более что сводки воинских преступлений первых месяцев войны показывали: в числе паникеров, дезертиров и даже перебежчиков были и члены партии и комсомольцы. Несколько таких фактов были приведены 15 июля 1941 г. в директиве начальника ГУПП РККА, который потребовал от военных советов и начальников УПП, ОПП фронтов, округов и армий: «...Паникеров, трусов, шкурников, дезертиров и пораженцев немедленно изгонять из партии и комсомола и предавать суду военного трибунала»[113].

8 августа 1941 г. начальник ГлавПУ РКВМФ, обобщая истекшие полтора месяца боев, также привел факты, когда коммунисты-руководители допустили позорные факты трусости, панического бегства с корабля, преступного бездействия власти. Приказывая таких лиц исключать из партии и комсомола и отдавать под суд военного трибунала, И. В. Рогов одновременно потребовал предавать широкой гласности имена и подвиги героев Отечественной войны и на примере коммунистов и комсомольцев, играющих в своих воинских коллективах авангардную роль, воспитывать весь личный состав. Месяц спустя он разрешил восстанавливать в партии и комсомоле тех краснофлотцев и лиц начальствующего состава, которые были в свое время исключены за трусость, паникерство, недисциплинированность и другие проступки и осуждены военным трибуналом, но обелили себя, неоднократно проявив мужество, отвагу и стойкость в боях с фашистами[114].

Перестройка политической работы в Вооруженных Силах на военный лад предусматривала также организацию по-новому пропаганды, ориентированной на войска и население Германии и ее союзников[115]. Последняя преследовала цель всемерного ослабления морально-политических сил врага, подрыва военной мощи его коалиции на театре военных действий и в тылу.

Уже на второй день войны начальник ГУПП РККА дал указания начальникам УПП фронтов силами имеющихся в их распоряжении редакций немедленно приступить к изданию газет на немецком, польском, финском и румынском языках для заброски в тыл противника. Он лично сформулировал лозунги, обращенные к вражеским солдатам, после чего перечни лозунгов были разосланы по фронтам для тиражирования и распространения с самолетов, а также для трансляции с помощью громкоговорящих установок.

По указанию из Москвы начальники управлений политической пропаганды фронтов разворачивали политработу среди военнопленных на пересыльных пунктах, все письма и

документы военнослужащих врага, содержащие богатый контрпропагандистский материал, немедленно направляли в центр[116].

25 июня 1941 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) было создано Советское бюро военно-политической пропаганды (СБВПП), в которое вошли Л. З. Мехлис (бывший не только начальником ГУПП РККА, но и членом Оргбюро ЦК ВКП(б), Д. З. Мануильский (член ЦК ВКП(б), видный деятель международного коммунистического движения), В. С. Кружков (заместитель заведующего отделом ЦК ВКП(б), Н. Г. Пальгунов (заведующий отделом печати НКИД), С. А. Лозовский (заместитель наркома иностранных дел). В качестве советника привлекался академик Е. С. Варга, член исполкома Коминтерна[117]. Руководителем Бюро был назначен Л. З. Мехлис, а его рабочим органом стал седьмой отдел ГУПП РККА.

СБВПП определяло идейно-политическое содержание специальной пропаганды (по каждой стране и армии в отдельности), рассматривало и утверждало наиболее важные информационно-пропагандистские материалы, рассчитанные на войска и население противника, координировало деятельность советских органов внешнеполитической пропаганды (Советское Информбюро, ТАСС, Радиокомитет СССР, издательства и типографии).

В первые недели Великой Отечественной войны СБВПП разработало тематику, тезисы и лозунги специальной пропаганды на войска, население Германии и ее союзников; рассмотрело и утвердило к изданию и распространению более 60 различных листовок и лозунгов действия[118]. Бюро подготовило указания фронтовым газетам на иностранных языках, определило мероприятия по пропаганде среди моряков гитлеровских ВМС, дало рекомендации Радиокомитету СССР по вещанию на зарубежные страны и др.

Непосредственно организация специальной пропаганды Наркоматом обороны возлагалась на созданный еще в августе 1940 г. седьмой отдел по работе среди войск и населения противника ГУПП (ГлавПУ) РККА. Его начальником стал полковник М. И. Бурцев, который имел большой опыт организации этой работы, полученный в боях с японскими захватчиками на р. Халхин-Гол в 1939 г. и в ходе Советско-финляндской войны 1939-1940 гг.

Уже 22 июня Л. З. Мехлис утвердил план реорганизации седьмого отдела ГУПП и его новое штатное расписание, определил первоочередные задачи спецпропагандистов[119]. Отдел первоначально состоял из 16 человек и включал два отделения: первое — пропагандистской работы на Германию и союзные ей государства, второе — по работе среди населения оккупированных гитлеровской Германией стран (Польши, Югославии, Чехословакии). К отделу была прикомандирована из резерва группа политических эмигрантов (писателей, поэтов, переводчиков и литературных работников), для оформления печатной продукции была создана группа художников. На четвертый день войны численность отдела была увеличена до 21 военнослужащего и восьми вольнонаемных[120].

В ГУПП РКВМФ первоначально была выделена группа из трех человек, которая организовывала печатную и радиопропаганду на матросов и офицеров флотов Германии и ее союзников с использованием сил и средств седьмого отдела ГУПП РККА. В составе политорганов ВМФ отделы и отделения специальной пропаганды были созданы только в январе 1942 г.

Издание листовок на иностранных языках, разработанных членами СБВПП и сотрудниками седьмого отдела, обеспечивало Военное издательство Наркомата обороны, в составе которого функционировал отдел по выполнению специальных заказов СБВПП. От Иностранного издательства СССР к седьмому отделу была прикреплена центральная типография «Искра революции» в Москве, способная набирать и издавать печатную продукцию на 60 иностранных языках.

В начале войны ЦК ВКП(б) для укомплектования центрального аппарата специальной пропаганды разрешил мобилизовать литературных работников, журналистов, ученых и преподавателей, владеющих иностранными языками. Так, была создана группа художественного оформления изданий под руководством Г. К. Писманника. В нее входили известные художники Н. Н. Жуков, Б. Е. Ефимов, Кукрыниксы (М. В. Куприянов, П. Н. Крылов и Н. А. Соколов), знаменитый мастер фотомонтажа А. М. Житомирский и другие профессиональные работники.

Седьмой отдел разрабатывал, издавал и организовывал распространение общеполитических пропагандистских материалов (листовок, лозунгов, газет, брошюр) в армиях и среди населения вражеских стран; руководил фронтовыми, армейскими органами специальной пропаганды и помогал им вести разложение войск и населения противника; вел повседневное изучение их политико-морального состояния, характера и системы их идеологической обработки, сведений о действенности нашей пропаганды; подбирал, обучал и распределял кадры спецпропагандистов, владеющих соответствующими иностранными языками, и т. п.

Так как специалистов со знанием иностранных языков катастрофически не хватало, особенно в армейском и дивизионном звене, их взяли на персональный учет, и был установлен строго централизованный порядок их подготовки и назначения. Кадры готовились на 6-месячных курсах при военно-политическом училище в Ленинграде и при Военном институте иностранных языков в Москве. Практиковалось также обучение отобранных лиц на краткосрочных курсах и в ходе учебных сборов непосредственно на фронтах и в армиях[121].

Основная работа по разложению вражеской армии проводилась седьмыми отделениями политотделов армий в составе начальника отделения, старшего инструктора, инструктора по выпуску листовок, двух-трех переводчиков. Кроме того, в армейском штате специальной пропаганды находились мощная громкоговорящая установка на автомобиле (начальник станции, диктор-переводчик и водитель), типография с иностранными шрифтами (наборщик, художник-оформитель), группа дикторов окопных громкоговорящих установок, группы распространителей листовок и дикторов-рупористов. В политотделах дивизий работу среди войск и населения противника проводил старший инструктор, в помощь которому выделялись дикторы-рупористы и распространители листовок в частях сухопутных войск, авиационных и частях Военно-морского флота, особенно в их артиллерийских и разведывательных подразделениях.

Военно-политическим руководством СССР спецпропаганда рассматривалась как органическая часть всей деятельности командиров и политических органов, включавшая три взаимосвязанных между собой направления: агитационно-пропагандистскую работу среди войск противника, работу среди населения вражеских стран и оккупированных государств, работу среди военнопленных. Работа, ориентированная на войска противника, решала задачу морально-политического разложения солдат и офицеров, подрыва их боевого духа, политического отрыва от фашистского командования, склонения к разрыву с преступной войной, к переходу в плен и организованной капитуляции. Работа среди населения вражеских и оккупированных стран преследовала следующие цели: усиливать антивоенные и антифашистские настроения, призывать массы на активную борьбу против гитлеровской преступной войны, помогать их морально-политическому сплочению, оказывать поддержку силам сопротивления войне и фашизму. Работа среди военнопленных вражеских армий заключалась в их перевоспитании в антифашистском духе и содействии в поражении агрессора.

С первых дней войны спецпропагандисты должны была всемерно подрывать наступательный дух вражеских солдат, ослаблять воздействие на них фашистской идеологии, дискредитировать временные успехи на Восточном фронте. Поставленная задача достигалась, прежде всего, путем разъяснения справедливых целей войны со стороны СССР и показа несправедливого, захватнического характера войны, развязанной фашистской Германией и ее союзниками; разоблачения антинародного характера гитлеровского режима и лживости его пропаганды; информирования войск и населения противника об истинном положении на фронте и в тылу; раскрытия правды о советском плене.

Чтобы успешно выполнять поставленные задачи, необходимо было хорошо знать противника, его моральный потенциал, сильные и слабые стороны в политическом, идеологическом и военном отношении. Поэтому одна из первых директив ГУПП РККА обязывала военные советы и начальников политорганов сосредоточить внимание на выяснении наиболее существенных моментов, характеризующих положение противника: собирать сведения о «настроениях солдат, какие потери понесла часть, что делается у них на родине». Первые данные о политико-моральном состоянии фашистской армии были сгруппированы

по следующим разделам: «идеологическая подготовка германской армии к войне против СССР, отношение солдат к войне, положение в тылу, влияние наших листовок на моральное состояние гитлеровских войск»[122].

Для изучения политико-морального состояния личного состава войск и населения противника использовались политический допрос (опрос) пленных и перебежчиков, трофейные документы, показания местных жителей, радиоперехват, наблюдение за противником на поле боя, сообщения разведчиков и другие источники. Так, в начале июля 1941 г. в ГУПП РККА поступили протоколы допросов первых немецких солдат, унтер-офицеров и офицеров, взятых в плен. Показания этих пленных были сразу же использованы в специальной пропаганде. В больших количествах поступали трофейные фотодокументы, письма немецких солдат к родным и письма родных на фронт, в которых содержались факты зверств фашистов над мирными советскими гражданами и бойцами, сведения, характеризующие политико-моральное состояние противника и его тыла.

Необходимая информация и агитационные материалы доводились до войск и населения противника посредством листовок, радиовещания и устных передач через громкоговорящие установки на передовой линии фронта. Так, текст заявления советского правительства от 22 июня 1941 г. был распространен силами авиации общим тиражом 6 млн. экземпляров. На основе этого официального документа Советское бюро военно-политической пропаганды разработало 10 лозунгов к немецким солдатам, которые были изданы большими тиражами и распространены 24 июня, а 27 июня на всех фронтах была распространена подготовленная СБВПП специальная общеполитическая листовка к солдатам немецкой армии. Листовка разоблачала Гитлера как главного виновника войны, напавшего на соседа и друга германских трудящихся, вероломно нарушившего договор о ненападении с СССР и унизившего честь германского народа. Солдаты противника предупреждались о том, что советские люди не позволят завоевателям топтать свою землю, и Гитлер, как в свое время и Наполеон, придет к своему краху[123].

В подтверждение неизбежности поражения немецкой армии в войне против СССР в специальной пропаганде использовались также высказывания немецких государственных и военных деятелей прошлого о необходимости дружественных отношений между Россией и Германией и об опасности военных авантюр против России. В частности, приводились высказывания Фридриха Второго, Клаузевица, Бисмарка, Мольтке о недопустимости и бесперспективности войны Германии против России. Допрос первых же пленных показал, что эти исторические доводы сильнее всего влияли на настроения солдат и офицеров.

Ставка ВГК ставила задачу перед фронтами и армиями доводить до войск и населения противника общеполитические пропагандистские материалы — листовки, газеты, отдельные обращения советского правительства, НКО, Ставки ВГК, командующих и военных советов. Начиная со Смоленского сражения (10 июля — 10 сентября 1941 года), командиры и политорганы стали активно применять средства оперативной пропаганды и агитации на противостоящие части и соединения врага. В этих целях использовались сообщения об успешных контрударах наших войск, поражениях и неудачах фашистских войск. Во многих случаях аргументами оперативной специальной пропаганды становились известные солдатам противника примеры преступных действий их командования в отношении подчиненных, факты больших потерь среди немецких войск, а также случаи пленения вражеских солдат и офицеров, особенно их добровольной сдачи в плен под воздействием наших ударов и нашей специальной пропаганды.

Так, в начале августа 1941 г. на участке обороны 152-й стрелковой дивизии 16-й армии был взят в плен немецкий солдат А. Зигель, который на допросе показал, что командир его роты обер-лейтенант К. Пфайфер заставляет своих подчиненных идти в атаку за спиной советских стариков, женщин и детей. Политотдел дивизии организовал выступления А. Зигеля по окопной громкоговорящей станции, была также написана листовка, обращенная к солдатам 2-й роты 671-го полка 3-й штурмовой немецкой дивизии с призывами «не брать на себя ответственность за насилие гитлеровцев на советской земле и кончать с грабительской,

изуверской войной». 7 августа силами разведки дивизии было распространено 2,5 тыс. экземпляров этой листовки[124].

Ведущее место среди форм агитационно-пропагандистского воздействия на противника занимала печатная пропаганда — разработка, издание и распространение листовок, обращений, бюллетеней, писем, плакатов, газет, журналов, брошюр на иностранных языках. Самым распространенным видом печатной продукции была листовка. Острота поставленной в ней темы, броское название, оформление и небольшой размер привлекали внимание солдат и офицеров армий противника.

Другой распространенной формой печатной пропаганды среди войск и населения противника были ежедневные и еженедельные газеты. С начала войны газеты издавались на немецком, румынском, польском и финском языках. Так, на Брянском фронте издавалась газета «Солдатский голос», на Волховском — «Солдатская фронтовая газета», на Южном — «Солдатская газета», на Западном — «Правда», на Ленинградском — «Голос народа». Их тираж был 15-30 тыс. экземпляров.

Сравнительный анализ материалов, обращенных, с одной стороны, к личному составу Красной армии, а, с другой, к армии противника, позволяет выявить существенное отличие в использовании руководством ГУПП (ГлавПУ) РККА интернационалистских лозунгов. Если в первом случае рекомендовалось делать акцент на национальные интересы, то в обращении к немецким и финским солдатам часты апелляции к классовой пролетарской солидарности.

«Германские солдаты! Кому выгодна война против Советской России? — говорилось, например, в листовке, изданной 26 июня. И подсказывался ответ: — Только капиталистам и помещикам. Вам она несет смерть, вашим семьям голод, болезни, нищету». Однако в условиях победного продвижения немецкой армии на восток подобные призывы не находили сколько-нибудь серьезного отклика в сознании солдат противника, как и заверения, содержавшиеся в листовке, что «ваши товарищи бегут от Гитлера и переходят к нам».

Дифференцированное использование интернационалистской терминологии подтверждает и указание Л. З. Мехлиса, позднее поступившее на фронты и в военные округа, о замене во всех военных газетах, а также в листовках, брошюрах и газетах, ориентированных на население оккупированных районов, лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на «Смерть немецким оккупантам!». Прежний лозунг было разрешено ставить только на литературе, рассчитанной на противника. Замена лозунга производилась и на знаменах войсковых частей[125].

В числе основных форм специальной пропаганды широкое распространение в годы войны получила устная агитация. Она проводилась дикторами-переводчиками армий и дивизий с помощью специальных громкоговорящих установок, мегафонов, рупоров непосредственно на переднем крае. Устная пропаганда была исключительно оперативной, обращалась к личному составу конкретных рот, батальонов, полков, а зачастую даже к отдельным офицерам и солдатам противника с живым и убедительным словом. Через линию фронта она проводились главным образом в дивизионном и армейском звене через окопные громкоговорящие установки (ОГУ), мощные громкоговорящие установки (МГУ), мегафоны, рупоры.

Радиопропаганда во многих отношениях восполняла недостатки печатной и устной пропаганды. Она обеспечивала одновременно оперативность, массовый охват слушателей и значительную дальность. Органы специальной пропаганды использовали в этих целях войсковые и трофейные рации, гражданские радиостанции прифронтовых городов. Так, Ленинградский и Карельский фронты, создав специальные радиоредакции, вели пропаганду по радио на немецком и финском языках, обращаясь как к населению, так и к войскам Германии и Финляндии. Большое внимание радиопропаганде уделяли аппараты специальной пропаганды флотов, для которых радиовещание было почти единственным средством пропагандистского воздействия на моряков противника.

Работа среди населения в глубоком тылу вражеских стран проводилась через линию фронта и государственные границы, что и обусловливало ее формы и методы. Основными из них были распространение печатных изданий (газет, листовок, брошюр и писем) и про-

ведение радиопередач на коротких и средних волнах. Всего в начале Великой Отечественной войны было издано и распространено силами дальней авиации 120 различных агитационно-пропагандистских материалов общим тиражом 62 млн экземпляров на десяти иностранных языках. Радиопропаганда велась по каналам Всесоюзного радиокомитета из Москвы, Ленинграда, Тбилиси и других городов, а также радиоредакциями Ленинградского, Карельского, Закавказского и Южного фронтов.

Нередки были призывы к солдатам противника на фронте пересылать по военно-полевой почте советские листовки и другие издания к себе на родину. В глубокий тыл противника засылались одиночные военнопленные-антифашисты или их группы для ведения агитационной работы среди своего населения. Одним из средств воздействия на настроения в тылу являлась «пропаганда шепотом» (распространение различных политических слухов и сплетен). Практиковалась и такая форма специальной пропаганды, как распространение над территорией Германии «воздушной почты» — писем немецких солдат из советского плена на родину к своим родным и знакомым. Для населения Польши, Чехословакии, Югославии, Норвегии, Дании, порабощенного германским фашизмом, велись ежедневные радиопередачи по центральному радиовещанию, распространялись печатные пропагандистские материалы.

Политическая работа среди военнопленных вражеских армий заключалась в перевоспитании их основной массы в антифашистском духе и превращении в друзей советского народа. Ставилась также задача вовлечения демократически настроенных солдат и офицеров в антифашистскую пропаганду среди войск противника на фронте, в лагерях военнопленных и среди населения своих стран.

Гуманное отношение к военнопленным имело особое политическое и международное значение. Ведь фашистские правители Германии, преследуя варварские цели физического уничтожения советских людей, в отношении к пленным воинам Красной армии проводили политику полного их истребления. В то же время советское командование в работе с военнопленными руководствовалось принципами гуманизма и строгого соблюдения международных соглашений. 1 июля 1941 г. Совет народных комиссаров СССР утвердил «Положение о военнопленных», в котором установил гарантию жизни пленным, порядок и правила содержания их в нашей стране. Командование Красной армии строго выполняло постановление правительства.

Таким образом, за первые месяцы Великой Отечественной войны специальная пропаганда структурно оформилась, укрепилась профессиональными кадрами, владеющими необходимыми иностранными языками, приобрела определенный опыт работы, опробовала различные формы и методы информационно-психологического воздействия на врага, получила известность у противника. Всякая недооценка работы по разложению вражеской армии встречала у руководства главными политорганами Вооруженных сил самую резкую оценку.

Перестройка же политической работы на военный лад в армии и на флоте была осуществлена примерно за первые полтора-два месяца войны, хотя ряд мер перестроечного характера реализовывался и позднее, вплоть до начала 1942 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 1941 год: в 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 447.

[2] *Кузнецов Н. Г.* Крутые повороты: из записок адмирала. М., 1997. С. 56.

[3] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы. М., 2002. С. 213.

[4] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

[5] Там же. Л. 12.

[6] Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 201; № 7. С. 213.

[7] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С. 15.

[8] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: В 3 т. 10-е изд. М., 1990. Т. 2. С. 73.

[9] *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941–1945 гг. М., 2002. С. 54.

[10] *Микоян А. И.* Так было. М., 1999. С. 185.

[11] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 71.

[12] *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 86.

[13] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 75.

[14] 1941 год. Кн. 2. С. 441.

[15] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Кн. 1. М., 1988. С. 126.

[16] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). 2-е изд. М., 2010. С. 337–341.

[17] См.: *Куманев Г. А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999. С. 25–27, 413.

[18] Институт российской истории РАН (Далее — ИРИ РАН). Документы и материалы. Инв. № 148. Л. 82.

[19] Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942). М., 1988. С. 85.

[20] *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 38.

[21] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. (1941–1952). С. 44–48.

[22] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М., 1961. Т. 2. С. 142.

[23] Российский государственный архив экономики (Далее — РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 923. Д. 28. Л. 1, 88.

[24] Там же. Л. 1–2.

[25] Поступавшие на фронт танки Т-34 уже в первые месяцы войны продемонстрировали свое тактико-техническое превосходство над германскими боевыми машинами Т-IV, которые были более уязвимыми в отношении брони, имели короткоствольное орудие и обладали меньшей маневренностью. Желание выпускать точно такие же танки, по свидетельству танкового стратега вермахта генерала Г. Гудериана, не встретило поддержки у немецких конструкторов. Их смущало не отвращение к подражанию, а невозможность производства с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно дизельного двигателя; уступала и германская сталь.

[26] Оружие победы. 1941–1945. М., 1985. С. 154; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. С. 161.

[27] История второй мировой войны. 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 149.

[28] Там же. С. 150.

[29] Там же. С. 158; Т. 5. С. 48.

[30] *Фойхтер Г.* История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1956. С. 164.

[31] История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 150.

[32] Там же.

[33] Там же. С. 150, 151, 158.

[34] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 42.

[35] История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 151.

[36] *Колесник А. Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982. С. 69.

[37] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. С. 498.

[38] В результате вражеского нашествия и эвакуации черная металлургия СССР временно лишилась в 1941 г. 124 коксовых батарей общим объемом 64 589 куб. м, 61 доменной печи общим объемом 42 285 куб. м, 204 мартеновских печей с общей площадью пода 5809 м^2, 16 больших конверторов, 150 прокатных станов, 14 трубопрокатных станов и др. (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 191)

[39] *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 112; История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 14.

[40] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 186.

[41] Там же. Л. 187.

[42] *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1970. С. 109, 144; Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 817.

[43] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 32. Л. 120.

[44] История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 154.

[45] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 183.

[46] Там же.

[47] Там же. Л. 178–179.

[48] История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 136.

[49] Там же. С. 144.

[50] 28 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство». Пенсия сохранялась за весь период войны независимо от размера заработка пенсионеров на предприятиях. Это позволило привлечь значительное число пенсионеров на производство.

[51] См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 64.

[52] Экономика Советской Украины. 1965. № 4. С. 17.

[53] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 32. Л. 79.

[54] Там же. Л. 72.

[55] *Куманев Г. А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1976. С. 73.

[56] *Ковалев И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945). М., 1981. С. 45.

[57] Военные сообщения за 50 лет. М., 1967. С. 46.

[58] Тыл Советской Армии. М., 1968. С. 122.

[59] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 28. Л. 8.

[60] *Вознесенский Н.* Указ соч. С. 42; Архив Института военной истории МО РФ (Далее — Архив ИВИ). Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 389.

[61] ЦАМО. Ф. 41. Оп. 27014. Д. 3. Л. 4–5.

[62] Там же.

[63] *Верт А.* Россия в войне. 1941–1945 / Пер. с англ. М., 1967. С. 144.

[64] *Пришвин М. М.* Дневники. М., 1990. С. 301.

[65] Документы внешней политики. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. Т. XXIV. М., 2000. С. 8–9.

[66] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 15.

[67] См.: Социология Великой Победы. М., 2005. С. 287.

[68] *Комаров Н. Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет... М., 1990. С. 81.

[69] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 182.

[70] *Кондакова Н. И.* Указ. соч. С. 424.

[71] Там же. С. 425–426.

[72] *Гранин Д. А.* Дом на Фонтанке // Еще заметен след. Л., 1985. С. 198.

[73] *Гранин Д. А.* Прекрасная Ута // Там же. С. 208.

[74] См.: Победа — одна на всех (Вклад союзных республик СССР в завоевание Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). М., 2010. С. 382.

[75] Архив МК и МГК КПСС. Ф. 3. Оп. 18. Д. 26. Л. 18.

[76] См.: Московский ветеран. 2001, июль (№ 6).

[77] Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Сборник документов и материалов. Казань, 1963. С. 53–54.

[78] *Кондакова Н. И.* Указ. соч. С. 89, 373.

[79] Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. С. 364.

[80] Цит. по: *Чучелин Г. А.* Деятельность партийных организаций Среднего Поволжья по руководству здравоохранением в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1974. С. 16.

[81] *Кондакова Н. И.* Указ. соч. С. 447.

[82] Цит. по: Покушение на Великую Победу. М., 2005. С. 5–7.

[83] См.: *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 311.

[84] *Нуждин Ю. Ф.* Армия и Церковь: Уроки войны для настоящего и будущего // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». М., 2005. С. 20.

[85] *Марущак В.* Святитель-хирург: житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2010. С. 61.

[86] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 52.

[87] Война и общество. 1941–1945: в 2 кн. Кн. 2. С. 193.

[88] «Проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей Родине и своей вере народ» // Исторический архив. 2006. № 2. С. 68, 69.

[89] *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 146.

[90] Русский архив. Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 17–6 (1–2). М., 1996. С. 352.

[91] Там же. С. 24, 36–38.

[92] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917–1981. М., 1981. С. 304.

[93] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 17–6 (1–2). С. 49.

[94] Там же. С. 361.

[95] Там же. С. 35.

[96] Там же. С. 42–44.

[97] Там же. С. 65.

[98] Там же. С. 397–401.

[99] См.: Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945 гг. М., 1985. С. 18.

[100] *Петров Ю. П.* Партийное строительство в Советской Армии и Флоте (1918–1961 гг.). М., 1964. С. 349; Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945 гг. С. 14.

[101] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 7 тт. 8-е изд. М., 1970–1972. Т. 6. С. 16.

[102] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. С. 29–30.

[103] *Петров Ю. П.* Партийное строительство в Советской Армии и Флоте (1918–1961 гг.). С. 350.

[104] ЦАМО РФ, ф. 32, ф. 208, оп. 2524, д. 3, л. 1, 27–30; д. 10, л. 50–51.

[105] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. Т. 17–6 (1–2). С. 56–57, 380–381.

[106] *Телегин К. Ф.* Войны несчитанные версты. М., 1988. С. 38.

[107] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 3. Л. 105; Д. 4. Л. 11; Ф. 32. Оп. 11309. Д. 19. Л. 88.

[108] Русский архив. Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13(2–2). М., 1997. С. 109–110.

[109] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. С. 27–28, 355–356.

[110] *Морехина Г. Г.* Партийное строительство в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1986. С. 223, 225; Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945 гг. С. 16.

[111] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. С. 30, 358.

[112] Там же. С. 41.

[113] Там же. С. 366, 379–380.

[114] Политическая работа среди войск и населения противника (широко использовался также термин «специальная пропаганда») — это совокупность информационных и агитационно-пропагандистских мероприятий, осуществлявшихся на войска и население противника в целях подрыва их морально-боевого духа, склонения к разрыву с преступным правящим режимом, к сдаче в плен и организованной капитуляции.

[115] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. С. 19, 27, 30, 40.

[116] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1316. Л. 183.

[117] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 9. Л. 11.

[118] *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 32, 34.

[119] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 136. Л. 51-52.

[120] Там же. Оп. 11474. Д. 334. Л. 144-146.

[121] Там же. Д. 88. Л. 53, 55.

[122] Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника, изданные политорганами Советской Армии и Военно-Морского Флота во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М., 1971. С. 25.

[123] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 412. Л. 47.

[124] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. С. 91, 96.

Первые оборонительные сражения

Катастрофа в Белоруссии

К моменту нападения на Советский Союз немецкая группа армий «Центр», которой командовал фельдмаршал Ф. фон Бок, развертывалась на центральном участке наступления восточного фронта. Она имела в своем составе 4-ю и 9-ю полевые армии, 2-ю и 3-ю танковые группы, включавшие 50 дивизий, в том числе 31 пехотную, девять танковых, шесть моторизованных и одну кавалерийскую, а также две бригады. При поддержке 2-го воздушного флота группа армий «Центр» должна была рассечь фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Красной армии в Белоруссии и развивать наступление на Москву. В составе участвующих в этой операции войск насчитывалось (без 3-й танковой группы) 634,9 тыс. человек, 12,5 тыс. орудий и минометов калибром свыше 50 мм, 810 танков и 1677 самолетов. 3-я танковая группа, которой первоначально предстояло действовать против советских войск Северо-Западного фронта, имела в своем составе 783 танка[1].

Западный Особый военный округ, с началом войны преобразованный в Западный фронт, включал 3, 4, 10 и 13-ю армии и пять корпусов: 4-й воздушно-десантный, 21-й и 47-й стрелковые, 17-й и 20-й механизированные. Общая численность армий округа составляла 678 тыс. человек, 10 296 орудий и минометов калибром выше 50 мм, 2189 исправных танков и 1539 боеготовых самолетов[2]. 2, 47, 44, 21-й стрелковые корпуса, составлявшие войска второго эшелона, к началу войны по решению высшего командования продолжали выдвигаться из внутренних районов округа ближе к границе.

В Могилеве оставалось управление 13-й армии. В непосредственной близости от границы, в так называемом белостокском выступе, в лагерях и казармах находились наиболее боеспособные войска 10-й армии. Рассчитывая их окружить и уничтожить, противник наносил удары под основание выступа с севера и юга. Гродно и располагавшийся в городе штаб 3-й армии генерала В. И. Кузнецова атаковали соединения 9-й немецкой армии с моторизованным корпусом, авиация противника наносила непрерывные бомбовые удары. В этих условиях части 3-й армии к исходу дня вынуждены были отойти на юго-восток.

Крайне тяжелая обстановка сложилась в полосе действий 4-й армии Западного фронта, прикрывавшей брестско-кобринское направление. Четыре стрелковые дивизии армии сдерживали удар десяти дивизий правого крыла группы армий «Центр», поддержанных ударами немецкой артиллерии и авиации. Под натиском превосходящих сил врага 42-я и 6-я дивизии, оборонявшиеся в центре фронта, отступили из района Бреста на восток. В крепости остались отдельные подразделения и группы из состава этих соединений. Части 2-й танковой группы противника устремились в образовавшуюся брешь и к исходу дня, продвинувшись на 50–60 км, заняли Кобрин. Возникла реальная угроза охвата главных сил Западного фронта с юга[3].

Немецкий сапер проделывает проходы в проволочных заграждениях на границе СССР.
22 июня 1941 г.

Немецкие войска переходят государственную границу СССР

К 25 июня стало ясно, что охват немецкими войсками белостокского выступа грозит войскам Западного фронта полным окружением. Около полудня 25 июня 3-я и 10-я армии получили приказ штаба фронта на отступление. Однако пути их отхода уже были перерезаны противником, а те части и соединения, которые сумели отойти из белостокского выступа, оказались в окружении в нескольких котлах между Берестовицей, Волковыском, Мостами, Слонимом и Ружанами. В результате охватов 2-й и 3-й немецких танковых групп в Налибокской пуще под Минском были окружены остатки 3-й и 10-й армий, а также части 13-й и 4-й армий. Таким образом, основные силы Западного фронта оказались в окружении, погибли и были пленены врагом более 300 тыс. человек. Эта трагедия во многом определила дальнейшее неблагоприятное развитие оперативной обстановки не только на важнейшем для страны западном направлении, но и на всем советско-германском фронте в целом.

Представляется важным четко определить степень ответственности советского государственно-политического руководства и фронтового командования за поражение Западного фронта. И Генеральный штаб РККА, и штаб Западного Особого военного округа еще с начала 1941 г. располагали сведениями о развертывании на сопредельной территории наступательной группировки вермахта. Так, донесение начальника разведотдела штаба округа полковника С. В. Блохина от 4 июня 1941 г. на имя генерала армии Д. Г. Павлова было полностью посвящено сведениям о подготовке Германией войны против СССР.

Полковник С. В. Блохин в своем сообщении акцентировал внимание на том, что «на основании ряда проверенных агентурных данных военная подготовка Германии против СССР за последнее время, особенно с 25 мая, проводится более интенсивно». Далее он сообщал: «В течение второй половины мая немцы увеличили свою группировку войск на 2–3 пд, две бронетанковые дивизии СС, главным образом в районе Остроленка, Прасныш, Млава, Цеханов. Дивизии СС — в Сувалки (данные требуют проверки). Особенно характерно прибытие артиллерийских частей, танковых подразделений и бронеавтомашин... Все гражданские лечебные заведения в крупных и мелких населенных пунктах генерал-губернаторства заняты под госпитали. Госпитали обеспечены как соответствующим количеством коек, так и германским медперсоналом (Варшава). Заканчивается подготовка всех гражданских объектов к мерам ПВО и ПХО (затемнение, противопожарные мероприятия, дегазационные камеры и т. д.)... Польское население по опыту подготовки войны Германии с Польшей в 1939 г. и германские солдаты по существующему опыту ведения войны также считают неизбежным начало военных действий с СССР в ближайшее время»[4].

О создавшейся обстановке на западной границе СССР было информировано высшее политическое и военное руководство СССР. Кроме того, Генштабу, командующим приграничными военными округами были известны факты многочисленных нарушений советской границы германской авиацией (за 20–21 июня — 60 раз) и задержаний вражеских диверсантов и лазутчиков (за 10 суток июня — 108 человек)[5].

Составить представление о действия командующего ЗапОВО позволяют документы и материалы, подготовленные в целях реабилитации генералов Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, А. А. Коробкова и других, приговоренных летом 1941 г. к расстрелу за трагедию Западного фронта. Ряд офицеров и генералов, выживших в тех боях, в 1956 г. представили свои документальные свидетельства в комиссию, которую возглавлял заместитель начальника Генерального штаба по военно-научной работе генерал армии В. В. Курасов.

Так, бывший начальник оперативного отдела штаба ЗапОВО генерал-майор Б. А. Фомин свидетельствовал, что «Павлов тщательно следил за подготовкой театра военных действий... К началу войны на всем протяжении вдоль границы были созданы полевые оборонительные полосы с ДЗОТ'ами. Что же касается УР'ов, то они к началу войны не были построены и вооружены». Генерал Б. А. Фомин заявил, что «Павлов неоднократно возбуждал вопрос перед наркомом обороны о передислокации войск округа из глубины в приграничный район... Однако 113, 121, 143 и 50-я стрелковые дивизии в намеченные ими районы не успели выйти, и война застала их в походе». Кроме того, из свидетельств генерала Б. А. Фомина становится ясно, что «к началу войны войска округа находились в

стадии оргмероприятий. Формировались пять танковых корпусов, воздушно-десантный корпус... Поступление материальной части шло медленно... Авиация округа находилась в стадии обучения летного состава на поступающей новой материальной части, но переобученных экипажей было мало».

Имея информацию о подготовке немцев к нападению, командующий округом генерал Д. Г. Павлов просил разрешения занять полевые укрепления вдоль госграницы. Однако «20 июня 1941 г. шифрограммой за подписью зам. начальника оперативного управления Генштаба Василевского Павлову было сообщено, что просьба его доложена наркому и последний не разрешил занимать полевых укреплений, так как это может вызвать провокацию со стороны немцев. 19 июня была получена шифрограмма из Генштаба развернуть штабу округа КП штаба фронта в Обуз-Лесна с готовностью вечер 22 июня»[6].

В связи с этим возникает вопрос: если Д. Г. Павлов знал, что немцы готовят нападение, как об этом писал генерал Б. А. Фомин, то какие действия он предпринял для того, чтобы упредить удар врага? По этому поводу бывший командующий 3-й армией ЗапОВО генерал-полковник В. И. Кузнецов, отмечал, что и Д. Г. Павлов, и В. Е. Климовских «просто не сумели овладеть и не справились с обстановкой начального периода войны»[7].

Мнение В. И. Кузнецова представляется верным, однако объяснять только этим разгром войск Западного фронта было бы неправильно. Очевидно, что причины трагедии Западного фронта следует искать в государственной и военной политике накануне войны, системе управления войсками округов, их боевой подготовке и технической оснащенности. Но генерал Д. Г. Павлов не сделал всего, от него зависящего, для предотвращения наихудшего развития сценария боевых действий после начала германской агрессии.

К ряду причин неготовности войск РККА к нападению Германии можно в полной мере отнести и неудовлетворительное состояние авиации. В группировке советских ВВС, состоявшей из 79 дивизий, в приграничных округах базировались 48 дивизий (15 входили в состав армий, 20 подчинялись округам, 13 находились в распоряжении Главного командования)[8]. За первый день боев только авиация Западного фронта потеряла 738 самолетов, из них 528 самолетов на земле, что составило около 40% самолетного парка Западного фронта или 63,7% всех потерь авиации на советско-германском фронте за 22 июня. На следующий день потери авиации фронта составляли 125, а противника — 124 самолета. К концу июня, то есть за восемь дней войны, потери составили 1163 и 422 самолета соответственно[9]. В то же время массированные удары врага с воздуха сорвали организованный выход советских войск к государственной границе.

Причиной таких катастрофических потерь стало очевидное отсутствие у командования военных округов, в том числе и ЗапОВО, надлежащей требовательности в строительстве новых аэродромов и их маскировке, что позволило бы рассредоточить авиационный парк на значительно большей территории и сделать советские самолеты трудными мишенями для люфтваффе. Однако ответственность за потери авиации РККА в первые дни войны в полной мере несет и высшее военное руководство. Лишь 19 июня 1941 г. нарком обороны приказал провести маскировку аэродромов и важных военных объектов, зарыть в землю бензохранилища, запретить линейное, скученное расположение самолетов. Причем дата исполнения указывалась не позднее 1 июля. К 5 июля планировалось создать в каждом районе авиационного базирования по 8–10 ложных взлетных площадок[10]. Сроки были явно нереальными. Да и состояние советской авиации, дислоцированной накануне войны в приграничных военных округах, было неудовлетворительным.

Так, в Западном Особом военном округе истребительные, бомбардировочные и смешанные авиадивизии ВВС находились в стадии интенсивной реорганизации или только начали свое формирование. Авиачасти передислоцировались на бывшие польские аэродромы в Западной Белоруссии, которых было недостаточно, и приступили к строительству новых взлетных площадок. Боевая подготовка происходила в невероятно стесненных условиях. Округ получил в качестве пополнения сотни молодых пилотов, самостоятельный налет которых был крайне мал, а на новейших самолетах и вовсе отсутствовал[11].

Гитлеровцы переходят через пограничную реку. 22 июня 1941 г.

Советский полевой аэродром, захваченный немцами. Июнь 1941 г.

Подбитые советские танки БТ-7

Немецкие солдаты осматривают советский танк Т-34

Новые самолеты Як-1, Ил-2, Су-2, Пе-2, МиГ-1, МиГ-3 авиадивизии получили в очень небольшом количестве или вовсе не имели таковых. Основу парка самолетов в истребительных соединениях составляли устаревшие И-15, И-153, И-16, а в бомбардировочных — СБ и ТБ-3. Летчики стремились в совершенстве освоить новую технику, но времени до начала войны уже не оставалось. В 9-й авиадивизии, например, на новые самолеты успели переучиться 136 летчиков, в 11-й — 27, в 12-й — четыре, в 13-й — 42. Большинство пилотов могли выполнять боевые задачи только днем, в простых метеоусловиях и лишь 219 — в сложных[12].

В 1939 и 1940 гг. в округе было построено около 70 аэродромов на территории Западной Белоруссии, но эти аэродромы были рассчитаны главным образом на старую материальную часть. На 1941 г. назначалось строительство сразу 92 аэродромов, с тем чтобы к концу года иметь 222 аэродрома, где можно было бы дислоцировать 80 авиаполков[13]. Несмотря на своевременное и вполне достаточное финансирование, первый этап строительства шел медленно — не хватало людей, техники, слабо была проработана организация труда.

Скученность советских самолетов на ограниченном пространстве, отсутствие аэродромов маневрирования и явно недостаточная аэродромная сеть в приграничных округах стали одной из главных причин неоправданно высоких потерь ВВС РККА в первые дни войны. В большей степени именно этими обстоятельствами была обусловлена катастрофа авиации Западного фронта. Кроме того, запасы горючего и бомб были созданы прежде всего в приграничных авиационных гарнизонах, что сразу поставило их под первый уничтожающий удар.

Пагубно отразилось на возможностях маневра советской авиации в Белоруссии строительство взлетно-посадочных полос сразу на 60 объектах, чего, по мнению командующего ВВС ЗапОВО генерал-майора авиации Н. Ф. Науменко, военного комиссара ВВС ЗапОВО дивизионного комиссара В. Я. Клокова и начальника штаба ВВС ЗапОВО генерал-майора авиации С. А. Худякова, подготовивших отчет о ВВС Западного фронта, сразу делать было нельзя. «Оставалось лишь 15–17 аэродромов для лагерной стоянки частей, которые располагались главным образом вдоль госграницы на расстоянии 10–40 км... При этом много строительных материалов было нагромождено на летных полях, вследствие чего аэродромы были фактически выведены из строя... На дислокацию авиации ЗапОВО к началу войны сильно повлиял испанский опыт, который усиленно насаждал тогдашний командующий ВВС округа Копец[14], растыкивая истребительную авиацию цепочкой по всей границе, без глубины»[15].

Аналогичные недостатки отмечались во всех приграничных округах. К этому следует добавить недостаточное изучение вероятного противника, незнание его тактики боя, отсутствие хорошей разведки, тогда как противник знал все передовые аэродромы ВВС Красной армии. Запрет на уничтожение немецких самолетов — нарушителей государственной границы над советской территорией сделал свое дело. Кроме того, германское командование имело в приграничной полосе разветвленную шпионскую сеть, что в начальный период войны дало ему возможность нарушать управление войсками, в том числе и авиасоединениями.

К исходу 30 июня 1941 г. в боевом составе частей ВВС Западного фронта оставалось всего 124 истребителя и 374 бомбардировщика, объединенных в семь дивизий. Им противостояло около 800 германских самолетов 2-го воздушного флота. С началом боевых действий ВВС Западного фронта нанесли ответные удары по аэродромам противника и его войскам в районе Бреста, Молодечно, Барановичей, Минска. Ударам бомбардировочной авиации Западного фронта подверглись вражеские аэродромы Соколув, Седлец, Луков, Бяла-Подляска, группировки противника в Цехановце, Константинуве, Августове, Сувалках, а также промышленные объекты в Кенигсберге и Варшаве[16]. Как сообщалось в официальном отчете, «по сохранившимся отрывочным данным, за период с 22 по 30 июня было сделано 2969 самолето-вылетов и сброшено 107 тонн 550 кг бомб»[17]. В этих условиях можно только поражаться высокому морально-боевому настрою большинства советских летчиков, мужественно встретивших врага уже в первые минуты войны и, несмотря на колоссальные потери, сумевших нанести ему серьезный урон.

Одной из главных причин неготовности Красной армии к отражению германской агрессии и неоправданно высоких потерь в первые дни войны стало тяжелое положение с

укомплектованием приграничных округов новыми танками. Развертывание новых механизированных корпусов проводилось в основном на базе боеспособных и слаженных танковых (механизированных) бригад и дивизий. Однако они не были обеспечены необходимым количеством техники и обученного личного состава. Одновременное формирование и развертывание в кратчайшие сроки значительного количества новых соединений привело в итоге не к повышению, а к снижению боеспособности армии.

Штатная численность бронетанковой техники в механизированных корпусах ЗапОВО составляла 756 тяжелых танков КВ и 2520 танков Т-34, но к середине апреля 1941 г. в округе имелось всего 95 танков КВ и 74 единицы Т-34. Не хватало и старых боевых машин БТ-5 и БТ-7, в то время как танков Т-26 находилось сверх штата почти 1 тыс. единиц. В округе была недостача бронемашин БА-10 и БА-20, легковых и грузовых автомобилей, а значительная часть имевшейся в наличии автобронетанковой техники требовала капитального ремонта. Тем не менее командующий войсками округа рассчитывал закончить укомплектование механизированных корпусов боевыми и вспомогательными машинами к 1 июля 1941 г. Очевидно, что расчеты Д. Г. Павлова были невыполнимы из-за отсутствия необходимых поставок бронетанковой техники от промышленности, значительного количества неисправных машин и слабой ремонтной базы. Танковые батальоны дивизий 17-го и 20-го механизированных корпусов и танковые полки моторизованных дивизий (кроме 6-го мехкорпуса) «как не имеющие танков» командующий ЗапОВО приказал вооружить 45-мм противотанковыми орудиями (всего 528 орудий)[18].

В механизированных корпусах был и недостаток личного состава. Имелось лишь 26,7% командно-начальствующего состава, 24,6% младшего начсостава и 60,4% рядового состава. Лишь 6-й механизированный корпус был обеспечен командно-начальствующим составом до 75–80%, а младшим начсоставом и рядовым составом — полностью. Но и здесь в дивизиях, которые намечалось вооружить танками Т-34 и КВ, имелось соответственно 47 и 46% от положенных по штату новых боевых машин. Командиры и красноармейцы размещались в лучшем случае в деревенских домах, но зачастую долгое время военнослужащие вынуждены были проживать в палатках или землянках в условиях изменчивой весенней погоды. Строительство новых казарм только разворачивалось. Занятия по боевой подготовке в такой ситуации проводились от случая к случаю, на низком уровне. В соединениях и частях порой отсутствовало необходимое количество учебных и наглядных пособий, не хватало стрельбищ, полигонов и учебных полей. Образовательный уровень начальствующего состава округа также был невысоким. Таким образом, танковые дивизии ЗапОВО и других приграничных округов являлись лишь ограниченно боеспособными, а многие соединения и части оставались полностью небоеспособными. Тем не менее солдаты и командиры в большинстве своем понимали сложность решаемых ими задач, непростую международную ситуацию и принимали «все меры к тому, чтобы быстрее закончить организационную работу и развернуть нормальную боевую и политическую подготовку»[19].

Однако недостаточный общеобразовательный уровень, бытовые проблемы и степень воинской дисциплины не являлись решающими обстоятельствами, предопределившими трагедию первых дней войны. Здесь следует обратить внимание и на тот факт, что военные советы всех приграничных округов, включая и ЗапОВО, явно недостаточно акцентировали внимание личного состава на создании и оборудовании оборонительных рубежей, столь необходимых в условиях возможной немецкой агрессии. Создание на пути противника плотного заслона из минных полей, минирование мостов через реки, организация надежной охраны линий связи — все эти меры могли бы значительно усилить боеспособность приграничных округов. Произошло, к сожалению, все иначе. Немецкие танки и моторизованная пехота захватывали мосты через Буг абсолютно не поврежденными, а линии связи, перерезанные диверсантами, серьезно нарушали организацию управления советскими войсками. Высокие темпы германского продвижения на восток были, таким образом, предопределены с самого начала.

Немецкие войска на марше

Могила немецких солдат в Белоруссии. Дата на кресте — 13 июля 1941 г.

Подбитый немецкий бронетранспортер

Погибшие советские солдаты

Немецкий солдат во время боя в Брестской крепости

Кроме того, войска не были психологически подготовлены к нападению противника. Войну ждали, но в то же время надеялись, что она начнется нескоро, учитывая сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г. Однако оно не могло и не должно было стать поводом к благодушию, влиять на уровень боевой готовности. Несмотря на явную угрозу войны, вплоть до 22 июня не прекращались отпуска офицеров. Многие части находились в летних лагерях, на учениях или вели работы по строительству оборонительных сооружений. Лишь незначительный процент командного состава накануне войны был переведен на казарменное положение.

22 июня 1941 г. в 3 часа 30 минут немецкие самолеты сбросили первые бомбы на белорусскую землю, неся смерть и страдания жителям Гродно, Лиды, Волковыска, Бреста, Кобрина, Слонима, Барановичей, Бобруйска. В это же время германская авиация бомбила Севастополь, Киев, Одессу. Бомбардировкам в первый день войны подверглись также Житомир, Рига, Виндава, Либава, Шауляй, Каунас, Вильнюс и многие другие советские города, железнодорожные узлы, аэродромы, военно-морские базы. Войска агрессора осуществляли артиллерийский обстрел пограничных укреплений и районов дислокации войск Красной армии вблизи границы от Балтийского моря до Карпат и Черного моря.

В 5–6 часов утра немецкие войска перешли государственную границу СССР и повели наступление в глубь советской территории. Началась Великая Отечественная война. Первыми приняли на себя удар советские пограничники. Расчет противника на то, что он с ходу уничтожит погранзаставы и не встретит здесь сильного сопротивления, не оправдался. Не имея тяжелого вооружения, пограничники в большинстве случаев отчаянно сопротивлялись и нанесли немалый урон врагу, что стало для него неприятным сюрпризом.

Ударные группировки группы армий «Центр», как это было предусмотрено планом, развернули наступление из районов западнее Гродно и южнее Бреста — на флангах белостокского выступа. В утреннем донесении группы армий «Центр» на 8 часов утра 22 июня 1941 г. отмечалось, что в полосе 4-й армии «наступление продолжается успешно. В общем отмечается слабое сопротивление противника. По-видимому, противник на всех участках застигнут врасплох. Мосты через р. Зап. Буг: мост у Кодень, ж.-д. мост у Бреста и мост в районе Фроналув взяты нашими войсками. Наши авангарды к 6.00 достигли общей линии 4–5 км восточнее реки Зап. Буг (восточнее границы). Сопротивление в Бресте оказывается главным образом в городской части — в крепости... До сих пор отмечается незначительная активность авиации противника. Сбит один наш самолет-разведчик». Такое же положение было и в полосе 9-й армии. В донесении говорилось: «На всем фронте наступления армии противник до сих пор оказывает незначительное сопротивление. Встречается лишь местами противодействие легкой артиллерии»[20].

В 6 часов 40 минут утра командующий 4-й армией ЗапОВО генерал А. А. Коробков доносил Д. Г. Павлову: «...4.15 22.06 противник начал обстрел крепости Брест и района города Бреста. Одновременно противник начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6.00 артиллерийский обстрел усилился в районе Брест. Город горит. 42, 6 и 75 сд (и 22 и 30 тд) выходят в свои районы; о 49 сд данных нет»[21].

Положение дел становилось для советских войск все более катастрофичным. В большинстве районов вторжения они были застигнуты врасплох. Так, 22-я танковая дивизия, дислоцировавшаяся в Южном городке г. Бреста, при выходе потеряла от огня противника большую часть танков, более половины автопарка, все запасы боеприпасов и 20% личного состава. Фактически утратили возможность управления соединениями и частями штабы 14-го механизированного и 28-го стрелкового корпусов. Особенно большие потери понесли 6-я и 42-я стрелковые дивизии. Буквально в первые часы войны было выведено из строя до 50% войск, находившихся в Брестской крепости. Вместе с тем соединения, которые до начала агрессии были приведены в боевую готовность, успели выдвинуться на предназначенные им позиции, встречали удар более организованно. Например, на рассвете 22 июня 1941 г. не понесли значительных потерь части 27, 56, 2, 8, 23 и 86-й стрелковых дивизий ЗапОВО. В действиях штаба и командования Западного фронта в эти часы наблюдалась известная

растерянность, вызванная прежде всего запоздалым распоряжением о приведении войск в боевую готовность и нарушением противником системы управления, связи и оповещения войск. Примечательно, что лишь в 5 часов 25 минут Военный совет фронта направил командующим 3, 10 и 4-й армий директиву «поднять войска и действовать по-боевому»[22].

Еще до начала боевых действий в тыл советских войск забрасывались группы диверсантов, которые нарушали линии связи, перехватывали офицеров связи, посыльных и связных. Штаб фронта лишился устойчивой связи с армиями. Бывший начальник оперативного отдела штаба 10-й армии подполковник С. А. Маркушевич уже в августе 1941 г. докладывал заместителю начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенанту Г. К. Маландину, что «о готовящемся нападении немцев и о вводе «Красного пакета» (включавшего план прикрытия в случае начала войны. — *Прим. ред.*) было получено извещение по «ВЧ» между 3.00 и 3.30 22.06.41 г. лично командующим 10-й армией генерал-майором Голубевым от генерала армии Павлова». Это распоряжение было передано всем командирам корпусов. Однако далеко не все части успели занять исходные позиции, а те, которые заняли их, отражали атаки противника, но в основном «погибли в этих точках». Далее С. А. Маркушевич отмечал, что «проводная связь со штабом фронта и войсками была прервана между 3.30 и 4.00», а радиостанция была уничтожена в результате налета немецкой авиации. От прилетевшего на самолете генерал-лейтенанта И. В. Болдина штабом 10-й армии был получен приказ об отводе войск на рубеж рек Бобр и Нарев[23].

Отсутствие устойчивой связи штабов соединений и объединений с подчиненными частями стало одной из главных причин неудач советских войск в приграничных сражениях. К середине дня 22 июня генерал армии Д. Г. Павлов имел лишь разрозненные сведения о сражающихся частях и слабо представлял оперативную обстановку в полосе действий фронта. Более того, план прикрытия, которым руководствовались командование фронта и армий, не был рассчитан на столь быстрое развитие событий. Ни командующий округом, ни его штаб не имели реальной возможности объективно оценить обстановку, складывавшуюся на направлениях ударов противника.

Даже та информация, которой владело командование Западного фронта, была удручающей. Вечером 22 июня 1941 г. Военный совет Западного фронта направил военным советам 3, 10, 4-й армий, командирам 21, 47, 44-го стрелковых, 17-го и 20-го механизированных корпусов шифрограмму, в которой прямо указывалось, что «опыт первого дня войны показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников. Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу». Военный совет фронта требовал от командиров подчиненных соединений и частей «ежечасно заниматься организацией боевого обеспечения боя... организовать эвакуацию раненых с поля боя. Ни один раненый командир и боец не должны остаться у врага. Похороны убитых проводить организованно. Чтить память погибших за правое дело, за Родину. Бойцам и командирам в свободное время организовать поочередно отдых. При отходе скот угонять, продовольствия врагу не оставлять. Организовать питание горячей пищей через местное население»[24].

22 июня штаб Западного фронта получил из Москвы две директивы. Директива № 2 была отправлена в 7 часов 15 минут и требовала разбить вторгшиеся части противника, но границу не переходить, поскольку высшее государственное и военное руководство страны не исключало, что начавшаяся война — это всего лишь военная провокация немцев. Однако уже к вечеру директивой № 3, отправленной в 21 час 15 минут за подписью наркома обороны СССР маршала С. К. Тимошенко, члена Главного военного совета Г. М. Маленкова и начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова, советским войскам была поставлена задача на фронте от Балтийского моря до границы с Венгрией перейти госграницу и приступить к решительным действиям[25].

Немецкие войска в Гродно

Советские танки выдвигаются на исходные позиции

Орудийный расчет ведет огонь по врагу

Советский истребитель И-16 перед боевым вылетом

Раненые бойцы

Для выяснения обстановки на фронт, в том числе и к Д. Г. Павлову, из Москвы были направлены маршалы Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик, генералы В. Д. Соколовский и Г. К. Маландин. Западный фронт должен был во взаимодействии с Северо-Западным фронтом разбить сувалкскую группировку противника и уже 24 июня занять город Сувалки. На основании донесений фронтов Генеральный штаб и Наркомат обороны делали заключение, что наиболее крупные силы враг сосредоточил на сувалкском и люблинском направлениях. Мощную группировку противника, наносившую удар из района Бреста, советское командование явно недооценивало. Поэтому все внимание обращалось на возможный охват белостокского выступа с севера — через район Гродно.

Получив поздно директиву № 3, генерал армии Д. Г. Павлов приступил к планированию контрудара в районе Гродно. Южному крылу фронта (4-й армии) также ставилась задача начать наступление в 5 часов утра 23 июня с целью уничтожения противника восточнее Буга и занятия Бреста[26]. Весь трагизм ситуации заключался в том, что ни в штабе фронта, ни тем более в Москве командование не имело должного представления о ситуации на границе. Сложившаяся оперативная обстановка никак не располагала к наступлению, и контрудары с такими целями, которые ставили Генеральный штаб и штаб Западного фронта, не имели шанса на успех.

Силами 6-го и 11-го механизированных корпусов и 36-й кавалерийской дивизии, объединенных в группу генерала И. В. Болдина, 23–25 июня была предпринята попытка контрудара с целью перехватить у врага инициативу и реализовать положения директивы Ставки № 3. Однако уже на этапе сосредоточения войск возникли серьезные трудности, которые привели к поражению советских войск. При других обстоятельствах контрудар этих сил мог бы решительно изменить оперативную обстановку. Ведь только 6-й механизированный корпус имел 1022 танка, в том числе 352 новых Т-34 и КВ. Однако неподготовленное наступление при господствующей в небе авиации противника было обречено на провал. 11-й механизированный корпус и 3-я армия уже были связаны боями, а 6-й механизированный корпус и 36-я кавалерийская дивизия находились в 60–80 км от Гродно. Выдвигавшиеся на исходные позиции дивизии подвергались массированным бомбовым ударам вражеской авиации. Из-за отсутствия ремонтной базы поврежденную технику приходилось бросать на обочинах дорог. Разрозненные части 6-го механизированного корпуса, подходившие к фронту, сразу же вступали в бой, однако противника остановить не удалось, и в тот же день немецкие передовые части ворвались в Гродно. Предпринятые на следующий день контратаки советских войск успеха не имели.

Согласно рапорту от 13 июля 1941 г. начальника 3-го отдела 10-й армии полкового комиссара С. Л. Лося, представленного им на имя начальника 3-го управления НКО СССР после выхода из окружения, «примерно в 1 час ночи 22 июня бывший командующий ЗапОВО Павлов позвонил по «ВЧ» и приказал привести войска в план боевой готовности и сказал, что подробности сообщит шифром (а подполковник С. А. Маркушевич докладывал, что указания по ВЧ были получены между 3 часами и 3 часами 30 минутами утра. — *Прим. ред.*). В соответствии с этим были даны указания всем командирам частей. Около 3 часов все средства связи были порваны (подполковник С. А. Маркушевич отмечал, что проводная связь была нарушена между 3 часами 30 минутами и 4 часами утра. — *Прим. ред.*). Полагаю, что противником до начала бомбардировки были сброшены парашютисты и ими выведены все средства связи. К 10–11 часам утра шифровка прибыла, точного содержания ее сейчас не помню, но хорошо помню, что в ней говорилось привести войска в боевую готовность, не поддаваться на провокации и государственной границы не переходить[27]. К этому времени войска противника продвинулись на 5–10 км. Шифровка была подписана Павловым, Фоминых, Климовских... К вечеру 22 июня, не помню точно, то ли от зам. командующего Болдина, то ли из штаба ЗапОВО (к тому времени фронта. — *Прим. ред.*) был получен приказ закрепиться на р. Нарев. Приказание было вызвано якобы неустойкой соседа — 3-й армии»[28].

Трагедию отступления 10-й армии полковой комиссар С. Л. Лось описал достаточно подробно: «...авиация противника действовала совершенно безнаказанно, так как ни одно-

Немецкие артиллеристы и солдаты в одном из советских городов

Немецкие солдаты укрываются от обстрела

го нашего самолета не было, бомбили и расстреливали из самолетов отходящие части... не давая нашим войскам поднять голову. Кроме того, наступающие войска противника вели усиленную стрельбу из огнеметов, которых у нас совершенно не было. Самолеты противника взяли под контроль все шоссейные дороги, расстреливали машины, а впоследствии охотились даже за отдельными людьми, что создало большую панику и большое количество людей разбежалось, бросая на ходу оружие, материальную часть и боеприпасы. Шоссе Белосток — Волковыск было забито трупами людей, автомашинами, танками, боеприпасами... Таким образом, по существу, на реку Нарев вышли разбитые части, имея в дивизиях очень незначительное количество людей... Положение усугублялось тем, что по распоряжению штаба округа с 15 июня все артиллерийские полки дивизий, корпусов и артполки РГК были собраны в лагеря». Поднятые в 6 часов утра по тревоге начальником артиллерии армии генерал-майором М. М. Барсуковым, они были направлены в дивизии. В это время уже все пограничные дивизии вели бои с вторгшимся на советскую территорию противником. Артиллерия передвигалась на механизированной тяге, однако горючего оказалось недостаточно. Орудия приходилось либо взрывать, либо просто бросать на дороге.

Завершая описание обстановки, в которой приходилось действовать личному составу 10-й армии, полковой комиссар С. Л. Лось отмечал: «Войска армии оказывали сопротивление до 26 июня — после чего началось беспорядочное отступление... Распространению паники и увеличению беспорядка в тылу способствовало следующее. В ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотрудники органов НКВД и НКГБ во главе с начальниками органов также сбежали. Аналогичное положение имело место почти во всех районных и городских организациях. Из Белостока и других городов сбежала вся милиция. Города, и в частности Белосток как ближайшая питающая база, были оставлены без власти. Враждебные элементы воспользовались этим и подняли голову. Освободили из тюрем более 3000 арестованных, которые начали грабежи и погромы в городе»[29].

Подобная ситуация наблюдалась в те дни и в других городах. Как отмечалось в оперативной сводке ПВО пункта Лида за 23–24 июня, после бомбардировки Гродно «все управление: как-то Горсовет, РК и Горком ВКП(б), директора предприятий, милиция и НКВД побросали посты и сбежали». В результате город остался без управления[30].

14-й механизированный корпус 4-й армии на южном крыле Западного фронта 23 июня также контратаковал противника и даже продвинулся на несколько километров к Бресту. Однако наступление быстро выдохлось, поскольку на стороне противника имелся значительный перевес сил. Механизированные корпуса фактически были разгромлены. Так, в 11-м мехкорпусе из 243 танков осталось 50, а в 14-м мехкорпусе из 518 танков — 25[31]. Усилия Ставки и Западного фронта остановить наступление немецкой группы армий «Центр» окончились неудачей.

Бои с вторгшимся на территорию СССР противником шли уже более чем в 200 км от границы, а в тылу врага продолжал неравный бой гарнизон Брестской крепости, состоявший после отхода основных сил лишь из отдельных подразделений 42-й и 6-й стрелковых дивизий 28-го стрелкового корпуса, 33-го инженерного полка и пограничной заставы. Объединенными силами защитников крепости командовал капитан И. Н. Зубачева, а его заместителем стал полковой комиссар Е. М. Фомин.

Рассчитывая на внезапность, немецкое командование планировало овладеть крепостью в первый же день войны. На ее разгром были брошены 45-я и часть сил 31-й пехотных дивизий, поддержанные огнем осадной артиллерии. Около 4 тыс. советских воинов сдерживали натиск 20 тыс. вражеских солдат. Несмотря на провал быстрого штурма, за 22 июня противнику удалось взять всю крепость в кольцо блокады. Героическая оборона Бреста, которая носила чрезвычайно упорный и ожесточенный характер, продолжалась до 20 июля. Причем 45-я пехотная дивизия немцев в полном составе вела здесь боевые действия вплоть до 1 июля, после чего для завершения борьбы с защитниками крепости были оставлены два ее батальона. Об этих событиях Г. Гудериан вспоминал: «Особенно ожесточенно оборонялся

Советский танк Т-34 перед боем

После боя

гарнизон имеющей важное значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссейные дороги, ведущие через Западный Буг в Мухавец»[32]. Однако немецкий генерал ошибался: гарнизон крепости держался не несколько дней, а около месяца.

Против гарнизона крепости противник применял тяжелую артиллерию, авиацию, использовал зажигательные боеприпасы и слезоточивый газ. Оборонявшиеся испытывали острую нехватку продовольствия и воды. К началу июля противнику удалось захватить укрепления на Центральном острове, уничтожив главный очаг сопротивления защитников Брестской крепости. Борьбу с гитлеровцами продолжали уже разрозненные группы и одиночные бойцы до конца июля и даже до начала августа 1941 г. После войны в казематах Брестской крепости была обнаружена нацарапанная на стене кем-то из ее защитников надпись: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай Родина. 20 июля 1941 г.»[33].

Моторизованные корпуса 3-й танковой группы генерала Г. Гота, действовавшей с 22 июня 1941 г. в составе группы армий «Центр», за несколько часов от границ Восточной Пруссии вышли к р. Неман, разгромили соединения 11-й армии Северо-Западного фронта и 24 июня заняли Вильнюс. Затем 3-я танковая группа вклинилась в образовавшийся между фронтами разрыв и, обойдя с севера основные силы Западного фронта, начала наступление в направлении на Минск — в тыл войскам генерала армии Д. Г. Павлова. Командующий Западным фронтом предпринял попытку преградить ей путь резервными частями фронта, сведенными в 13-ю армию под командованием генерал-лейтенанта П. М. Филатова, но и здесь его постигла неудача.

Положение войск Западного фронта становилось критическим. 26 июня передовые части 3-й танковой группы подошли к минскому укрепрайону и начали бои за город. 27 июня дивизии 4-й и 9-й немецких армий соединились восточнее Белостока, окружив значительную часть отступавших к Минску соединений 3-й и 10-й армий Западного фронта. На юге 2-я танковая группа генерала Г. Гудериана, сломив сопротивление 4-й армии, 25 июня форсировала р. Щару и также двинулась на Минск и Бобруйск.

Штаб Западного фронта не смог правильно оценить обстановку, поскольку объективными данными о положении дел в подчиненных войсках не располагал, не знали истинной обстановки и в Генеральном штабе РККА. В результате многие распоряжения, поступавшие от командующего Западным фронтом и из Генштаба, не соответствовали сложившейся обстановке и, как правило, практически были невыполнимы.

В оперативной сводке за 24 июня 1941 г. штаба 4-й армии дается оценка обстановки, сложившейся в полосе действий Западного фронта и 4-й армии генерала А. А. Коробкова. В сводке констатируется, что уже после первых столкновений с противником «все части, за исключением 55 и 75 сд, небоеспособны и нуждаются в срочном доукомплектовании личным составом и мат. частью и приведении в порядок. Основные потери в материальной части от авиационного и артиллерийского налетов и внезапного нападения в один день (почти целиком выведены 447, 455 кап и в значительной части 31 ап, 204 и 17 гап и свыше 75% матчасти 14 мк). От постоянной и жесткой бомбардировки пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, начиная от командующего армией, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали»[34].

В механизированных корпусах Западного фронта к 28 июня оставались фактически единицы исправных танков. Командир 14-го механизированного корпуса генерал-майор С. И. Оборин доносил 28 июня командующему Западным фронтом, что в 30-й танковой дивизии осталось всего два танка Т-26, причем один из них неисправный, а в 22-й танковой дивизии — ни одного. «Общие потери (примерно) 14 МК — 80%, из них убитых и раненых около 30%, остальные в тылах различных направлений. Принимаю меры сбора в район г. Смоленска»[35].

В воздухе безраздельно господствовала немецкая авиация. От частей, занимавшихся оборудованием оборонительного рубежа на р. Березине, в штаб Западного фронта поступали

Красноармеец у захваченного вражеского танка

Контратака советских войск

Артиллерийский расчет ведет огонь по врагу

тревожные донесения, в которых сообщалось о том, что «снарядов для зенитных орудий нет, истребительная авиация наша не появляется»[36].

Выйдя моторизованными колоннами восточнее Минска, противник с ходу приступил к форсированию р. Березины с целью дальнейшего наступления на Могилев, Оршу, Витебск. Начальник гарнизона г. Борисова корпусной комиссар И. З. Сусайков 2 июля в 16 часов 35 минут докладывал в штаб фронта: «Мотопехота противника, усиленная артиллерией, бронемашинами, при активной поддержке штурмовой авиации на протяжении дня 1 и 2 июля 1941 г. активными действиями овладела переправами через р. Березина у Борисова и продолжает теснить наши части в восточном направлении... Прошу во что бы то ни стало выслать в мое распоряжение хотя бы одну эскадрилью истребителей, ибо основные потери и, главное, паника наносятся авиацией противника, которая, пользуясь отсутствием авиации на нашем участке, работает все время на бреющих полетах, почти безнаказанно... Прошу об усилении моей группы средствами противотанковой обороны». В противном случае, как завершал свой доклад И. З. Сусайков, «дальнейшая оборона последующих рубежей моими силами будет малоэффективна»[37].

Оказывая упорное сопротивление превосходящим силам противника, советские войска вынуждены были отступать. Но и отступая, они наносили немалый урон врагу. Так, в боевом донесении штаба 4-й армии начальнику штаба Западного фронта о боевых действиях отряда командира 47-го стрелкового корпуса 1 июля 1941 г. особо отмечалось: «В 13 часов 40 минут противник после авиационной и минометной подготовки перешел в наступление против сводного отряда генерал-майора Поветкина. Все атаки отбиты, и к 16 часам рубеж р. Олла (правильно — р. Улла, левый приток Западной Двины и одноименный населенный пункт в Витебской области Белоруссии. — *Прим. ред.*) удерживается. Подбито 6 танков, 12 мотоциклов с пулеметами и один самолет»[38]. Однако героизм и мужество отдельных соединений и частей РККА не могли изменить общую картину боевых действий Западного фронта.

Разгромив 3, 10 и 4-ю армии Западного фронта, ударная группировка механизированных соединений противника совершила стремительный бросок в район Минска. Силы атакующей и обороняющейся сторон были несопоставимы. У защитников города не хватало боеприпасов, в то время как наступление немецких войск поддерживали истребители и бомбардировщики люфтваффе. 24 июня на Минск был совершен массированный налет немецкой авиации. В значительной мере был разрушен центр города, прямым попаданием бомбы поврежден штаб Западного фронта[39].

26 июня советская авиаразведка засекла продвижение боевых машин 3-й танковой группы генерала Г. Гота на шоссе севернее города. Маршал Б. М. Шапошников, находившийся в штабе Западного фронта, вылетел в Москву, предварительно заручившись согласием Ставки на отвод сил на восток, за укрепления Минского и Слуцкого укрепрайонов. Еще 25 июня генерал армии Д. Г. Павлов получил из Ставки приказ срочно отвести войска из белостокского выступа.

Директива Военного совета Западного фронта от 25 июня 1941 г. на отвод войск фронта на рубеж Илия, Гольшаны, Лида, р. Шара, Бытень, Пинск требовала «не позднее 21 часа начать отход... Предстоящий марш совершать стремительно днем и ночью под прикрытием стойких арьергардов. Отрыв произвести широким фронтом»[40]. Но это требование Военного совета было невыполнимо, так как к моменту получения директивы войска 3-й и 10-й армий фактически находились в полуокружении, а конечным рубежом их отхода уже овладел враг.

Несмотря на наличие системы укреплений, столица Белорусской ССР оказалась слабо защищенной. Не хватало войск, боеприпасов, артиллерии. Удар главных сил противника приняли на себя стрелковые соединения 13-й армии генерала П. М. Филатова. Ставка и командование фронта требовали прекратить отвод войск и оборонять Минск. Командование Западного фронта еще надеялось остановить танковые колонны Г. Гота, нанеся по ним удары оставшимися в строю машинами бомбардировочной авиации. 25 июня советские бомбардировщики совершили удачный налет на аэродром противника в Вильнюсе, но и сами понесли значительные потери. 26 июня в районе Радошковичей бессмертный подвиг

совершили экипажи командиров 3-й и 4-й эскадрилий дальнебомбардировочного полка А. С. Маслова и Н. Ф. Гастелло, которые направили свои подбитые самолеты на скопление вражеской техники. Однако, несмотря на героизм и самопожертвование защитников города, остановить врага на подступах к Минску не удалось.

27 июня (по некоторым сведениям, уже 26 июня) в Минск прорвались первые германские десантные отряды. Основные силы танковых дивизий группы Г. Гота выходили на подступы к городу с севера, а группы Г. Гудериана — с юга. Защитники белорусской столицы, несмотря на явное превосходство противника, продолжали держать упорную оборону. 28 июня противник начал штурм города, и в 16 часов танковая группа Г. Гота ворвалась в Минск[41]. На следующий день в город вошли танки Г. Гудериана, замкнув еще одно кольцо вокруг 3-й и 10-й армий Западного фронта. Вне кольца остались лишь часть соединений 13-й армии и остатки 4-й армии, переподчиненные в начале июля приказом начальника Генштаба РККА Г. К. Жукова 21-й армии и мужественно сражавшиеся на р. Березине. Штаб 4-й армии выводился в район г. Пропойска Могилевской области[42]. Судя по донесениям в штаб Западного фронта 28–29 июня, об обстановке в городе достоверных сведений тогда не имелось. Да и сам штаб фронта передислоцировался в Могилев и не имел реальной возможности должным образом координировать боевые действия.

Используя благоприятно складывавшуюся для немецких войск ситуацию в Белоруссии, командование вермахта рассчитывало с ходу продолжить продвижение на восток и в кратчайшие сроки выйти к Москве. С этой целью группа армий «Центр» получала дополнительные подкрепления, в том числе из резерва главного командования сухопутных войск и группы армий «Север». Если к началу войны группа фельдмаршала Ф. фон Бока имела свыше 50 дивизий, то в начале июля — уже 63. В первом эшелоне наступали 28 дивизий, из них девять танковых и шесть моторизованных. Преимущество врага в живой силе и технике на этом направлении было подавляющим.

Ставка Главного командования Вооруженных сил СССР принимала все меры к недопущению дальнейшего беспрепятственного продвижения немецких бронированных колонн на восток. Новый командующий Западным фронтом маршал С. К. Тимошенко, занявший этот пост вместо отстраненного от должности и арестованного Д. Г. Павлова, 2 июля 1941 г. был вызван по прямому проводу И. В. Сталиным. Опасаясь быстрого продвижения немецких частей к Смоленску, он спрашивал С. К. Тимошенко: «Нас интересует, заминировали ли вы автостраду Орша — Минск? Разыскали ли 53-ю дивизию и где она теперь находится? Подходят ли на рубеж ваши части? Какие дивизии остаются? Как идут работы на рубеже? И последнее, знаете ли вы, что из частей Павлова отошло на рубеж, занимаемый вашими частями, в каком они состоянии? Об этом нужно постоянно доносить». Командующий Западным фронтом доложил о дислокации войск фронта, обратив внимание И. В. Сталина на тот факт, что ощущается острая нужда в дизельном топливе, снарядах, разведывательной и истребительной авиации. Завершая доклад, маршал С. К. Тимошенко констатировал, что «до вчерашнего вечера никаких частей Павлова на наш рубеж не отходило»[43].

Из числа окруженных под Белостоком и Минском соединений и частей Западного фронта на восток смогли прорваться лишь разрозненные подразделения. Маршал Советского Союза Г. И. Кулик, находившийся в войсках 10-й армии, также попал в окружение, лишился связи и вышел в расположение советских частей лишь спустя две недели[44].

Обескровленные, лишенные связи остатки армий Западного фронта оказывали ожесточенное сопротивление врагу до 8 июля, приковав к себе до 25 немецких дивизий. Их героическая борьба позволила практически заново сформировать Западный фронт, оборонительные линии которого прошли восточнее рек Западная Двина и Днепр. Именно на этом рубеже 2-я и 3-я немецкие танковые группы начали терять темп наступления на восток — сопротивление советских войск заметно усиливалось, и у советского командования появилась реальная возможность сорвать наступление танковых соединений противника.

В конце июня 1941 г. Ставка и Генеральный штаб пришли к окончательному выводу, что основным стратегическим направлением на советско-германском фронте является западное.

Было принято решение провести масштабную перегруппировку войск, выдвигавшихся из глубины страны. 16-я армия 27 июня получила приказ Генерального штаба выдвинуться из района Бердичев, Проскуров, Староконстантинов в район западнее Смоленска. Перегруппировка была завершена к 8 июля.

Одновременно из района Киева в район Витебска перебрасывалась 19-я армия. К 10 июля часть сил этого объединения прибыла в район нового сосредоточения. На западное направление по приказу Ставки из внутренних округов и с других фронтов выдвигалось дополнительно до 70 дивизий. К 10 июля западнее Смоленска были сосредоточены уже 32 новые дивизии, девять осуществляли разгрузку, а 29 еще находились в пути. Прибывшие дивизии были включены в состав 22, 20 и 21-й армий, развертывавшихся на рубеже Западная Двина — Днепр[45].

К началу июля в распоряжение командующего Западным фронтом маршала С. К. Тимошенко прибыли 5-й и 7-й механизированные корпуса, имевшие в своем боевом составе 924 и 715 танков соответственно. В треугольнике Витебск — Смоленск — Орша, который удерживали войска Западного фронта, они вполне могли, нанося сильные контрудары, сдерживать танковые и моторизованные группы противника, препятствуя их продвижению к востоку от Западной Двины и Днепра.

В начале июля окруженные соединения и части Западного фронта продолжали вести бои с противником, сковывая главные силы группы армий «Центр». Быстро ликвидировать их в своем тылу немецкому командованию не удалось, но и существенно снижать темпы наступления на московском направлении оно не собиралось. С этой целью для продолжения наступательных действий через Смоленск на Москву были выделены 2-я и 3-я танковые группы. Возглавил объединенную группировку, получившую название 4-й танковой армии, генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге. Быстро продвигаясь в направлении от Вильнюса через Глубокое и Поставы на рубеже среднего течения Западной Двины, передовые части противника вышли в район развертывания 51-го и 62-го стрелковых корпусов и включенной 2 июля в состав Западного фронта 22-й армии генерала Ф. А. Ершакова.

4 июля немецкие войска заняли плацдарм в районе Дисны на северном берегу Западной Двины. Бои за плацдарм непрерывно продолжались всю первую декаду июля. Противник пытался расширить плацдарм, части 22-й армии — ликвидировать его. Особо тяжелые бои развернулись 8 июля. В этот день немецким войскам удалось прорвать оборону 22-й армии в районе Уллы западнее Витебска и линию Себежского укрепрайона.

Немецкие танковые соединения продолжали стремительно продвигаться вперед. Танкисты Г. Гудериана к 9 июля подошли к Могилеву, а Г. Гота — пробили дорогу на Витебск. Однако оборонявшие Полоцк части и соединения 22-й армии на две недели задержали продвижение немецко-фашистских войск на северном фланге центрального участка советско-германского фронта. С 4 по 21 июля шли бои в предместьях Могилева. Противник бросил на город четыре пехотные дивизии, 3-ю танковую дивизию, часть сил 10-й моторизованной дивизии и дивизии СС «Рейх», а также полк «Великая Германия». 26 июля советские войска вынуждены были оставить город. Но и соединения вермахта понесли значительные потери в живой силе и технике.

За первые 18 дней боев Западный фронт вместе с Пинской военной флотилией потерял 417 790 человек, в том числе 341 073 безвозвратно, 4799 танков (включая небоеспособные), 9427 орудий и минометов, 1777 самолетов[46]. Советские войска вынуждены были отступить на 600 км в глубь страны. Вина за катастрофу в Белоруссии была возложена на командование Западного фронта. Командующий фронтом генерал армии Д. Г. Павлов, начальник штаба фронта генерал-майор В. Е. Климовских, начальник связи фронта генерал-майор А. Т. Григорьев, начальник артиллерии фронта генерал-лейтенант Н. А. Клич, командир 14-го механизированного корпуса генерал-майор С. И. Оборин, командующий 4-й армией генерал-майор А. А. Коробков были сняты со своих постов, арестованы и расстреляны. В 1957 г. все они были посмертно реабилитированы.

Потери группы армий «Центр», в том числе безвозвратные и санитарные, а также пропавшие без вести в результате приграничных боев, составили около 40 тыс. солдат и офицеров.

Всего же в начальный период войны противник потерял на советско-германском фронте около 80 тыс. человек[47].

Безусловно, первый удар противника был мощным и ошеломляющим. Но Западный фронт постигла неудача и в силу ряда просчетов, допущенных еще в предвоенный период, запоздалых, а порой и ошибочных решений, которые принимало в крайне непростой ситуации начала войны командование фронта. Это и недостаточная готовность средств ПВО, и отсутствие у фронта резервов, и снятие с оборонительного рубежа по р. Щаре войск в ночь с первого на второй день войны, чем не преминул воспользоваться противник, создав условия для окружения войск 3-й и 10-й армий. Нельзя не отметить и запоздалое занятие рубежей укрепрайонов вдоль старой государственной границы войсками 13-й армии, а также ряд других просчетов командования фронта.

Вместе с тем все арестованные и расстрелянные затем руководители Западного фронта, как отмечал генерал-майор Б. А. Фомин, «были оторваны от управления войсками в тот момент, когда их стараниями уже стали затухать темпы операции противника, а управление войсками налаживалось»[48].

По мнению бывшего командующего 3-й армией генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова ошибочным было решение штаба Западного фронта об отказе от подвижной обороны, равно как и решение об организации контрудара в направлении Гродно. Лучшим решением стал бы удар по тылам 2-й танковой группы Г. Гудериана, быстро продвигавшейся к Барановичам с юго-запада[49].

К тому же большинство дивизий Западного и Киевского Особых военных округов, прежде чем занять оборону, должно было совершить перегруппировку войск на расстояние до 60 км в непосредственной близости от границы. Альтернативного варианта занятия обороны, например в глубине полосы или в районе дислокации соединений, не предусматривалось. Порядок переподчинения соединений ЗапОВО не обеспечивал устойчивого управления ими при нападении противника. Исходные районы частей и соединений для занятия обороны находились в зоне видимости противника и могли поражаться огнем его артиллерии[50].

Бесспорно, фактором стратегического значения, повлиявшим на катастрофу в Белоруссии и неудачное развитие всего начального этапа войны, стала неверная оценка высшим советским командованием главного направления наступления врага. По предвоенным оценкам генерального штаба РККА, юго-западное направление (южнее Полесья) считалось наиболее опасным. Однако с началом боевых действий стало ясно, что противник наносил главный удар на Смоленск и Москву. Это давало ему возможность глубокого охвата советских войск в районе Белостока и Минска.

Западный фронт потерпел тяжелейшее поражение. Однако в конце июня — начале июля 1941 г. не менее сложное положение было и в полосе соседних Северо-Западного и Юго-Западного фронтов.

Крушение прибалтийского форпоста

В Прибалтике наступала группа армий «Север», которой командовал генерал-фельдмаршала В. фон Лееб. В своем составе она имела 16-ю и 18-ю полевые армии, а также 4-ю танковую группу. Вместе с 3-й танковой группой из группы армий «Центр» ее силы вторжения насчитывали 655 тыс. человек, 7673 орудия и миномета, 1389 танков и 1070 самолетов.

Группе армий «Север» противостоял Северо-Западный фронт, возглавляемый генерал-полковником Ф. И. Кузнецовым. Он был преобразован из Прибалтийского Особого военного округа (ПрибОВО) и включал 8, 11 и 27-ю армии, а также 5-й воздушно-десантный корпус. Общая численность войск фронта составляла 379,5 тыс. человек, 4938 орудий и минометов, 1274 танка и 1078 самолетов[51]. К началу войны дивизии второго эшелона выдвинулись к госграницe с соблюдением строжайших мер маскировки. Штабы 8-й и 11-й армий и их корпусов находились на полевых командных пунктах.

Немецкие войска в одном из литовских городов

Колонна немецких войск в Литве. Июнь 1941 г.

Однако действия командования ПрибОВО, направленные на укрепление обороноспособности войск и упреждение первого удара противника, сильно запоздали. К началу войны командованию округа удалось привести в боевую готовность всего шесть стрелковых дивизий из 19 и два механизированных корпуса[52].

Боеготовность стрелковых, автобронетанковых и авиационных соединений была на крайне низком уровне. Военный совет округа, проверяя в конце мая 1941 г. боевую подготовку 48-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в Риге, выявил грубейшие нарушения и признал состояние дивизии «хуже, чем плохое». Находясь в полевом лагере, ни одна стрелковая рота не имела полного состава, в течение 20 дней никакой подготовки в полевом лагере не было, в нем присутствовали посторонние лица. Командир дивизии обстановкой во вверенном ему соединении не владел, военнослужащие соединения в Риге и в полевом лагере были предоставлены сами себе. За неудовлетворительное руководство дивизией командир 48-й стрелковой дивизии понес дисциплинарное взыскание и обязан был в шестидневный срок устранить все недостатки в боевой подготовке[53]. И это был далеко не единичный случай в армиях ПрибОВО.

Развитие событий первого дня войны на Северо-Западном фронте в целом было схожим с происходящим на Западном фронте. Противник массированно забрасывал в тыл советских войск диверсионные группы, бомбил аэродромы, внезапной атакой захватил целыми все мосты через Неман, за счет создания мощных группировок сумел добиться решительного превосходства сил и средств на главных направлениях. Потери советских войск были чрезвычайно высокими. Тяжелые утраты понесла авиация округа. Удары по советским аэродромам враг наносил группами до 30 самолетов, произведя 22 июня от двух до восьми и более налетов[54]. Так, за первые три дня войны ВВС Северо-Западного фронта лишились 921 самолета (76% всего состава)[55]. Противнику с ходу удалось завоевать господство в воздухе, что помогло быстрому успеху сухопутных частей.

Уже в первый день войны противнику удалось рассечь Северо-Западный фронт на две части. 4-я танковая группа Э. Гепнера прорвала оборону на стыке 8-й и 11-й армий, а 3-я танковая группа Г. Гота нанесла мощный удар в направлении Алитус — Вильнюс. К тому же во второй половине дня 22 июня прервалась связь штаба армии со штабом фронта[56].

2-й армейский корпус 16-й полевой армии наносил удар с юго-запада и выходил к Каунасу. Таким образом, уже в первый день войны 11-я армия генерала В. И. Морозова была с севера отсечена от частей 8-й армии, а с юга — от частей Западного фронта и рассечена надвое ударом противника на Каунас. В итоге между Северо-Западным и Западным фронтами начала образовываться брешь.

Разрозненные соединения и части 11-й армии с боями отходили на восток в общем направлении на Полоцк. Связь с ними отсутствовала. Установить местонахождение остатков армии удалось только к вечеру 30 июня 1941 г. К этому времени армия потеряла до 75% боевой техники и примерно 60% личного состава. Начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков телеграфировал командующему Северо-Западным фронтом: «В районе ст. Довгилишки, Колтыняны, леса западнее Свенцяны найдена 11-я армия Северо-Западного фронта, отходящая из района Каунас. Армия не имеет горючего, снарядов, продфуража. Армия не знает обстановки и что ей делать. Ставка Главного командования приказала под вашу личную ответственность немедленно организовать вывод этой армии из района Свенцяны в район севернее Дисны»[57].

Полностью развернутые соединения вермахта смогли без особого труда преодолеть разрозненное сопротивление советских частей, которые так и не успели создать прочную линию обороны. Командование некоторых соединений узнавало о начале войны и направлении движения противника с большим опозданием, что также вело к неоправданным потерям. Пытаясь остановить рвущегося к Вильнюсу врага, командующий 11-й армией генерал-лейтенант В. И. Морозов бросил в бой 3-й механизированный корпус, однако в ожесточенном сражении вечером 22 июня 5-я дивизия корпуса была разгромлена и отступила. Под натиском превосходящих сил противника соединения 8-й и 11-й армий не смогли удержать линию фронта.

Радист дивизии СС «Мертвая голова»

Немецкие войска в Таллине. Август 1941 г.

22 июня в 22 часа 7 минут нарком обороны своей директивой № 3 потребовал от командования Северо-Западного фронта перейти к активным наступательным действиям и, «прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировке противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки»[58]. Директива наркома обороны явно не отражала реального положения вещей на фронте. Начальник Генштаба генерал армии Г. К. Жуков, находившийся в это время в штабе Юго-Западного фронта, не принимал участия в ее подготовке. Оперативная обстановка, сложившаяся в полосе Северо-Западного фронта к исходу дня 22 июня, не оставляла никакой возможности командованию фронта выполнить приказ наркома обороны.

23 июня командующий фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов попытался организовать контрудар силами 3-го и 12-го механизированных корпусов против 4-й танковой группы. Хотя советские войска имели полуторное превосходство в танках, они вдвое уступали противнику в живой силе и артиллерии. К тому же танковые дивизии оказались растянутыми на широком фронте и фактически утратили свою ударную силу, вступая в бой разновременно. Контрудар был организован поспешно, несогласованные действия контратакующих частей и соединений не привели к желаемому результату. 12-й механизированный корпус потерял до 80% боевых машин[59]. Тем не менее с началом контрудара советским танкистам удалось потеснить 41-й моторизированный корпус противника и даже вынудить его перейти к обороне.

28-я танковая дивизия полковника И. Д. Черняховского уже к 10 часам утра 23 июня, совершив 50-километровый марш, заняла исходное положение для наступления. Однако танки БТ-7 к тому времени оказались без горючего, которое оставалось еще в месте постоянной дислокации, в Риге. Попытки подвезти его не увенчались успехом из-за постоянных атак немецкой авиации. Продолжить движение дивизия смогла лишь к вечеру 23 июня. С противником наши танкисты столкнулись лишь в 10 часов вечера. Итогом боя стало уничтожение артиллерийской батареи врага, собственные потери составили 13 танков. Немецкое командование оценивало руководство контрударом 12-го советского механизированного корпуса как «неорганизованное и вялое».

Тем не менее с утра 23 июня на фронте 48-й стрелковой дивизии началось сражение за г. Расейняй, которое продолжалось двое суток. Несмотря на то что этот населенный пункт был занят противником уже к 15 часам этого дня, а части 48-й дивизии в беспорядке отступили, советское сопротивление вскоре значительно усилилось. В донесениях командования немецких 6-й и 8-й танковых дивизий говорилось, что они подверглись сильному контрудару. Для командующего Северо-Западным фронтом генерал-полковника Ф. И. Кузнецова контрудары являлись средством прикрытия отхода на линию р. Западная Двина и далее до укрепрайонов на старой границе.

Немецким частям пришлось тогда впервые столкнуться с советскими тяжелыми танками КВ и средними танками Т-34. Их огонь и ударная сила поразили врага. Нередко советские танкисты шли на таран. В донесениях германского командования имелись данные о больших потерях в танках и артиллерии от «вражеских монстров»[60]. Против них немцами были задействованы даже 88-мм зенитные орудия, стрелявшие прямой наводкой. Однако к 25 июня контратаки Северо-Западного фронта пришлось прекратить из-за огромных потерь и нехватки боеприпасов. Так, например, в 12-м механизированном корпусе оставалось всего 35 танков[61].

Немецкие части, сталкиваясь с советскими танками, действовали тактически грамотно: вперед выдвигались противотанковые орудия, а собственные боевые машины отводились назад, и по радио вызывалась авиация. В результате значительное количество советских танков выводилось из строя еще до того, как они успевали открыть прицельный огонь по противнику. Немцам было весьма важно осуществлять непрерывное и быстрое продвижение своих моторизованных колонн на восток. Танковым дивизиям 57-го моторизованного корпуса, входившим в состав 3-й танковой группы Г. Гота, командование ставило задачи,

включавшие «быстрый переход через Неман, прорыв позиций противника и овладение путем неуклонного наступления на восток территорией». Давались четкие рекомендации по ведению боя. К ним, в частности, относились: «Уничтожение оставшихся частей противника, продолжающих борьбу, эвакуацию пленных и трофейного имущества, по возможности, предоставлять моторизованным и пехотным дивизиям. Для обеспечения флангов использовать разведку... Для успеха наступления решающее значение имеет выдвижение вперед саперов и своевременный подвоз имущества мостового парка. Безусловно, обязательно выдвигать далеко вперед артиллерию, по возможности и тяжелую». Командующий 3-й танковой группой требовал исключить скапливание собственных машин в местах переправ[62]. Неся большие потери, советские части с боями отступали. Спешно организованные контрудары механизированных корпусов переломить ситуацию не смогли.

3-я танковая группа Г. Гота, имевшая в своем составе два моторизованных и два армейских корпуса (четыре танковые, три моторизованные, четыре пехотные дивизии), вместе со 2-й танковой группой Г. Гудериана являлись основной ударной силой группы армий «Центр» и участвовали в претворении в жизнь плана «Барбаросса». В приграничных сражениях 3-я танковая группа должна была действовать в полосе группы армий «Север» против соединений Северо-Западного фронта с целью быстрого прорыва обороны и создания бреши на стыке двух советских фронтов. Согласно плану вторжения после захвата Вильнюса группе Г. Гота предстояло повернуть свои силы на юго-восток.

Темп наступления танковых соединений противника был стремительным. Уже 24 июня пал Вильнюс. Танки 3-й танковой группы устремились к Минску. Генерал-полковник Г. Гот вспоминал позже об одном из боев с советскими танками у Алитуса: «В «исключительно тяжелом танковом бою», как об этом доложил командир полка, дивизия противника, уступавшего в умении вести одиночный бой, потерпела поражение. Остатки этой дивизии ушли на северо-восток и через несколько дней потеряли свои последние танки»[63].

Советские войска постоянно контратаковали. В результате темпы продвижения 41-го моторизованного корпуса вермахта замедлились. В это время соединения 56-го немецкого моторизированного корпуса продолжали продвигаться на восток, почти не встречая сопротивления частей и соединений Красной армии. 26 июня они ворвались в Даугавпилс и захватили мосты через Западную Двину. Части 21-го механизированного и 5-го воздушно-десантного корпусов Северо-Западного фронта пытались отбить переправы. В течение двух дней шли ожесточенные бои, но выбить противника из Даугавпилса не удалось, хотя враг и понес серьезные потери. А в ночь на 29 июня Западную Двину у Екабпилса форсировали уже части 41-го корпуса противника. Поворот 3-й танковой группы на юго-восток, на Минск, помог 11-й армии избежать полного разгрома. Остатки войск армии и ее штаб смогли переправиться на восточный берег р. Вилии.

Пехотные соединения 18-й армии противника наступали на Ригу. На целых шесть дней задержал врага героический гарнизон советской военно-морской базы в Либаве (Лиепае). Вместе с защитниками Лиепайской ВМБ самоотверженно сражались бойцы и командиры 67-й стрелковой дивизии 8-й армии, курсанты военно-морского училища и пограничники[64]. Противник наносил по Лиепае непрекращающиеся бомбовые удары, обстреливал из орудий, но так и не смог ворваться в нее, как планировалось, на второй день войны. В боях за Лиепаю немцы потеряли до 2 тыс. солдат и офицеров, 15 самолетов, 10 танков и 20 бронетранспортеров.

29 июня немцы все же ворвались в Ригу, угрожая отрезать не успевшие отойти части 8-й армии генерал-майора П. П. Собенникова. Решительной контратакой противник был выбит из города, и 8-я армия отошла за Западную Двину. Вновь занять Ригу немцы смогли лишь 1 июля.

Советское командование срочно принимало меры по подготовке оборонительных позиций на старой советской границе. В своей директиве от 29 июня Ставка требовала «в случае отхода с рубежа р. Западная Двина принять все меры к сбережению войск фронта и организованному выходу их за УР»[65].

К сожалению, командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов неверно понял приказ, расценив его как распоряжение начать отход от Западной Двины. 30 июня советские войска стали отступать к Псковскому, Островскому и Себежскому укрепленным районам. Когда ошибка вскрылась, вернуть утраченные позиции было уже невозможно. И дело было не только в ошибке Ф. И. Кузнецова, но и общем подавляющем превосходстве сил противника. Советские войска, отступавшие от границы, были к тому времени обескровлены. Попытки восстановить фронт вводом второго эшелона и резервов объединения в основном оказались неудачными. Войска по большей части находились в это время на марше и не смогли остановить наступавшего противника.

Фронт обороны советских войск был прорван. Боевые действия по линии р. Великой не принесли желаемых результатов. Противник продолжал рваться вперед. Группировка Северо-Западного фронта была рассечена и частично окружена. В результате отступление в направлении Эстонии и Пскова стало единственно возможным средством спасти оставшиеся части. Ставка заменила командующего и начальника штаба фронта. Новым командующим фронтом 3 июля 1941 г. был назначен генерал-майор П. П. Собенников, а его начальником штаба — генерал Н. Ф. Ватутин[66].

Под непосредственным руководством генерал-майора П. П. Собенникова в условиях значительного превосходства немецких войск в личном составе и технике 14–18 июля 1941 г. войсками фронта был успешно осуществлен контрудар под Сольцами. В результате удалось отбросить противника на 40 км и разгромить тылы его 56-го моторизованного корпуса, ликвидировав тем самым на некоторое время угрозу прорыва к Новгороду[67].

Но это было несколько позже. А 6 июля устремившиеся в прорыв танки Э. Гепнера захватили г. Остров, 10 июля после ожесточенного боя — Псков. Реальная угроза нависла над Ленинградом. По замыслу германского командования группа армий «Север» должна была правым флангом 4-й танковой группы отрезать Ленинград от остального фронта с востока и юго-востока. Решению этой задачи должны были способствовать пехотные соединения 16-й армии. 18-й армии вермахта ставилась цель уничтожить советские войска в Эстонии, захватить Моонзундские острова и базу Балтийского флота — Таллин[68].

Однако в Эстонии 8-й советской армии удалось задержать врага на линии Пярну — Тарту, а на полуострове Ханко продолжал героически обороняться гарнизон советской военно-морской базы. Уже 29 июня финские войска подвергли базу Ханко сильному артиллерийскому обстрелу, а 1 июля предприняли попытку штурма. Однако пока все их попытки прорвать оборону на перешейке полуострова оказывались безрезультатными. Защитники советской базы своими активными действиями приковали к себе значительную группировку финской армии. Силы Балтийского флота вели успешную борьбу с немецкими надводными и подводными силами, пытавшимися перерезать линии советских морских коммуникаций и запереть флот в Финском заливе. По приказу командующего флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца продолжалась установка минных заграждений в устье Финского залива и в Ирбенском проливе. Однако с захватом противником баз в Лиепае и Риге положение Балтийского флота резко осложнилось. Корабли перешли в Таллин, где подвергались периодическим атакам германской авиации. На повестку дня стала эвакуация военно-морских сил в Ленинград для защиты города на Неве.

После занятия лужского оборонительного рубежа и подхода резервов советское командование получило возможность более упорной обороны. С 10 июля 1941 г. боевые действия на этом направлении переросли в Ленинградскую оборонительную операцию. Тем не менее за три недели боев советские войска оставили почти всю Прибалтику, отойдя в глубь страны на 450 км.

Отход на южном фланге

С началом боевых действий на советско-германском фронте группа армий «Юг» фельдмаршала Г. фон Рундштедта в составе 6-й и 17-й полевых армий и 1-й танковой группы действовала против войск Киевского Особого военного округа. 11-я немецкая армия, так-

В германской армии широко использовали трофейное оружие.
Танк производства чехословацкой фирмы «Шкода» в одном из советских населенных пунктов

Немецкое штурмовое орудие огневой поддержки пехоты

Бойцы воздушно-десантной бригады в бою

Погрузка артиллерии танковой дивизии для отправки на фронт

же входившая в группу армий «Юг», находилась в Румынии и участвовала в приграничных сражениях в Молдавии. Без учета 11-й армии силы группы армий «Юг», перешедшие в наступление 22 июня, насчитывали 730 тыс. человек, 9700 орудий и минометов, 799 танков и 772 самолета 4-го воздушного флота генерал-полковника А. Лера. Кроме того, на южном фланге группы армий «Юг» располагались венгерские войска, включавшие 44,5 тыс. человек, 200 орудий и минометов, 160 танков и 100 самолетов[69].

Юго-Западный фронт, которым командовал генерал-полковник М. П. Кирпонос, был образован на базе Киевского Особого военного округа на юго-западном направлении в составе 5, 6, 12 и 26-й армий. Общая численность войск фронта составляла 975 тыс. человек, 12 604 орудия и миномета, 4783 танка и 1759 самолетов[70]. В движении к госгранице находились значительные силы второго эшелона округа (31, 36, 37, 55-й стрелковые корпуса), в состав 12-й армии прибывали 49-й стрелковый корпус и некоторые другие части. Наиболее сильная группировка войск генерала М. П. Кирпоноса располагалась на львовском выступе. Ее силами с началом войны предполагалось нанести мощный удар и отрезать войска противника, находящиеся в Польше, от балканских государств. Однако оперативное развертывание войск фронта завершить не удалось, не были на должном уровне подготовлены и оборонительные рубежи.

Одесский военный округ (ОдВО) под командованием генерал-полковника Я. Т. Черевиченко дислоцировался на территориях Одесской, Днепропетровской, Николаевской, Запорожской, Кировоградской, Измаильской областей, Крымской АССР и Молдавской ССР. Войска округа прикрывали границу с Румынией протяженностью 480 км, а также Черноморское побережье, включая Крым. С началом Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. на базе управления и войск ОдВО была сформирована 9-я отдельная армия. Командующим армией был назначен генерал-полковник Я. Т. Черевиченко. Командование войсками округа принял генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов. Директивой Ставки Главного командования от 24 июня 1941 г. был образован Южный фронт под командованием генерала армии И. В. Тюленева. 25 июня 1941 г. Одесский военный округ был переподчинен Военному совету Южного фронта. Часть сил округа была направлена на создание Приморской группы войск Южного фронта (впоследствии — Приморской армии). Всего Одесский округ к началу войны имел в своем составе 22 дивизии. Управление округа находилось в Одессе.

Группа армий «Юг» главный удар наносила смежными флангами 6-й и 17-й полевых армий, а также 1-й танковой группой севернее львовского выступа. На направлении главного удара — в стык 5-й и 6-й советских армий — противник имел 3–4-кратное превосходство в силах над советскими войсками, выдвигавшимися на исходные рубежи согласно планам прикрытия. С целью ликвидации вклинения вражеских группировок в полосе 6-й армии командующий Юго-Западным фронтом генерал М. П. Кирпонос приказал командующему армией генералу И. Н. Музыченко «с утра 23.6.41 г. во взаимодействии с 4-м механизированным корпусом и 3-й кавалерийской дивизией 6-й армии нанести удар в направлении Радзехув, Сокаль и уничтожить танковую группу противника, действующую в направлении Сокаль, Радзехув»[71]. Однако наступление корпуса было организовано наспех и успеха не принесло.

В первый же день войны немецкие части прорвали фронт в полосе обороны 5-й армии и продвинулись в глубину до 30 км. 23 июня противник окружил две дивизии 5-й армии, к тому же между 5-й и 6-й армиями образовалась брешь шириной 70 км, через которую немецкие войска устремились на Луцк и Берестечко. Понеся большие потери, остатки окруженных советских 87-й и 124-й дивизий лишь к концу июня 1941 г. смогли прорваться из вражеского кольца, сохранив боевые знамена. Однако на всех остальных направлениях советские войска оказали врагу упорное сопротивление и смогли отразить атаки немецких войск и 3-й румынской армии. Активно действовала 99-я стрелковая дивизия 26-й армии генерала Ф. Я. Костенко, оборонявшая Перемышль. Вместе с воинами дивизии сражались пограничники 14-й заставы лейтенанта А. Н. Патарыкина и сводный батальон под командованием младшего помощника начальника 2-го отделения штаба 92-го Перемышльского пограничного отряда старшего лейтенанта Г. С. Поливоды, отдельные подразделения Красной армии и местные

Первый день войны в Перемышле

жители[72]. Перемышль трижды переходил из рук в руки и был оставлен советскими войсками лишь по приказу вышестоящего командования. На левом крыле Юго-Западного фронта стойко оборонялась вдоль границы 12-я армия генерала П. Г. Понеделина.

Положение Юго-Западного фронта с 22 июня 1941 г. было несколько лучшим, чем на других участках госграницы. Сказывалась большая укомплектованность объединения механизированными и стрелковыми частями. Поэтому на юго-западном направлении противнику не удалось быстро добиться решительных успехов. Вверенные генералу М. П. Кирпоносу войска уже в первых боях смогли остановить продвижение врага в глубь территории СССР и нанести ему значительный урон в живой силе и технике. Так, в разведсводке штаба Юго-Западного фронта № 1 от 22 июня 1941 г. отмечалось, что на венгерском направлении «противник мелкими частями пытался перейти границу в районе Керешмезе, Ворохта, попытки отбиты», на черновицком направлении «противник в результате контратак отброшен за р. Прут»[73].

Организованно вступили в бой в полосе фронта те соединения, где накануне были проведены мероприятия по повышению боевой готовности: 45, 62, 87 и 124-я стрелковые дивизии 5-й армии, 41, 96, 159-я стрелковые дивизии и 3-я кавалерийская дивизия 6-й армии, 72-я и 99-я стрелковые дивизии 26-й армии[74].

В полосе обороны Юго-Западного фронта героически сражались советские пограничники, первыми встретившие врага. Подлинным бесстрашием и героизмом отличались действия пограничников 90-го Владимир-Волынского, 91-го Рава-Русского, 92-го Перемышльского пограничных отрядов. Воины 13-й заставы Владимир-Волынского пограничного отряда под командованием начальника заставы лейтенанта А. В. Лопатина 11 суток сражались

Колонна советских бронемашин

против многократно превосходящих сил противника, даже будучи окружены, они продолжали сопротивление до 1 июля 1941 г. и погибли, выполнив до конца свой воинский долг. В дальнейшем многие пограничники мужественно сражались с врагом в составе войск Юго-Западного фронта.

Согласно директиве № 3, отданной вечером 22 июня, армиям Юго-Западного фронта было предписано: «...прочно удерживая госграницу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 24.6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечивать себя с краковского направления»[75].

Хотя в штабе Юго-Западного фронта считали директиву невыполнимой, решено было 23 июня нанести контрудар по прорвавшейся 1-й немецкой танковой группе генерал-полковника Э. фон Клейста силами шести механизированных корпусов, насчитывающих 3,7 тыс. танков[76]. Удар предполагалось наносить с двух сторон по сходящимся направлениям. Для координации действий советских войск и постановки конкретных задач соединениям на Юго-Западный фронт был послан начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков. Его приказания фронтовому и армейскому командованию относительно организации контрудара механизированных соединений были достаточно жесткими. Разговаривая по прямому проводу с командующим 5-й армией генералом М. И. Потаповым, Г. К. Жуков был весьма обеспокоен продвижением танков противника на Ковель с брестского направления. Основную вину за это он возлагал на командующего 4-й армией Западного фронта генерала А. А. Коробкова, видимо, не зная еще в деталях о том критическом положении,

которое сложилось на соседнем фронте. Проводная связь 5-й армии с соседними армиями, в том числе с 6-й армией, к тому времени была нарушена. В своем докладе генерал М. И. Потапов подчеркивал, что его основной задачей были разгром владимир-волынской группировки противника и выход к р. Западный Буг.

За подготовкой контрудара на Юго-Западном фронте внимательно следили Ставка и лично И. В. Сталин. Сил советских соединений, казалось, было вполне достаточно для того, чтобы нанести решительное поражение противнику. Но это представление было ошибочным. Основные силы фронта, в том числе наиболее укомплектованные и сильные 4-й и 8-й механизированные корпуса, дислоцировались на львовском выступе, а группа армий «Юг» главный удар наносила в обход его — с севера. Времени, отведенного на подготовку контрудара по врагу и овладение Люблином, до которого войскам предстояло пройти свыше 120 км, было явно недостаточно. И все же решение о контрударе было принято.

Для ликвидации угрозы, прежде всего со стороны 1-й танковой группы Э. фон Клейста, командованием Юго-Западного фронта было принято решение нанести два удара силами шести механизированных корпусов: 22, 9, 19-го — с севера и 8, 15, 4-го — с юга по флангам главной группировки противника, наступавшей на участке Владимир-Волынский, Крыстынополь. В соединениях, предназначенных для контрудара, насчитывалось 3702 танка. Г. К. Жуков, прибывший в штаб фронта вечером 22 июня, одобрил решение командующего фронтом генерала М. П. Кирпоноса.

Но советскому командованию не удалось ввести в сражение одновременно все выделенные для контрудара силы, поскольку ряд соединений уже участвовал в боях, а другие совершали 200–500-километровые марши. Механизированные соединения должны были сосредоточиться в исходных районах не ранее чем через двое суток, и вместо шести механизированных корпусов командование фронта вынуждено было вводить в сражение лишь четыре. Таким образом, вместо 3,7 тыс. танков на направлении контрудара сосредоточивалось не более 1,3 тыс., большинство из которых были устаревших конструкций, многие требовали ремонта.

Исходя из сложившейся обстановки, командование Юго-Западного фронта планировало первоначально ввести в бой те резервы, которые находились вблизи района сражения. Это был первый эшелон советской наступательной группировки. Своими действиями он должен был сковать силы противника. А далее по мере подхода в наступление должны были переходить соединения второго эшелона фронта.

В соответствии с принятым решением, были поставлены задачи 5-й и 6-й армиям, а также командованию 15-го и 8-го механизированных корпусов фронтового подчинения. Так, командующему 5-й армией генералу М. И. Потапову было приказано нанести удар по владимир-волынской группировке противника, уничтожить ее и в дальнейшем наступать в направлении села Красностав Владимир-Волынского района. Время контрудара первоначально планировалось на 22 часа 23 июня. Однако из-за активности немецкой авиации, которая не давала возможности 135-й стрелковой дивизии и танкам 22-го механизированного корпуса совершить марш в дневное время, контрудар был перенесен на утро 24 июня. Но противник упредил удар советских войск, и в 8 утра 24 июня первым атаковал 135-ю стрелковую дивизию из состава 27-го стрелкового корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта.

Наступательная инициатива была на стороне противника. В течение 24–25 июня он продолжал наращивать силы против центра и левого крыла 5-й армии. В бой были введены еще две немецкие танковые дивизии: 13-я — на луцком и 16-я — на радеховском направлении. Войска 5-й армии мужественно сдерживали наступление противника, подавляя его огнем артиллерии и нанося контрудары силами армейского резерва. Ввиду явного превосходства противника 19-я танковая дивизия, потеряв большую часть боевых машин, а также значительно поредевшие в боях 24 июня 135-я стрелковая дивизия и 1-я артиллерийская противотанковая бригада начали отходить на рубеж в 12–16 км западнее Луцка.

5-й армии не удалось разгромить владимир-волынскую группировку противника. Тем не менее в ходе ожесточенных боев до полутора суток было задержано наступление 3-го меха-

Советские минометчики

низированного и 29-го армейского корпусов противника на луцко-киевском направлении. Используя это время, в район Луцка была оперативно переброшена 131-я моторизованная дивизия 9-го механизированного корпуса, предотвратившая возможность прорыва войск противника на этом направлении, а также развернуты 31-й стрелковый корпус, занявший оборону по рекам Стоход и Стырь, 9-й механизированный корпус — в районе Ровно и 19-й механизированный корпус — западнее Ровно. Упорная оборона соединений 5-й армии и грамотный маневр силами дали возможность командующему армией генералу М. И. Потапову не только восстановить разорванный фронт армии, но и перейти вскоре к активным боевым действиям против ударной группировки противника, рвавшейся к Киеву.

В последних числах июня в районе Дубно, Луцка и Берестечко развернулось встречное танковое сражение. На участке шириной 70 км в сражении участвовало почти 2 тыс. танков[77]. С утра 25 июня 9-й механизированный корпус под командованием генерала К. К. Рокоссовского и 19-й механизированный корпус генерала Н. В. Фекленко, наступая со стороны Луцка и Дубно, нанесли удар по левому флангу 1-й танковой группы противника. Части 3-го моторизованного корпуса немцев были отброшены на юго-запад от Ровно. 86-й танковый полк 43-й танковой дивизии 19-го механизированного корпуса прорвал оборону немецкой 11-й танковой дивизии и ворвался на окраину Дубно, выйдя к р. Икве, однако развить успех ему не удалось. На левом фланге 43-й танковой дивизии под ударами противника начали отходить части 36-го стрелкового корпуса, а на правом фланге — части 40-й танковой дивизии. Над соединениями 43-й танковой дивизии нависла угроза флангового охвата войсками противника. Чтобы выйти из-под удара, дивизия по приказу командира корпуса начала отход в район западнее Ровно.

26 июня 8-й механизированный корпус под командованием генерала Д. И. Рябышева вошел в Броды с дальнейшей задачей наступать на Дубно. Корпус совершил почти 500-километровый марш и к моменту получения приказа о наступлении на Дубно потерял почти половину из своих 858 танков. Как следует из отчета о боевых действиях 8-го механизированного корпуса, начиная с 22 июня 1941 г. соединение «в течение 4 суток находилось в быстром, безостановочном движении, производя марши выше норм форсированных маршей»[78]. Несмотря на слабую подготовленность к наступательным действиям, к исходу дня 26 июня дивизии 8-го механизированного корпуса продвинулись в направлении Берестечко на 8—15 км. Однако противник уже совершил перегруппировку свои войск и перешел к контратакам частей корпуса. В ночь на 27 июня 8-й механизированный корпус получил приказ выйти из боя.

В ночь на 27 июня 9-й механизированный корпус 5-й армии занял исходные позиции по р. Путиловке для атаки на Дубно. Части 19-го механизированного корпуса 27 июня получили приказ командования фронта возобновить контрудар из района Ровно на Млынов и Дубно. Противник сосредоточил против 9-го и 19-го механизированных корпусов 13-ю танковую, 299-ю и 111-ю пехотные дивизии из состава 1-й танковой группы Э. фон Клейста, и все попытки корпусов перейти в наступление успехом не увенчались.

С южного направления на Дубно наступали части 8-го и 15-го механизированных корпусов. 28 июня 1941 г. командующий войсками Юго-Западного фронта поставил задачу 15-му механизированному корпусу разгромить мотомеханизированную группу противника, действующую на дубенском и кременецком направлениях: «К исходу дня выйти в район Берестечко. Быть в готовности отразить возможные атаки механизированных соединений противника с запада и северо-запада и оказать содействие 8-му механизированному корпусу в разгроме прорвавшихся за р. Иква групп противника»[79]. Однако наступление 15-го механизированного корпуса оказалось неудачным. Понеся большие потери, части корпуса были отброшены на исходные позиции по р. Радоставке. Попав в окружение, 8-й механизированный корпус сумел прорвать немецкие заслоны, вырваться из вражеского кольца и отойти на рубеж Золочевских высот.

Таким образом, механизированные соединения Юго-Западного фронта не смогли провести единое организованное наступление и разгромить 1-ю немецкую танковую группу.

Действия ударной группировки фронта свелись к отдельным контратакам с разной степенью их успешности и на разных направлениях. Наиболее значимым результатом контрударов механизированных корпусов Юго-Западного фронта стали задержка на неделю наступления 1-й танковой группы противника и срыв его планов прорваться к Киеву, а также окружить 6, 12 и 26-ю армии Юго-Западного фронта во львовском выступе. Немецкое командование сумело отразить контрудар советских войск и нанести поражение армиям Юго-Западного фронта. «Все складывалось не в нашу пользу, — констатировал в своих мемуарах И. Х. Баграмян. — Увлекшись организацией контрудара, мы втянули в него все наши силы, а линия старых укрепленных районов по-прежнему оставалась без войск»[80].

В результате поражения советских войск под Дубно и Ровно под угрозой окружения оказались 26-я и 12-я советские армии, войска которых находились в районе южнее Львова. Командующий Юго-Западным фронтом, опасаясь окружения, уже 27 июня начал отвод войск со львовского выступа. 30 июня части Красной армии оставили Львов. В тот же день в наступление перешли венгерские войска (27 июня Венгрия объявила войну СССР).

Учитывая складывающуюся крайне тяжелую оперативную обстановку, Ставка Верховного главнокомандования 30 июня приказала командующему Юго-Западным фронтом генералу М. П. Кирпоносу к 9 июля отвести войска на рубеж укрепленных районов по государственной границе 1939 г. и организовать там прочную оборону[81]. Выполняя приказ Ставки, 5-я армия отходила к Коростенскому укрепленному району, а 6-я армия занимала оборону в Новоград-Волынском укрепленном районе.

В это время девять немецких дивизий, в том числе шесть танковых и моторизованных 3-го моторизованного корпуса из состава 1-й танковой группы Э. фон Клейста прорвались в образовавшийся разрыв между 5-й и 6-й советскими армиями Юго-Западного фронта. После упорных двухдневных боев с частями 5-й армии и оперативной группой полковника М. И. Бланка, состоявшей из остатков 206-й, 228-й стрелковых дивизий и 109-й моторизованной дивизии общей численностью около 2500 человек, 1-я немецкая танковая группа прорвала 7 июля Новоград-Волынский укрепрайон.

9 июля немецкие войска заняли Житомир, продолжая развивать наступление на Киев. Уже 11 июля передовые части 13-й танковой дивизии вермахта вышли на внешний обвод Киевского укрепрайона по р. Ирпень и оказались в 20 км от столицы Украинской ССР. Лишь здесь удалось остановить наступление вражеских войск. Части 16-го и 15-го механизированных корпусов сдерживали противника в районе Бердичева.

24 июня директивой Ставки Главного командования был создан Южный фронт. В него вошли формируемые 18-я и 9-я армии, 9-й особый и 55 стрелковые корпуса, а также ряд авиационных соединений[82]. При осуществлении стратегического развертывания в условиях приграничных сражений с противником у командующего фронтом генерала армии И. В. Тюленева возникли большие трудности. Даже на третий день войны ему не удалось организовать связь штаба с армиями, укрепленными районами и другими соединениями. К тому же согласованной работы штаба с командующим фронтом не получалось. Об этом красноречиво свидетельствовали доклады в Москву командующего войсками фронта генерала армии И. В. Тюленева и члена Военного совета армейского комиссара 1 ранга А. И. Запорожца о том, что штаб фронта во главе с генералом Г. Д. Шишениным «абсолютно беспомощен как в организационной, так и в оперативной работе»[83].

2 июля в полосе обороны 9-й армии Южного фронта в наступление перешли 11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские армии. Их целью было сковать силы 9-й армии и развивать наступление в Молдавии. Отсутствие танковых соединений на южном направлении не позволило противнику добиться значительных успехов. К тому же успешные действия Дунайской военной флотилии и оперативных соединений Черноморского флота в прибрежной полосе фронта ломали планы врага. В срыве попыток противника форсировать р. Прут и закрепиться на левом берегу большую помощь наземным войскам оказывали военно-воздушные силы армии. Они наносили бомбовые удары по скоплениям вражеских войск и переправам немецких и румынских войск.

Однако 5 июля 1941 г. командующий Южным фронтом принял решение отвести свои войска за р. Днестр и, опираясь на укрепленные районы, занять там оборону. Отвод войск не был санкционирован Ставкой, которая потребовала от командования Южного фронта восстановить линию обороны на р. Прут. Однако сил для контрнаступления у фронта уже не было, поскольку командующий фронтом передал своему соседу — Юго-Западному фронту несколько стрелковых и механизированных соединений. Лишь в результате контрудара трех корпусов 9-й армии Южного фронта 8–10 июля противник был остановлен и перешел к обороне. К концу июля приграничные сражения в Молдавии завершились. Противнику удалось продвинуться в глубь советской территории на 60–80 км, но Южный фронт сохранил свою боеспособность.

В ходе приграничного сражения Юго-Западный фронт и 18-я армия Южного фронта потеряли 241 594 человека, в том числе 172 323 безвозвратно, 4381 танк, 5806 орудий и минометов, 1218 боевых самолетов[84].

На Крайнем Севере и в Карелии

В конце июня на крайнем северном фланге советско-германского фронта перешла в наступление немецкая армия «Норвегия» в составе трех корпусов, а также часть сил 5-го воздушного флота (на мурманском направлении — свыше 160 самолетов) и военно-морских сил. Армия имела задачу атаковать СССР с севера, захватить незамерзающий порт Мурманск и Мурманскую железную дорогу. Намереваясь с ходу прорвать оборону советских войск, противник ввел в бой значительные силы: 36-й горный корпус, горнострелковый корпус «Норвегия» и 3-й финский корпус. Они должны были наступать отдельными группировками в трех направлениях: по побережью Баренцева моря из района Петсамо на Мурманск и Полярный, от Кемиярви на Кандалакшу и из района Суомуссалми, Куусамо через Ухту и Кестеньгу на Лоухи[85].

Немецкое командование планировало в случае развития успеха вторжения силами горнострелкового корпуса «Норвегия» захватить полуостров Рыбачий, а затем в течение трех-четырех суток дойти до Кольского залива и незамерзающего порта на Баренцевом море — Мурманска. Главные силы немецкой армии «Норвегия» должны были наступать на Кандалакшу и Лоухи к Белому морю, отрезать Кольский полуостров от остальной советской территории и, выйдя на побережье Кандалакшской губы, создать дополнительную угрозу городу-порту Архангельску. Вместе с Мурманском должен был быть захвачен и г. Полярный — база Северного флота.

Однако этим планам не суждено было сбыться. С началом войны велись изолированные друг от друга сражения на мурманском, кандалакшском и кестеньгском направлениях. Все попытки противника прорвать оборону защитников Советского Заполярья не увенчались успехом. К тому же до 29 июня 1941 г. активность противника в Заполярье ограничивалась только авианалетами и локальными боестолкновениями. Командующий советской 14-й армией генерал В. А. Фролов и командование Северного флота во главе с контр-адмиралом А. Г. Головко имели больше времени на организацию обороны и не были застигнуты врасплох. Кроме того, данный фронт немецкое командование не считало приоритетным и выделяло ему меньше сил. В то же время превосходство немецкой армии «Норвегия» над советскими сухопутными силами в Заполярье позволило противнику начиная с 29 июня вести активные боевые действия на участке от Печенгской бухты до Луостари, к 30 июня взять Титовку, а в начале июля выйти к губе Западная Лица и одноименной реке.

Однако частям горнострелкового корпуса «Норвегия» так и не удалось оттеснить подразделения 14-й армии с рубежа на р. Титовке и преодолеть организованный сразу за ним рубеж на р. Большая Западная Лица. Не увенчалась успехом и попытка врага занять полуострова Средний и Рыбачий, прикрывающие вход в Кольский залив. Подразделения 23-го укрепрайона под командованием полковника М. К. Пашковского, используя сложный северный рельеф, сумели организовать успешную оборону и не пропустить немцев дальше горного хребта Муста-Тунтури на подступах к Рыбачьему и Среднему.

Северный флот обеспечивал снабжение укрепрайона по морю, а также поддерживал артиллерийским огнем и высадкой десантов советские позиции на рубеже Западной Лицы. В условиях нехватки у 14-й армии боеприпасов артиллерийское прикрытие Северного флота было особенно важно.

Особо следует отметить, что Северный флот — на тот период самое молодое оперативно-стратегическое объединение Военно-морского флота СССР — выполнял и другие важнейшие задачи на Северном морском театре военных действий. Его корабли и авиация нарушали перевозки стратегического сырья для германской промышленности, обеспечивали советские воинские и народно-хозяйственные морские перевозки. Вскоре после начала войны соединения кораблей Северного флота, усиленные за счет других флотов, участвовали вместе с союзниками в организации северных конвоев по доставке грузов из Англии и США в СССР.

Вскоре после начала войны активные боевые действия развернулись в Советской Карелии. К началу Великой Отечественной войны Финляндия полностью отмобилизовала свои войска и развернула их на границе с СССР. Наиболее мощные группировки финских войск готовились наступать на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии. В общей сложности для предстоящих боевых действий Финляндия выделила 340 600 человек, 2047 орудий и минометов, 86 танков и 307 самолетов. Наступать на Ленинград и Петрозаводск предстояло 15 дивизиям и трем бригадам Юго-Восточной и Карельской армий финнов. Им противостояли семь дивизий 7-й и 23-й советских армий Северного фронта. Полуостров Ханко удерживала 8-я стрелковая бригада под командованием полковника Н. П. Симоняка, против которой действовала 17-я финская пехотная дивизия с частями усиления и сильной артиллерийской группировкой[86].

В общей сложности в северной Финляндии была сосредоточена вражеская группировка, состоявшая из 21,5 дивизии (из них 17,5 финской). Она насчитывала 407 тыс. человек, 3084 орудия, 192 танка и 424 самолета. В Мурманской области и Карелии были развернуты советские 14, 7 и 23-я армии Ленинградского военного округа, которым командовал генерал-лейтенант М. М. Попов. Все войска прикрытия округа находились в пунктах постоянной дислокации и лагерях. Ленинградский военный округ имел в своем составе 426 тыс. человек, 9589 орудий и минометов, 1857 танков и 2104 самолета, но часть этих сил находилась в Эстонии и южнее Ленинграда, в том числе больше половины танков и большая часть авиации[87].

22 июня 1941 г. немецкие воздушные силы, базирующиеся в Финляндии, начали постановку мин вблизи советских военно-морских баз. Уже в первые дни войны противник провел ряд операций, пытаясь запереть советский Северный флот в Белом и Баренцевом морях. Однако эти операции имели незначительный успех, поскольку северная акватория отличается малым количеством узкостей.

Утром 25 июня советская авиация нанесла превентивный удар по финским аэродромам, где находились германские самолеты. Используя этот предлог, Финляндия объявила СССР войну. Накануне Ленинградский военный округ был переименован в Северный фронт. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант М. М. Попов.

Трехдневная пауза между объявлением Финляндией войны СССР и началом активных боевых действий была использована советским командованием для развертывания войск в соответствии с планом прикрытия. Однако просчеты предвоенного планирования сказались и здесь. Соединения 23-й армии на Карельском перешейке находились в непосредственной близости от государственной границы, занимая крайне невыгодное для обороны положение. Это позволило финнам отрезать часть советских войск уже в первые недели боев в районе Ладожского озера. Как показали последующие события, рубежи обороны необходимо было отнести как минимум на 15–30 км в глубину. Кроме того, развертывание войск по плану прикрытия шло с некоторым запозданием, поскольку имелось распоряжение Главного командования «не давать финнам повода для провокации».

В Северной Карелии противник 30 июня — 1 июля 1941 г. перешел в наступление, которое велось на кандалакшском, ухтинском и ребольском направлениях. Целью финско-немецких частей было перерезать Кировскую железную дорогу, соединяющую Мурманск

с Петрозаводском. Здесь развернулись ожесточенные бои. Противник планировал также захватить Лахденполье, выйти к Ладожскому озеру, расчленить сортавальскую и кексгольмскую группировки войск Северного фронта. Но этой цели ему с ходу достигнуть не удалось. Вклинившись в оборону советских войск на глубину 14–17 км, финны вынуждены были уже с 9 июля перейти к обороне, хотя и создали реальную угрозу выхода к Ладожскому озеру[88].

* * *

В ходе начального периода войны, продолжавшегося с 22 июня до середины июля, из 170 советских дивизий, 28 из которых были полностью уничтожены, 70 лишились более половины личного состава и военной техники. Потери Западного, Северо-Западного, и Юго-Западного фронтов составили около 600 тыс. человек, свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов и 18,8 тыс. орудий и минометов. Потери противника к 10 июля 1941 г. составили 79 058 человек, 1061 орудие и миномет, 826 самолетов и 350 танков. К середине июля противник располагал 183 дивизиями и 21 бригадой[89].

Количественное превосходство в танках и самолетах, которое имела Красная армия в начале боевых действий, было утрачено уже в первые дни войны. Попали в окружение, погибли или были пленены сотни тысяч советских бойцов и командиров. На передовую прибывало мобилизованное пополнение, подготовленность которого к ведению боевых действий была недостаточно высокой. Это влияло на качественные характеристики советских войск, вело к новым поражениям на оперативно-тактическом уровне и оказывало непосредственное воздействие на стратегическую ситуацию на советско-германском фронте. В то же время благодаря энергичным мерам Ставки Главного командования первые значительные потери фронтов были существенно восполнены за счет срочной переброски новых соединений из тыловых районов страны. Всего в составе действующей армии находились 134 стрелковые, 39 танковых, 21 моторизованная, шесть кавалерийских дивизий и четыре бригады. Более 90 дивизий из них были укомплектованы личным составом полностью, около 40 — до 50%, остальные понесли потери свыше 50%. В резерве Ставки находились 32 дивизии в составе 16, 24, 28 и 29-й армий[90].

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. с 23 июня была объявлена мобилизация военнообязанных 14 возрастов (1905–1918 гг. рождения) в 14 военных округах из 17. В Забайкальском, Среднеазиатском и Дальневосточном военных округах мобилизация была объявлена через месяц особым решением и проводилась скрытым порядком под видом «учебных сборов». Нападение врага существенно осложнило призыв в западных районах СССР. Здесь призывники порой не успевали получить повестки, как оказывались уже на оккупированной врагом территории. В центральных районах Белоруссии и Украины призывники часто попадали под бомбежку вражеской авиации, оказывались в котлах противника. Однако в восточных областях этих республик и на территории РСФСР в целом, в центральных и восточных регионах страны мобилизация проходила организованно.

Хотя советские войска под ударами превосходящих сил противника отходили в глубь страны, уже первый месяц войны дал немало примеров подлинного героизма и мужества советских воинов. Подвиги гарнизонов Брестской крепости, Минска, Лиепаи навсегда останутся яркими страницами борьбы советского народа с фашистской агрессией. Войска приграничных округов, оказывая упорное сопротивление врагу, позволили советскому Верховному командованию выиграть драгоценное время для подтягивания к фронту дополнительных сил из внутренних районов СССР. Свежие армии и дивизии, с ходу вступая в бой, продолжали замедлять темпы продвижения противника вперед.

Итоги приграничных сражений побудили советское государственно-политическое и военное руководство к пересмотру многих устоявшихся стереотипов, переоценке собственных сил, осмыслению характера начавшейся войны и тех усилий, которые потребуются для успешного сопротивления врагу. Вооруженные силы СССР и вся страна оправлялись от

Последний предвоенный парад. Москва, Красная площадь. 1 мая 1941 г.

Командиры и солдаты 29-го литовского территориального корпуса на выборах в советы.
Начало 1941 г.

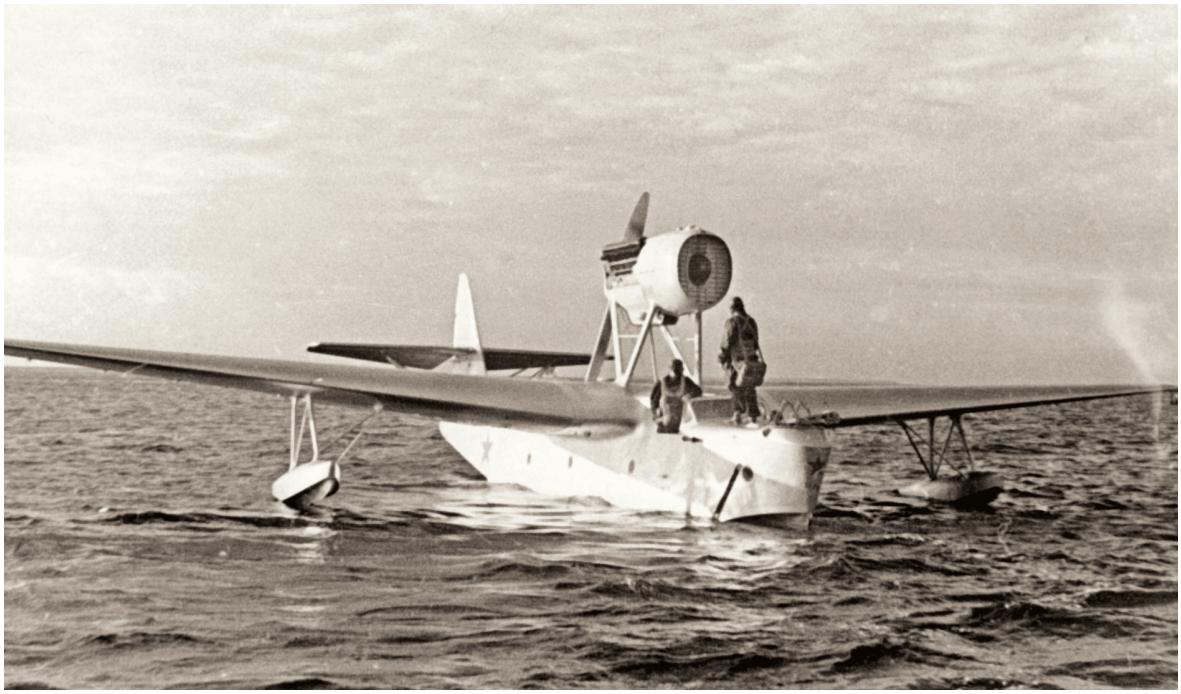
Несмотря на то что перед войной Красная армия интенсивно оснащалась новой техникой,
не забывались и традиционные способы войскового управления.
На фото — мобильная станция голубиной почты. Фургон установлен на базе грузовика ГАЗ-АА. Начало 1941 г.

Германские войска переправляются через Буг. Группа армий «Центр».
22 июня 1941 г.

Немецкие танкисты на оккупированной территории Западной Белоруссии.
Июнь 1941 г.

Германские специалисты изучают оборудование нашего бомбардировщика ДБ-3Ф,
совершившего вынужденную посадку.
Июль 1941 г.

Бомбардировщики ДБ-3 из состава авиации флота готовятся к нанесению стратегических ударов
по территории Германии.
Август 1941 г.



Многоцелевая летающая лодка МБР-2 после выполнения боевого задания.
Краснознаменный Балтийский флот, 1941 г.

Советские летчики обсуждают результаты выполнения боевого задания.
Действующая армия, лето 1941 г.

Командир 5-го танкового полка майор М. П. Баранов ставит боевую задачу командирам танковых рот. 1941 г.

Отличившийся в боях с противником экипаж легкого танка Т-26. Лето 1941 г.

Отличившийся в боях артиллерист А. И. Шпирка пишет заявление о приеме в ВКП(б).
Западный фронт, август 1941 г.

Немецкий бронеавтомобиль, подбитый бойцами Юго-Западного фронта.
Украина, август 1941 г.

Советские командиры и военинженеры осматривают разбитый немецкий грузовик.
Район н/п Сольцы, лето 1941 г.

шока, вызванного вероломной агрессией нацистской Германии и ее сателлитов, адаптировались к новым условиям военного времени. Становилось очевидным, что от лозунга бить противника «малой кровью и на чужой территории» приходится отказаться в пользу более насущной задачи: остановить врага любой ценой.

В результате неблагоприятного для Советского Союза исхода приграничных сражений войска противника в короткие сроки продвинулись в северо-западном направлении на 400–450 км, в западном — на 450–600 км, в юго-западном — на 300–350 км. Враг захватил Литву, Латвию, значительную часть Эстонии, почти всю Белоруссию и Молдавию, вторгся на территорию РСФСР, вышел на дальние подступы к Ленинграду, угрожал Смоленску и Киеву. Около 23 млн советских граждан остались на оккупированной территории[91]. Над страной нависла смертельная опасность.

Советское руководство прилагало максимум усилий для организации отпора захватчикам. Программу чрезвычайных мер содержала директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Все для фронта, все для победы!» — такова была ее главная идея, изложенная затем в выступлении И. В. Сталина по радио 3 июля. Он говорил: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»[92].

10 июля Ставка Главного командования, созданная 23 июня, была преобразована в Ставку Верховного командования (с 8 августа — Ставка Верховного главнокомандования) — высший орган стратегического руководства вооруженными силами. Вся полнота власти в стране сосредоточивалась в руках образованного 30 июня Государственного Комитета Обороны (ГКО). Председателем ГКО, а затем и Верховным главнокомандующим Вооруженными силами СССР (с 8 августа) был назначен И. В. Сталин.

На восток из угрожаемых районов в срочном порядке производилась переброска промышленных предприятий и рабочего персонала с семьями. Руководил этой крайне важной и чрезвычайно сложной работой созданный 24 июня Совет по эвакуации.

25 июня 1941 г. Ставка Главного командования по предложению маршала Б. М. Шапошникова приказала отвести советские войска на линию старых укрепрайонов. Однако к 1941 г. эта линия (так называемая «линия Сталина») не представляла собой полностью подготовленного оборонительного рубежа, что не могло не сказаться на трагизме последующих событий в ходе оборонительных сражений Красной армии.

Был также отдан приказ о формировании группы армий резерва Главного командования (командующий — маршал С. М. Буденный), в который включены 22, 20, 21 и 19-я армии. Ей предписывалось приступить к обустройству оборонительного рубежа по линии Сущево, Невель, Витебск, Могилев, Жлобин, Гомель, Чернигов, р. Десна, р. Днепр до Кременчуга[93]. Однако эта задача оказалась во многом неразрешимой из-за быстрого выхода немцев к указанной линии, запоздалого и разновременного подхода советских соединений к фронту.

У советских командиров и военачальников присутствовало понимание всей тяжести предстоящей борьбы с опытным и сильным врагом, необходимости экстренных мер по подготовке и обучению новых частей взамен уничтоженных в приграничных боях. Беда заключалась в том, что времени для мероприятий, связанных с повышением боеспособности свежих или выведенных в тыл для переформирования и отдыха соединений и частей, не было. Их бросали в бреши, создаваемые наступавшим противником.

Опыт первых боев побуждал командующих издавать распоряжения по боевой подготовке войск, обеспечению их живучести и боеспособности, адаптированные к фронтовым условиям. Так, 8 июля 1941 г. командующий 4-й армией генерал-майор А. А. Коробков, выполняя боевое распоряжение штаба Западного фронта, в директиве, направленной командирам 28-го и 47-го стрелковых, 20-го механизированного корпусов, 120-го гаубичного артиллерийского полка и начальнику отдела боевой подготовки армии подполковнику А. В. Маневичу, указывал: «В районах формирования немедленно приступить к организации обороны... Создать в каждом полку и батальоне отряды и группы истребителей танков, которые вооружить связками гранат, бутылками с горючей жидкостью, минами и усиливать их противотанковыми пушками. Действия истребительных отрядов должны быть смелыми и решительными, нападая на танки главным образом из засад... Научить бойца, отделение и подразделение окапываться, маскироваться под огнем и вести упорный бой в обороне с мотопехотой противника, наступающей с ВВС и танками... Пехоту отделять от танков и уничтожать». Эти установки, безусловно, были правильными, но не своевременными. Учить войска обороняться нужно было задолго до войны. Командарм требовал «резко поднять дисциплину во всех подразделениях и частях... Поднять боевой дух и укрепить упорство и стойкость в бою среди всех звеньев личного состава. Еще больше разжечь ненависть против фашизма, провокационно напавшего на Советский Союз. Уяснить всем составом, что боец и командир, покинувший свои позиции самовольно, и лица, сеющие панику на фронте и в тылу, есть изменники Родины и подлежат судебной ответственности вплоть до расстрела»[94].

Ставка Верховного Главного командования принимала самые жесткие меры в борьбе с паникерами и трусами, оставляющими свои позиции, бегущими в тыл или сдающимися в плен. 16 августа вышел приказ Ставки № 270, в котором, в частности, говорилось: «1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава; 2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам»[95].

На Западном фронте, еще до отстранения от должности и ареста его командующего генерала армии Д. Г. Павлова, создавались заградительные отряды численностью до батальона на расстоянии нескольких километров от фронта. В их задачу входили сбор и организация в боевые подразделения беспорядочно отходивших или бегущих с позиций солдат, отправка их обратно на передовую, пресечение паники, передача под следствие подозрительных лиц, борьба с возможными десантами противника, создание укрепленных рубежей и прочее. В своем приказе (не позднее 25 июня 1941 г.) командующий фронтом генерал армии Д. Г. Павлов требовал: «1. На всех путях войсковых, артиллерийских и фронтовых тылов выставить заградительные отряды; 2. В войсковых и армейских тылах заград. отряды выставить распоряжением командующих армий. Состав отрядов определить командующим армий с обязательным включением в них представителей третьих отделов и отделений армии, корпусов, дивизий и местных органов НКВД... Минскому ОВК сформировать из добровольцев не поднимаемых возрастов, преимущественно членов ВКП(б) и комсомольцев, 20 отрядов численностью 50 человек... Формирование отрядов начать немедленно и закончить к утру 26.6.41 г.»[96].

Чрезвычайно жесткие, а порой и жестокие меры по укреплению стойкости войск принимали по собственной инициативе и сами военачальники на фронте. Генерал-лейтенант А. И. Еременко, будучи заместителем командующего Западным фронтом и находясь в расположении 22-й армии, отражавшей удар германских танковых и армейских корпусов в направлении Полоцк, Невель, Великие Луки, доносил 6 июля 1941 г. командующему Западным фронтом маршалу С. К. Тимошенко и в Генштаб РККА о критическом положении в 51-м стрелковом корпусе и преступном поведении командира 166-го стрелкового полка. Он, в частности, писал, что лично остановил бегство полка, «руководил боем и воспитывал

генералов, чтобы они не боялись огня». «Я приказал им и сам лично участвовал в контратаке (51-го стрелкового корпуса. — *Прим. ред.*), и все обошлось благополучно, а генералов обстрелял»[97].

Несмотря на принимаемые меры с целью остановить и отбросить врага, Красная армия продолжала отступать. 10 июля началась битва за Ленинград, которая сковала крупные силы немецких войск и финскую армию. В Смоленском сражении (10 июля — 10 сентября 1941 г.), развернувшемся на фронте до 650 км и в глубину до 250 км, наступление противника на Москву было приостановлено, но лишь временно. Войска Юго-Западного и Южного фронтов под ударами превосходящих сил противника с боями оставили Киев, Одессу, затем западные районы Донбасса. Соединения немцев ворвались в Крым, подошли вплотную к Севастополю, в ноябре достигли Ростова-на-Дону.

Отступая, часто с большими потерями, Красная армия тем не менее срывала общий замысел плана «Барбаросса», состоявший, в частности, в том, что «находящиеся в западной части России войсковые массы русской армии должны быть уничтожены в смелых операциях с глубоким продвижением танковых частей. Следует воспрепятствовать отступлению боеспособных частей в просторы русской территории»[98].

Ставка ВГК, командование фронтов, военачальники и командиры разных степеней учились искусству ведения войны в крайне сложной обстановке, допуская порой просчеты, почти неизбежные ошибки. Постепенно в развернувшейся до крайнего напряжения духовных и физических сил борьбе с врагом все большее значение приобретали стойкость и мужество советского народа, его самоотверженность на фронте и в тылу, превосходящие материальные возможности страны. Сотни тысяч людей участвовали в развернувшейся партизанской и подпольной борьбе, организованной в оккупированных врагом районах.

С каждым месяцем сопротивление советских войск усиливалось, совершенствовалось искусство организации и ведения боевых действий. Противником был потерян запланированный темп наступления, и это уже трудно было поправить. Если первые три недели войны фашистские войска продвигались в среднем по 20–30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа темпы наступления снизились до 3,5–8,5 км. В сентябре враг был остановлен у стен Ленинграда, в ноябре — у Ростова-на-Дону, а в начале декабря — под Москвой. Все чаще «победители Европы» вынуждены были переходить к обороне на просторах непокоренной ими России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 104; *Мюллер-Гиллебрант Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 3. М., 1976. С. 269–270.

[2] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1995. С. 104.

[3] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. Т. 2. М., 1963. С. 16–20.

[4] ЦАМО. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 16. Л. 307–314.

[5] 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 84–85.

[6] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 294–302.

[7] Там же. Л. 343–346.

[8] 1941 год — уроки и выводы. С. 93.

[9] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 91. Л. 11–15.

[10] 1941 год — уроки и выводы. С. 87.

[11] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 91. Л. 2–7.

[12] Там же. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 364. Л. 1–70, 72–77, 78.

[13] Там же. Л. 134.

[14] И. В. Копец — генерал-майор авиации, за боевые подвиги в период гражданской войны в Испании удостоен звания Героя Советского Союза. К началу войны — командующий ВВС Западного Особого военного округа. Узнав о потерях авиации округа в первые часы войны, застрелился.

[15] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 91. Л. 9–10.

[16] Там же. Л. 11–15.

[17] Там же. Л. 15–16.

[18] Там же. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 899. Л. 1–6, 29.

[19] Там же. Л. 100, 123–124, 142.

[20] Там же. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 134. Л. 143–144.

[21] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 1.

[22] 1941 год — уроки и выводы. С. 100–102.

[23] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 83. Л. 52–54.

[24] Там же. Оп. 2454. Д. 26. Л. 188–189.

[25] Там же. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260–262.

[26] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 19.

[27] Автор рапорта смешивает требования сразу двух директив № 1 и 2. В первой директиве говорилось о приведении войск в боевую готовность и недопущении провокаций, а во второй, отправленной из Москвы в 7 часов 15 минут 22 июня, — присутствовало требование «впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить».

[28] РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 329–339.

[29] Там же.

[30] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 52.

[31] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. С. 441.

[32] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 147–148.

[33] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 2010.

[34] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 9.

[35] Там же. Л. 13.

[36] 1941. Документы и материалы. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Вып. 1: в 2 т. Т. 2. СПб., 2011. С. 28.

[37] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 18–19, 104–105; Оп. 3038сс. Д. 46. Л. 101–102.

[38] Там же. Ф. 226. Оп. 2133сс. Д. 1. Л. 24.

[39] 1941 год: Страна в огне. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2011. С. 341.

[40] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 17. Л. 59.

[41] 1941 год: Страна в огне. Кн. 1. С. 355–359.

[42] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 21, 25.

[43] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 43–44.

[44] РГВА Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 329–339.

[45] 1941 год — уроки и выводы. С. 105.

[46] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009. С. 78; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 147.

[47] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 65. Л. 44–331; Д. 133а. Л. 1, 332.

[48] Там же. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 294–302.

[49] Там же. Л. 294–302, 343–346.

[50] 1941 год — уроки и выводы. С. 66.

[51] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 75–76.

[52] 1941 год — уроки и выводы. С. 90.

[53] ЦАМО. Ф. 325. Оп. 4579. Д. 3. Л. 3–4.

[54] Там же. Ф. 290. Оп. 3284. Д. 5. Л. 93–94.

[55] Там же. Ф. 35. Оп. 107559. Д. 6. Л. 8.

[56] Там же. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 478.

[57] Там же. Ф. 8. Оп. 930688. Д. 41. Л. 152–153.

[58] Там же. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 3. Л. 260–262.

[59] Там же. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 71. Л. 113.

[60] *Исаев А. В.* Приграничное сражение 1941. М., 2011. С. 148.

[61] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. С. 442–443.

[62] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 31–39.

[63] *Гот Г.* Танковые операции. М., 1961. С. 62.

[64] История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 4. М., 1975. С. 36.

[65] ЦАМО. Ф. 143а. Оп. 3268. Д. 111. Л. 4–5.

[66] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 154.

[67] *Потехина А., Цырендоржиев И.* Не виновен! // Красная звезда. 2011. 26 января.

[68] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 65.

[69] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 155.

[70] Там же.

[71] ЦАМО. Ф. 334. Оп. 3949. Д. 4. Л. 1; Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 36. М., 1958. С. 15.

[72] *Кисловский Ю. Г.* От первого дня до последнего. М., 1988. С. 84–86.

[73] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 7047с. Д. 17. Л. 1–2.

[74] 1941 год — уроки и выводы. С. 102.

[75] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260–262.

[76] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 156.

[77] Там же. С. 159.

[78] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 157. Д. 71. Л. 122.

[79] Там же. Ф. 334. Оп. 3949. Д. 4. Л. 18–20.

[80] *Баграмян И. Х.* Так шли мы к победе. М., 1977. С. 149.

[81] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 29. Л. 9–11.

[82] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 20–21.

[83] ЦАМО. Ф. 144. Оп. 396. Д. 8. Ч. 1. Л. 35.

[84] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 80; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 164.

[85] *Иноземцев И. Г.* Крылатые защитники Севера. М., 1975. С. 5.

[86] 1941 год — уроки и выводы. С. 117.

[87] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 81–82.

[88] 1941 год — уроки и выводы. С. 89, 117.

[89] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 164–165.

[90] 1941 год — уроки и выводы. С. 105–106.

[91] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 357, 371.

[92] Правда. 1941. 3 июля.

[93] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2. Л. 19–20.

[94] Там же. Д. 36. Л. 25–27.

[95] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 617–622.

[96] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 81–82.

[97] Там же. Ф. 16. Оп. 946. Д. 63. Л. 3–4.

[98] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов: в 7 т. Т. 2. М., 1958. С. 559–565.

Нарастание сопротивления агрессорам

Киевская трагедия

В августе 1941 г. возрос накал борьбы на юго-западном направлении. Правому флангу группы армий «Центр», вырвавшейся вперед, угрожали войска Юго-Западного фронта. Германское командование поставило задачу войскам группы армий «Юг» с ходу овладеть Киевом и захватить переправы через Днепр. Предписывалось также нанести удар в южном направлении с целью окружения группировок РККА к западу от Днепра. Уже 11 июля гарнизоны Киевского укрепрайона вступили в бой с противником. 3 и 4 августа немецкие войска при поддержке крупных сил авиации начали штурм советских оборонительных укреплений. Благодаря упорству 5, 37, 26-й и других советских армий удавалось сдерживать ожесточенный натиск врага. В период штурма немцы смогли продвинуться в глубь сектора обороны города лишь на несколько километров, захватив часть Коростеньского укрепрайона. На этом штурм был приостановлен.

Тысячи киевлян вступили в народное ополчение с готовностью отстоять свой любимый город. Десятки тысяч людей трудились на строительстве оборонительных сооружений. Киевский укрепрайон был подготовлен к длительной осаде. Гарнизоны многих дотов, даже оказавшись в окружении, не прекращали сопротивления. Так, дот № 205 под командованием лейтенанта Ветрова у деревни Юровки в условиях полной блокады оборонялся в течение восьми суток до подхода своих войск[1].

Ставка не намерена была сдавать Киев как по военно-стратегическим, так и по политическим причинам. Сдача города создавала критическую ситуацию на южном фланге советско-германского фронта, давала шанс вермахту уже в 1941 г. прорваться к кубанскому хлебу и бакинской нефти, осложняла международное положение СССР, подрывая доверие к возможностями РККА со стороны Великобритании и США. К тому же падение столицы Украины больно ударяло по чувствам советских людей, считавших, что город не должен быть отдан на растерзание врагу. Киев необходимо было удержать. И в этом смысле понятен резкий отказ И. В. Сталина прислушаться к достаточно здравым доводам начальника Генштаба Г. К. Жукова, предложившего еще в конце июля 1941 г. отвести советские части на левый берег Днепра и тем самым эвакуировать город[2]. Г. К. Жуков исходил из категорий стратегической необходимости, И. В. Сталин — из более широкого спектра политических и моральных факторов. После конфликта между ними по поводу Киева, Г. К. Жуков был отправлен командовать Резервным фронтом для того, чтобы организовать в том числе наступление в районе Ельни.

Германское командование осознавало, что бои под Киевом могут принять затяжной характер. Остановившись на подступах к городу, немцы перенесли внимание на юг, намереваясь взять в клещи правый фланг Южного и левый фланг Юго-Западного советских фронтов. Ставка, разгадав это намерение, разрешила отвод сил РККА на этом направлении до рубежа Белая Церковь — р. Днестр. Одновременно было приказано нанести контрудар

Советская пехота в бою

по 1-й танковой группе противника под Киевом[3]. Однако командование группой армий «Юг» намеревалось во что бы то ни стало не допустить отхода частей Южного фронта.

Трагические события развернулись в районе Первомайска. 1-я немецкая танковая группа, используя свое преимущество в подвижности, уже в начале августа вышла в тыловые районы 6-й и 12-й армий Южного фронта с севера. В то же время 17-я полевая, прорвавшаяся под Уманью, и 11-я армии противника перерезали пути отступления частям советских армий с южного направления. Кровопролитные бои в окрестностях Умани продолжались до 13 августа. Однако силы были неравные. Остатки советских армий укрылись в лесу, носившем название Зеленая Брама. Германские подразделения окружили его плотным кольцом, подавляя любую попытку прорыва. Окружения удалось избежать всего 11 тыс. человек, главным образом из тыловых частей[4]. По немецким данным, в плен были захвачены до 103 тыс. советских военнослужащих, в том числе оба командарма (6-й армии — И. Н. Музыченко и 12-й армии — П. Г. Понеделина), четыре командира корпуса и 11 командиров дивизий. В боях погибли два командира корпуса и шесть командиров дивизий[5].

Уманская катастрофа и быстрое продвижение немецких частей в южном и юго-восточном направлениях создали угрозу остальным частям Южного фронта. Поэтому Ставка ВГК потребовала их отвода на рубеж Чигирин — Вознесенск — Днестровский лиман. Город и военно-морскую базу Одесса предполагалось защищать всеми возможными мерами.

Трагедия Умани, несомненно, оказала влияние на состояние обороны Киева. Войска, оборонявшиеся в Киевском укрепрайоне, могла постигнуть та же участь окружения в случае их отступления за Днепр от столицы Украины. Кроме того, отход войск Юго-Западного фронта означал ликвидацию угрозы флангу группы армий «Центр». Отвод советских сил с правого берега Днепра и оставление столицы Украины уже давно назрели. Все решения

удерживать город, начиная с середины августа, лишь приближали час неминуемой и тяжелейшей катастрофы.

К середине августа активная фаза боев в районе Киева завершилась. Продвинувшись на несколько километров вперед, войска 6-й армии получили приказ закрепиться на рубеже Триполье — Киев — Коростень и обеспечить защиту флангов. Директива № 34 германского верховного командования от 12 августа предусматривала в том числе подготовку окружения основных сил Юго-Западного фронта к востоку от столицы Украины. 8 августа И. В. Сталин в ходе разговора по прямому проводу с командующим Юго-Западным фронтом генералом М. П. Кирпоносом передал: «Комитет Обороны и Ставка очень просят Вас принять все возможные и невозможные меры для защиты Киева. Недели через две будет легче, так как у нас будет возможность помочь Вам свежими силами, а в течение двух недель Вам нужно во что бы то ни стало отстоять Киев»[6].

По мере продвижения группы армий «Центр» на восток ее правый фланг все более растягивался, вызывая опасения неожиданного советского удара с юга. Германское командование решило отложить наступление на Москву до тех пор, пока не будет ликвидирована обозначившаяся угроза. С этой целью 8 августа оно развернуло на юг 2-ю полевую армию и 2-ю танковую группу. Войска Центрального фронта не выдержали их удара и отступили к юго-востоку, оголив фронт на брянском направлении. Для его прикрытия 16 августа был создан Брянский фронт под командованием генерал-лейтенанта А. И. Еременко.

19 августа Ставке ВГК стало известно о повороте 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана в южном направлении. Видя в этом несомненную опасность для тыла Юго-Западного фронта, она разрешила отвести его войска на левый берег Днепра. Однако столицу Украины (на правом берегу реки) необходимо было удерживать в любом случае. Непосредственно город защищали войска, объединенные под управлением командарма 37-й армии. Кроме того, по р. Десне против 2-й танковой группы разворачивалась 40-я армия. К 21 августа соединения противника сумели продвинуться вперед на 120–140 км и глубоко вклиниться между Брянским и Центральным фронтами, создав угрозу флангу и тылу действовавшего на киевском направлении Юго-Западного фронта. 2-я немецкая танковая группа вышла в район Стародуба, тогда как действия против нее Брянского фронта успеха не имели.

В это время обострилась ситуация к северу от Киева. В ночь с 23 на 24 августа вражеские войска форсировали Днепр и захватили плацдарм в районе Окуниново (60 км севернее Киева). В начале сентября частям 6-й армии группы армий «Юг» удалось установить контакт со 2-й армией группы армий «Центр». 9 сентября противник занял Чернигов. Потрепанные соединения 5-й и 40-й армий Юго-Западного фронта отступали на юг, в то время как на их тылы, двигаясь от Конотопа, наседали части 2-й немецкой танковой группы. Самым тревожным для советского командования было то обстоятельство, что все основные усилия сосредотачивались (как и указывала Ставка) на обороне столицы Украины, тогда как на флангах на широком фронте действовали менее боеспособные и слабые по своему составу и подготовке 40-я и 38-я армии.

Таким образом, судьба Киева решалась не на позициях Киевского укрепрайона, а южнее и севернее столицы Украины. Немецкое командование 6 сентября приняло решение уничтожить путем окружения советские части на южном крыле восточного фронта и открыть перспективу решающего удара по столице СССР. Ситуация на юго-западном направлении достигла своей критической фазы.

Соединения группы Г. Гудериана, несмотря на сопротивление частей 40-й армии, 9 сентября прорвали ее оборону. Контрудары Брянского фронта к успеху не привели. Они лишь на время сковали один моторизованный корпус 2-й танковой группы, тогда как остальные танковые и пехотные силы продолжали продвижение на юг.

Южнее Киева обстановка для советских войск продолжала ухудшаться. 31 августа пехотные части 17-й армии Э. фон Клейста захватили небольшой плацдарм на левом берегу Днепра в районе Кременчуга. 38-я армия пыталась исправить ситуацию, но тщетно. В начале сентября на кременчугский плацдарм была переброшена вся 1-я танковая группа. К северо-востоку

Расчет противотанкового орудия ведет огонь по противнику

Погибшие советские солдаты и мирные жители

Советские летчики осматривают сбитый немецкий самолет «Мессершмитт-109»

Младший лейтенант Г. С. Бреславец, лично уничтоживший три немецких танка и две 150-мм пушки, осматривает подбитый им танк

от Киева противник захватил плацдармы на южном берегу Десны. Ситуация становилась угрожающей. В этой обстановке новый начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников и его заместитель генерал А. М. Василевский предложили И. В. Сталину оставить Киев, отвести войска за Днепр и тем самым спасти силы фронта. Но И. В. Сталин оставался при своем мнении — Киев не сдавать! Тот же приказ получили 10 сентября командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос и главком Юго-Западного направления маршал С. М. Буденный (вскоре на этом посту его сменил маршал С. К. Тимошенко).

Верховный главнокомандующий, все еще надеясь, что А. И. Еременко удастся прорваться в тыл Г. Гудериану, запрещал снимать войска из-под Киева для локализации прорыва. Окружение советской группировки было предрешено.

В это время произошел обмен телеграммами между штабом Юго-Западного фронта и Генеральным штабом. 14 сентября начальник штаба Юго-Западного фронта генерал В. И. Тупиков через голову М. П. Кирпоноса обратился к начальнику Генштаба и главкому Юго-Западного направления с телеграммой, в которой охарактеризовал тяжелое положение войск фронта. Заканчивалась телеграмма фразой: «Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней». Катастрофа, конечно, означала полное окружение сил Юго-Западного фронта. Б. М. Шапошников обвинил В. И. Тупикова в паникерстве. В своей телеграмме, адресованной командующему Юго-Западным фронтом и главкому Юго-Западного направления, донесение В. И. Тупикова он назвал паническим. «Обстановка, наоборот, — писал Б. М. Шапошников, — требует сохранения, исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги... Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнить указания т. Сталина, данные вам 11.9».

В подлиннике документа, хранящемся в Центральном архиве Министерства обороны, подписанном лично Б. М. Шапошниковым, имеется несколько зачеркнутых строк: «Надо вам всем понять, что в прочном удержании флангов и закрытии прорыва ваше спасение. Отход в данной обстановке неминуемо повлечет к катастрофе». Вероятнее всего, на ту минуту Б. М. Шапошников был прав. Советские войска слишком затянули с отходом. Кроме того, в рукописном подлиннике телеграммы в абзаце со словами «необходимо неуклонно выполнить указания т. Сталина, данные вам 11.9» были зачеркнуты строки о том, что это указания «Ставки Верховного главнокомандования», которые были отданы «при личном разговоре со Сталиным»[7].

В 4 часа утра 15 сентября, через сутки после отправления телеграммы генерала В. И. Тупикова в Генштаб, командующий Юго-Западным фронтом М. П. Кирпонос телеграфировал в Ставку: «Обстановка требует немедленного вывода войск из КИУР. Со стороны Козелец противник стремится отрезать Киев с востока. Резерва для парирования этого удара нет. Противник к исходу 14.9.41 г. находился в 40 км от Киева». Начальник Генерального штаба, реагируя на эту телеграмму, в разговоре по прямому проводу с главкомом и членом Военного совета Юго-Западного направления — С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущевым около 18 часов 15 сентября заметил: «...считаю, что мираж окружения охватывает прежде всего Военный совет Юго-Западного фронта, а затем командующего 37-й армией... Кирпонос занял позиции пассивного сопротивления противнику»[8].

Но катастрофа была неминуема. 15 сентября в районе Лохвицы соединились немецкие части 2-й танковой группы, наступавшей с севера, и 1-й танковой группы, прорвавшейся с кременчугского плацдарма, — кольцо вокруг Юго-Западного фронта замкнулось. В крупнейшем с начала войны окружении оказались соединения 5, 26 и 37-й армий Юго-Западного фронта, а также 21-й армии Центрального фронта и частично 38-й армии — всего 452,7 тыс. человек[9]. Усилило трагедию и то, что окруженные войска начали пробиваться лишь на следующий день, но к тому времени возможность сделать это организованно была уже утеряна. Советские части были расчленены и не обладали ударной мощью. 19 сентября 1941 г. они оставили Киев. При попытке прорыва на восток 20 сентября почти в полном составе погибло

управление Юго-Западного фронта, в том числе генерал М. П. Кирпонос. Командующий 5-й армией М. И. Потапов попал в плен. Бои в котле продолжались до 26 сентября, а разрозненные части выходили на восток до 2 октября (всего сумели пробиться около 15 тыс. человек). Красная армия лишилась 28 тыс. орудий, 411 танков и много другого оружия. Согласно немецким источникам, в районе Киева были захвачены около 665 тыс. человек. По отечественным данным, весь Юго-Западный фронт потерял безвозвратно в Киевской оборонительной операции с 7 июля по 26 сентября 1941 г. 531 тыс. человек[10].

В результате потери Киева в тяжелейшем положении оказалась 18-я армия Южного фронта. К началу августа 1941 г. румынские и германские войска вышли на подступы к Одессе. В ее обороне приняли участие войска Приморской армии, части и подразделения, созданные непосредственно в городе, морские пехотинцы и другие. С 19 августа эти войска были объединены в Одесский оборонительный район (ООР), который возглавил контр-адмирал Г. В. Жуков, в свою очередь, подчинявшийся командованию Черноморского флота. 100 тыс. одесситов были задействованы на строительстве оборонительных сооружений. Корабли Черноморского флота доставляли вооружение, технику, подкрепления, забирая обратно раненых, гражданское население.

Противник не сумел с ходу овладеть Одессой, поэтому германское командование, нуждаясь в силах для наступления на восток, поручило захват города 4-й румынской армии, которая располагала пятикратным преимуществом в живой силе над обороняющимися. Однако все попытки пробить брешь в позициях советских войск в августе — сентябре 1941 г. не увенчались успехом. Лишь когда противник ворвался в Крым, а город остался в глубоком тылу, было принято решение об эвакуации. Она прошла с 1 по 16 октября и носила организованный характер: были вывезены 86 тыс. военнослужащих, 15 тыс. гражданских лиц, сотни единиц военной техники. Скрытность подготовки и безупречное исполнение сыграли главную роль в успехе этой операции. 16 октября Одесса пала. Ее оборона длилась 73 дня. Защитники Одессы сковали 4-ю румынскую армию и другие соединения противника, чем облегчили положение Юго-Западного фронта в период его отхода на Левобережной Украине[11].

На южном крыле советско-германского фронта противник продолжал продвигаться на восток. Ставка ВГК не имела достаточных сил, чтобы остановить его. Часть сил 18-й и 9-й армий Южного фронта оказалась в окружении. Соединения 21-й и 38-й армий отходили за р. Северский Донец. 17 октября пал Таганрог, 25 октября — Харьков, 2 ноября был блокирован Севастополь. Создалась реальная угроза захвата противником Ростова-на-Дону и его выхода к кавказским сырьевым источникам. В этой ситуации немецкое командование направило 2-ю танковую группу (с 5 октября 1941 г. преобразована во 2-ю танковую армию) в северо-восточном направлении с задачей участвовать в захвате Москвы, что, по мнению германского командования, должно было привести к военному и политическому крушению СССР.

Однако повернув свои войска с главного направления на юг, немецкое командование потеряло время и силы. Не взяв Киева, оно не смогло бросить все силы на захват Москвы. Это дало возможность советскому командованию подготовить новые резервы. Значительная их часть была направлена затем на Юго-Западный фронт, чтобы закрыть образовавшуюся там брешь, но основная масса свежих соединений перебрасывалась к Москве и участвовала впоследствии (начиная с конца октября — ноября) в Московской битве.

Тем не менее потеря огромного количества войск катастрофическим образом сказалась на всей обороноспособности Красной армии. В брешь, образовавшуюся восточнее Киева, срочно перебрасывались войска, предназначенные для действий на других участках советско-германского фронта.

29 сентября 1941 г. в своем докладе начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову и командующему Юго-Западным фронтом С. К. Тимошенко заместитель начальника штаба Юго-Западного фронта указал на следующие причины поражения советских войск под Киевом и неудач при прорыве на восток: «Основной причиной окружения 4-х армий фронта и неспособности 5-й и 21-й армий к выходу из окружения является слишком за-

Немецкие войска на подступах к Киеву. Август 1941 г.

поздалое принятие решения на оставление Киева и на выход из окружения. Основным и грозным противником, приведшим к потере частями 21-й и 5-й армий боеспособности, оказался не столь противник, вышедший в тылы, сколь сильная группа его войск, наступающая с севера против этих армий. Под ударами этой группы 5-я и 21-я армии непрерывно откатывались на юг, все время неся большие потери. Истощение дошло до такого предела, что еще до выхода подвижных групп противника в тыл 21-й и 5-й армий последние почти полностью потеряли свою боеспособность. Появление же мелких групп мотомехчастей противника в непосредственном тылу наших войск еще в большей степени ускорило темпы их деморализации. К началу выхода из окружения боеспособность сохранила лишь одна 289 сд, оборонявшая район Пирятин. Из окружения выходила бесформенная и дезорганизованная масса, состоявшая главным образом из тылов»[12]. С этими выводами трудно не согласиться.

Начало блокады Ленинграда

Согласно плану «Барбаросса» захват Ленинграда должен был предшествовать взятию Москвы. Уже к 1 июля противник, располагавший большим превосходством в силах, захватил Каунас, Вильнюс, Ригу. 29 июня началась эвакуация из города на Неве детей, женщин, пожилых людей, но в недостаточных масштабах из-за неоправданной уверенности в том, что противник будет остановлен на дальних подступах к городу. С захватом 9 июля Пскова возникла непосредственная угроза Ленинграду. Еще 1 июля в городе была создана комиссия по вопросам обороны (председатель — А. А. Жданов). В тот же день сильный удар по советским войскам в 200 км северо-западнее города нанесла финская армия. 5 июля из состава Северо-Западного фронта была выделена оперативная группа под командованием генерала К. П. Пядышева для обороны лужского рубежа. Вокруг Ленинграда на дальних и ближних подступах развернулось строительство нескольких полос обороны. В результате своевременного создания Лужской оперативной группы план германского командования с ходу прорваться к Ленинграду был сорван.

С потерей баз в Лиепае и Риге корабли Балтийского флота перебазировались в Таллин. Особое значение в замедлении темпов немецкого продвижения имели оборона Таллина, Моонзундского архипелага и полуострова Ханко, лужского рубежа, сражение на ближних подступах к Ленинграду. 10 июля было создано главное командование войск Северо-Западного стратегического направления, объединившее командования Северного и Северо-Западного фронтов. Ему же в оперативном отношении было подчинено и командование Балтийского флота. Главкомом был назначен маршал К. Е. Ворошилов.

Наступление непосредственно на Ленинград войск противника с нанесением ударов на нескольких направлениях началось 10 июля. 19 августа советские войска вынуждены были оставить Новгород, а 20 августа — Чудово. Финская армия прорвалась к Карельскому перешейку. Создалась угроза окружения города. Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного главнокомандования стремились укрепить положение города. Были созданы Ленинградский и Карельский фронты, началась эвакуация населения, промышленных предприятий.

Вражеское наступление возобновилось в конце августа. Уже 31 августа была перерезана дорога Москва — Ленинград. 8 сентября город был окружен. В кольце блокады оказались более 2,5 млн гражданского населения, войска Ленинградского фронта. С этого дня сообщение с городом стало возможно только по Ладожскому озеру и по воздуху. Ежедневно Ленинград стал подвергаться артиллерийскому обстрелу и каждую ночь — воздушным налетам.

Уже 8 сентября, после овладения противником Шлиссельбургом, Ставка ВГК поставила задачу Ленинградскому фронту и 54-й армии Волховского фронта — прорвать блокаду города. Наступление 54-й армии началось без предварительной подготовки, что не замедлило сказаться на неудачном исходе операции. Войска Ленинградского фронта сумели захватить

Немецкая бронетехника на советской земле. Лето 1941 г. Украина

Колонна моторизованной дивизии СС движется по советской территории

Советский снайпер на позиции

Танки Т-26 на марше

плацдарм на р. Неве, но продолжение удара в районе Синявинских высот натолкнулось на ожесточенное сопротивление немцев. Объединение всех сил, действовавших на восточном и западном берегу Невы в районе Московской Дубровки, в составе 8-й армии, ввод в бой добровольческих полков и подразделений народного ополчения так и не привели к деблокаде Ленинграда.

Положение города было тяжелым. Блокада грозила голодом. 30 августа советское правительство приняло постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», которым предусматривалась доставка в город продовольствия, вооружения, боеприпасов и горючего, однако осуществить это было крайне трудно. В Ленинград была направлена комиссия во главе с заместителем председателя ГКО В. М. Молотовым. Г. К. Жуков был отозван в Москву из-под Ельни, где он руководил успешной операцией советских войск. Во время беседы И. В. Сталина с Г. К. Жуковым Верховный главнокомандующий сказал: «Мы еще раз обсудили положение с Ленинградом. Противник захватил Шлиссельбург, а 8 сентября разбомбил Бадаевские продовольственные склады. Погибли большие запасы продовольствия. С Ленинградом по сухопутью у нас связи теперь нет. Население оказалось в тяжелом положении. Финские войска наступают с севера на Карельском перешейке, а немецко-фашистские войска группы армий «Север», усиленные 4-й танковой группой, рвутся в город с юга... Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом»[13].

Приезд Г. К. Жукова и принятые им меры укрепили оборону города, но прорвать блокаду не удалось. После полного окружения Ленинграда гитлеровцы пытались форсировать Неву, чтобы соединиться с финскими войсками на Карельском перешейке, однако специально созданная Невская оперативная группа отразила все попытки врага достигнуть этой цели. Хуже обстояли дела к югу от города, где противнику удалось потеснить в районе Колпино и Ропшы соединения 42-й и 55-й армий, личный состав которых имел очень слабую военную подготовку. До городских кварталов немцам оставалось преодолеть всего несколько километров, однако благодаря энергичным мерам командования Ленинградского фронта, мужеству красноармейцев и ополченцев наступление группы армий «Север» удалось остановить. На самые опасные участки обороны Г. К. Жуков направил зенитные орудия для уничтожения вражеских танков, срочно укреплялся оборонительный рубеж на Пулковских высотах. В командование 42-й армией вступил генерал И. И. Федюнинский. Соединения армии отошли на еще недостроенный пулковский рубеж и здесь закрепились. В состав его армии передавалась часть сил с менее угрожаемого Карельского перешейка. Напряжение в сражении за Ленинград достигло предела. Врагу удалось 16 сентября прорваться к Финскому заливу, отрезав тем самым соединения 8-й армии от основного фронта. Западнее города образовался ораниенбаумский плацдарм.

Для восполнения потерь в Ленинграде началось формирование отдельных стрелковых бригад из моряков и курсантов; по мере приближения гитлеровцев советские войска все активнее поддерживали своим огнем корабли Балтийского флота. 17 сентября противник занял Павловск и ворвался в Пушкин (Царское Село). Но это оказалось последним существенным успехом врага. Наступательные группировки группы армий «Центр» к этому моменту выдохлись и потеряли необходимую ударную силу. В тот же день, 17 сентября, А. Гитлер отдал приказ вывести 4-ю танковую группу генерала Э. Гепнера из боя и перебросить ее на московское направление для участия в завершающем штурме советской столицы[14].

Немцы вплотную подошли к городу. Кольцо блокады, линия фронта находились от городской черты на расстоянии от 2 до 30 км. Но взять город с ходу не удалось. Уже в сентябре начала сказываться нехватка продовольствия. Еще 2 сентября был усилен режим экономии продуктов. Рабочие и инженеры получали по 600 граммов хлеба в день, служащие — по 400 граммов, иждивенцы и дети — по 300 граммов. 11 сентября эта норма была уменьшена. Хлеб стали выпекать с различными примесями — солодом, жмыхом и прочим.

22 сентября вышла директива германского военно-морского штаба «Будущее Петербурга». В ней говорилось, что «фюрер принял решение стереть город Петербург с лица земли»,

поскольку существование этого города, по его мнению, не имело никакого смысла. Финляндия, как утверждалось, также не была «заинтересована в дальнейшем существовании города рядом с ее новыми границами». Предполагалось плотно блокировать Ленинград и сравнять его с землей с помощью артиллерии и авиации. Возможные заявления о капитуляции следовало отклонять[15].

Обстановка в городе ухудшалась. Угрожающее положение сложилось с топливом и электроэнергией. Но наиболее тяжелым испытанием стал голод. С 20 ноября 1941 г. были установлены самые низкие нормы выдачи хлеба по карточкам: рабочим и инженерно-техническим работникам — по 250 граммов, служащим, иждивенцам и детям — по 125 граммов. Частям первой линии и боевым кораблям — по 500 граммов, летно-техническому составу ВВС — по 500 граммов, всем остальным воинским частям — по 300 граммов. Началась массовая гибель населения. Однако оборона города на Неве сковывала соединения группы армий «Север», не давала германскому командованию перебросить их на московское направление.

Северный фланг выстоял

Войска Северного фронта обороняли территорию Заполярья и Карелии протяженностью более 1 тыс. км — от полуострова Рыбачий до Финского залива. Первые бои на этом плацдарме начались 29 июня 1941 г.

В планы немецкого командования входил захват прежде всего Мурманска, а также г. Кандалакши и поселка Лоухи. Взятие этих трех населенных пунктов обеспечило бы немецким войскам установление контроля над Кировской железной дорогой и северными морскими путями. Для реализации этих замыслов на данном направлении была развернута часть немецкой армии «Норвегия». Однако, несмотря на то что в начале Мурманской операции немецкие войска имели численное преимущество в 1,8 раза, осуществить свои первоначальные планы им не удалось.

Благодаря тому, что до 29 июня немецкие войска на данном участке осуществляли только авианалеты, 14-я армия под командованием генерала В. А. Фролова и боевой состав Северного флота (командующий — контр-адмирал А. Г. Головко) сумели подготовиться к встрече противника. Необходимо отметить, что на протяжении всего периода боев в Заполярье Северный флот поддерживал сухопутные войска с моря надводными кораблями, авиацией и береговой артиллерией, расположенной на полуостровах Средний и Рыбачий, а также непосредственным участием значительной части моряков в сухопутных сражениях. Удары на мурманском направлении, предпринятые противником с 29 июня, не принесли ощутимых результатов.

Особую помощь войскам 14-й армии в начальный период обороны Заполярья оказывали морские десанты, заставлявшие противника оттягивать часть его войск с главных направлений. Один из самых крупных десантов был высажен в середине июля на губу Большая Западная Лица (с учетом трех высадок общая численность морского десанта составила более 2 тыс. человек). В ходе длительных оборонительных боев вражеские войска понесли большие потери и вынуждены были перейти к обороне.

С новой силой боевые действия в Заполярье начались с наступлением на Мурманск 8 сентября 1941 г., когда армия «Норвегия» была усилена горнострелковой дивизией из Греции с целью овладения Мурманском и военно-морской базой Северного флота — Полярным. Это были одни из самых ожесточенных боев на данном направлении.

Одновременно с наступлением немецкой армии «Норвегия» 1 июля началось наступление финской армии «Карелия» на ухтинском направлении, которой противостояла 7-я советская армия. Имея четырехкратное превосходство в живой силе, в середине июля финны прорвали оборону частей 54-й дивизии 7-й армии, вынудив их отступить.

Вновь бои на данном направлении разгорелись в середине августа. В планы финского командования входило уничтожение советских войск на Карельском и Онежско-Ладожском

перешейках с последующим наступлением на Ленинград с севера и соединением с немецкими войсками группы армий «Север».

Захватив территорию до побережья Ладожского озера, противник активизировал свои действия на петрозаводском, олонецком и сартавальском направлениях. Для полного окружения Ленинграда в начале августа финские войска предприняли наступление на Онежско-Ладожском и Карельском перешейках.

К середине августа войска Северного фронта растянулись более чем на 1500 км. Руководство ими было крайне затруднено. 23 августа 1941 г. Ставка ВГК приняла решение о разделении Северного фронта на два — Карельский и Ленинградский. В состав Карельского фронта вошла 14-я армия, командующим которой был назначен генерал-лейтенант В. А. Фролов. Кроме того, Северный флот был непосредственно подчинен командующему Карельским фронтом[16].

4 сентября финская армия, получившая подкрепление и поддерживаемая крупной группой бомбардировщиков, начала новое наступление на петрозаводском направлении. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, 7-й финский армейский корпус, усиленный частями переброшенной из Норвегии 163-й немецкой пехотной дивизии, прорвал оборону Карельского фронта. 1 октября части фронта вынуждены были оставить Петрозаводск, оккупация которого продолжалась до 28 июня 1944 г. Продвижение финской армии было остановлено лишь западнее линии Беломоро-Балтийского канала.

Срыв своих планов на северном направлении командование немецкой армии объясняло в вышедшей 22 сентября 1941 г. директиве ОКВ № 36: «Непривычные тяжелые условия местности, недостаток дорог и непрерывная переброска советских подкреплений в Карелию и Лапландию — все это послужило причинами того, что... все еще не удалось... достигнуть Мурманской железной дороги». Далее этой директивой предписывалось прекратить наступление на Мурманск, пока не будет осуществлена доставка всех новейших боевых средств, которые могут быть использованы в тундре»[17].

К середине октября 1941 г. после кровопролитных боев боевая обстановка на мурманском направлении стабилизировалась, и обе стороны вели лишь оборонительные действия вплоть до октября 1944 г.

Не допустив захвата противником Заполярья и Карелии, советские войска обеспечили Северному флоту возможность действовать в Северных морях весь дальнейший период Великой Отечественной войны, что позволило осуществлять доставку различных видов грузов в СССР по ленд-лизу, а также максимально препятствовать снабжению промышленности Германии стратегическим сырьем северными морскими путями. А сохранив за собой восточный берег Ладожского озера, обеспечили снабжение жителей Ленинграда и войск Ленинградского фронта.

Страна накануне новых испытаний

Во второй половине сентября 1941 г. в центре советско-германского фронта произошла относительная стабилизация. Подход новых частей, создание резервов создавали предпосылки изменения хода войны в пользу Красной армии. Однако надежды советского командования переломить ход вооруженной борьбы не учитывали общий ход боевых действий, планы германского командования, остающийся ресурс военной мощи вермахта. Вскоре группа армий «Центр» нанесла сильнейший удар на московском направлении — развернулась битва за Москву. Красная армия вновь оказалась на грани катастрофы. Но это было позднее. А в тот период небольшая передышка и подготовка к новым сражениям дали возможность командованию Западного фронта подвести некоторые итоги и обобщить накопленный опыт. Речь не шла пока о всеохватывающих выводах и заключениях, для этого еще не пришло время, не было и достаточных источников. Однако ряд выводов был сделан. Например, генерал С. А. Калинин[18], находившийся в августе 1941 г. в штабе Запад-

ного фронта, по поручению Военного совета фронта подготовил доклад по опыту боевых действий первых месяцев войны.

25 сентября был подготовлен документ «Некоторые выводы из опыта первых трех месяцев войны и характер ближнего боя». Генерал достаточно четко выделил особенности тактики немецких частей и соединений в начальный период боевых действий: организацию ими ударов во фланг и тыл, создание ловушек, четкое взаимодействие пехоты, танков и авиации. В то же время С. А. Калинин, возможно, раньше, чем кто-либо другой в РККА, отметил появившуюся у германского командования осторожность, нежелание вырываться далеко вперед. Весьма интересны замечания относительно способов окружения немцами частей Красной армии. К сожалению, они не были тогда в должной мере восприняты командованием Западного фронта. Вывод о том, что строевая подготовка РККА должна быть поставлена во главу угла обучения войск, можно назвать достаточно спорным. Но трудно отрицать тот факт, что многие советские части летом — осенью 1941 г. не проявляли достаточной стойкости в обороне. Естественно, одной строевой выучки для этого мало, но без нее не добиться желаемой сколоченности подразделений, частей и соединений.

В докладе был сделан также ряд обобщений стратегического характера. С. А. Калинин отметил, в частности, ошибки командования Западного и Прибалтийского особых военных округов в выносе развертывания к границе, но в то же время подчеркнул, что было время исправить их в соответствии с «большим, гениальным решением» строить оборону по линии Осташков — Дорогобуж — Рославль, где боеспособные войска РККА были бы сильнее немцев. Необходимо заметить, что такое решение на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) действительно было принято 21 июня 1941 г. Рубеж обороны предполагалось строить вдоль рек Днепр и Десна — от Осташкова на Трубчевска.

Ряд предложений С. А. Калинина, относящихся к улучшению подготовки войск, ведению боя, на тот момент соответствовал реальным требованиям. Сейчас трудно сказать, насколько полно ими воспользовались командование Западного фронта и высшее военное руководство страны. Но факты свидетельствуют, что некоторые последующие приказы Генштаба и Наркомата обороны содержат те же положения, что и в докладе генерала С. А. Калинина. Это касается также директив Генштаба и НКО об организации взаимодействия родов войск, установлении на фронте сокращенного срока выслуги очередного воинского звания и прочем[19].

Военные действия на восточном фронте, несмотря на впечатляющие первоначальные успехи вермахта, развивались для германского командования по другому сценарию, нежели с Польшей и западноевропейскими странами. Темп наступления трех групп армий был разным, вовсе не так, как планировали германские генералы. Ленинград — первая цель войны против Советского Союза — держался; Киев пал только после длительного сопротивления. Германское командование получало сведения о переброске к Москве свежих частей с других участков фронта. Группа армий «Центр» подвергалась постоянным контрударам советских войск. Нерешенность основной стратегической задачи кампании — уничтожение сил РККА в приграничных сражениях — вынуждала германское руководство в срочном порядке искать выход из наметившегося стратегического тупика. Новые операции требовали дополнительного времени на их подготовку. Приостановка наступления на советскую столицу грозила для Германии затяжной войной, к которой она не была готова.

Что чувствовали в начале осени 1941 г. советские люди, отступавшие под натиском неумолимого врага воины и труженики тыла? Чего они ждали от будущего развития войны? Заместитель заведующего иностранным отделом газеты «Правда» Я. Викторов 9 сентября писал в статье с характерным названием «Время против Гитлера»: «Немцы называют Дюнкерк величайшим поражением англичан... В тот момент казалось, что все против англичан. В руках немцев оказались важнейшие стратегические позиции на побережье Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Франции. Над Британскими островами нависла громада главных сил германской армии... Но Англия не капитулировала. Несмотря на огромные жертвы, на большие потери, англичане упорно охраняли свои важнейшие стратегические пункты и в то же время усиливали свою оборону... Гитлер проиграл битву за Англию... Время оказа-

На марше подразделение с собаками-истребителями танков

После боя

лось против Гитлера, ибо Гитлер начал, вел и ведет войну, исходя из заранее накопленных ресурсов, заранее мобилизованных сил. Сказывается закон, обрекающий авантюры... Войну выигрывает только тот, кто, если можно так выразиться, может вести ее на «крейсерской скорости», располагая возможностями постепенно и непрерывно увеличивать эту скорость, доводя ее до предела лишь в самые решающие моменты.

Нынешняя война — это война моторов и резервов. И выиграть эту войну может лишь та сторона, которая в состоянии обеспечить постоянный приток и нарастание сил, постоянное накопление резервов... Ставка делалась на то, чтобы выиграть войну против Советского Союза в молниеносных темпах. Эта ставка оказалась битой. Нападение немецко-фашистских армий на Советский Союз явилось поворотным пунктом во всей мировой войне. Конечно, немецко-фашистская армия еще сильна; она, несомненно, будет настойчиво и упорно лезть вперед. Однако никакие временные успехи немецко-фашистских войск не могут изменить неизбежного хода вещей. План молниеносной войны сорван, а длительную войну Германия выиграть не в состоянии... Силы гитлеровской Германии, перед которой стоит перспектива тяжелой зимней кампании, длительной и упорной борьбы на многих фронтах, будут неизбежно иссякать и истощаться, а силы антигитлеровского фронта неизменно расти и увеличиваться»[20].

Конечно, не со всеми выводами автора можно согласиться. Он, как и генерал С. А. Калинин, писал в конкретной обстановке, менявшейся ежедневно и ежечасно. Приведенное далее выражение о «неисчерпаемом резерве пополнений» антигитлеровского фронта сегодня, с позиций тяжелейших боев Красной армии в 1941–1945 гг., кажется слишком самонадеянным. Иначе не было бы приказа Сталина № 227 от июля 1942 г. «Ни шагу назад!». Утверждать, что в сентябре 1941 г. молниеносная война Германии уже провалилась, было преждевременным. Впереди предстояли новые испытания, трагедии окружения под Брянском и Вязьмой, выход немцев на ближайшие подступы к Москве.

Но основные факторы, влиявшие на ход Великой Отечественной войны, к началу осени 1941 г. можно было обозначить абсолютно точно: нападение Германии на Советский Союз стало поворотным пунктом всего мирового конфликта, а время играло в пользу СССР и его союзников. Смоленское сражение, упорная оборона Ленинграда, Киева стали важнейшими вехами на пути срыва германского блицкрига, а значит, и проигрыша немецко-фашистскими войсками всей войны.

В противоборстве нацистской Германии с Советским Союзом наступал новый этап. Германскому командованию было ясно, что легкого продвижения в направлении советской столицы не будет. Все было направлено на то, чтобы осуществить наступление на Москву, завершающее всю Восточную кампанию. С этой целью, в частности, откладывалось продвижение танковых соединений 3-й танковой группы в направлении Валдайской возвышенности. Пехотные соединения 9-й армии сменяли на позициях части 3-й танковой группы, которые, в свою очередь, получали пополнение[21].

В директиве № 35 от 6 сентября 1941 г., в первую очередь направлявшей немецкие войска на окружение советских сил под Киевом, пояснялись мотивы и цели последующих ударов вермахта, которые должны были привести к окончательному разгрому Красной армии: «Начальные успехи против сил противника, находящихся между внутренними флангами групп армий «Центр» и «Север», с точки зрения окружения Ленинграда создает предпосылки для проведения решающих операций против ведущей наступление группы армий Тимошенко. Она должна быть уничтожена еще до наступления зимы. Для этого необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и сухопутной армии, без которых можно обойтись на флангах»[22].

После разгрома Юго-Западного фронта под Киевом германское командование практически поставило крест на способности СССР продолжать активные боевые действия, считая, что Красная армия едва ли сможет создать сплошной фронт между Ладожским озером и Черным морем и тем более его удержать[23]. Уже после войны бывший начальник генштаба ОКХ Ф. Гальдер приводил слова А. Гитлера после сражений под Киевом: «С Россией в военном отношении покончено»[24].

Шел третий месяц войны. В предыдущих боях Красная армия понесла огромные потери, но испытания на этом не заканчивались. Тысячи эшелонов с эвакуируемыми материалами и людьми двигались в то время на восток СССР, производство военной продукции резко сократилось. Проселочные дороги заполнились беженцами и угоняемым от врага скотом. В воздухе по-прежнему господствовала вражеская авиация, а количество советских танков на фронте не позволяло теперь надеяться на проведение мощных и разящих контрударов по противнику.

Тем не менее, отступая под натиском превосходящих сил, теряя сотни тысяч бойцов и командиров в бесчисленных котлах, Красная армия постоянно предпринимала попытки дать отпор врагу, остановить продвижение его войск. В этом смысле любая задержка наступления вермахта становилась хоть крошечной, но крупицей в фундамент алтаря будущей победы. Впереди была решающая битва под Москвой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 1941 год: Страна в огне. Кн. 1. С. 573.

[2] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 352–353.

[3] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 4. М., 1975. С. 82.

[4] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. М., 1998. С. 188.

[5] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956. С. 185.

[6] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 109.

[7] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 3408 сс. Д. 15. Л. 431.

[8] Там же. Оп. 973. Д. 1. Л. 202–206.

[9] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 85.

[10] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 195; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 85.

[11] 1941 год: Страна в огне. Кн. 1. С. 579.

[12] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 103. Л. 79–87.

[13] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 369.

[14] *Золотарёв В. А., Соколов А. М.* История великой войны 1941–1945: в 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 135–136.

[15] См. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 2 т. Изд. 3-е. Т. 2. М., 1955. С. 783.

[16] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 29. Л. 63–64.

[17] Hitlers Weisungen fur die Kriegfiihrung 1939–1945. S. 1945.

[18] Степан Андрианович Калинин (1890–1975), генерал-лейтенант (1940). Участник Первой мировой войны. С 1918 г. в Красной армии, участник Гражданской войны. В 1922–1938 гг. — командир дивизии, корпуса, заместитель начальника штаба военного округа, заместитель командующего и командующий военным округом. Во время Великой Отечественной войны — командующий 24-й армией (июнь — июль 1941 г.), 66-й армией (август 1942 г.), командующий войсками военных округов. В июне 1944 г. отстранен от должности и арестован. Приговорен к длительному сроку тюремного заключения и лишен воинского звания. В 1953 г. реабилитирован, восстановлен в звании и уволен в запас.

[19] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 13. Л. 1–27.

[20] Правда. 1941. 9 сентября.

[21] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 231. Л. 32–41.

[22] Там же. Д. 7. Л. 38–41.

[23] Там же. Д. 548. Л. 111–112.

[24] *Liddell Hart.* Centre for Military Archives. 9/24/107.

Зарождение народной борьбы в тылу врага

Перед нападением на СССР германское руководство не ожидало встретить на оккупированной советской территории серьезного сопротивления. Действительность оказалась иной. 1 июля 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района... одних охранных дивизий совершенно недостаточно... нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии»[1].

Как вспоминает член редколлегии настоящего тома академик РАН Г. Н. Севостьянов — начальник штаба партизанской бригады в годы войны, партизанское движение начало развертываться с первых же дней войны, прежде всего в Белоруссии. В ряде оккупированных районов, например, в Полесской области, были созданы партизанские отряды под командованием В. З. Коржа (Комарова), Т. П. Бумажкова и Ф. И. Павловского, М. И. Жуковского и др. Довольно малочисленные и плохо вооруженные, они, тем не менее, без промедления стали наносить удары по оккупантам.

Первый бой 28 июня дал Пинский партизанский отряд В. З. Коржа, работавшего до начала войны заведующим хозяйственно-финансовым сектором Пинского обкома КП(б) Белоруссии. Партизаны напали на колонну противника, двигавшуюся по тракту Пинск — Логишин, подбили вражеский танк, уничтожили несколько гитлеровцев.

Неустановленными народными мстителями в районе Западной Двины был совершен налет на штаб 121-й пехотной дивизии и убит ее командир генерал-лейтенант О. Лансель. О резонансе налета говорит уже тот факт, что он оказался зафиксированным 4 июля в дневнике того же генерал-полковника Ф. Гальдера.

2 июля 1941 г. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, член Военного совета Западного фронта П. К. Пономаренко докладывал И. В. Сталину, что народными мстителями-колхозниками Калинковичского района уничтожен двухмоторный бомбардировщик с экипажем, в Борисовском районе захвачены пять танков, стоявших без горючего, уничтожаются одиночки и даже группы вражеских солдат. Таких фактов известно уже много, настроение у населения боевое, патриотическое[2].

«С самого начала военной кампании против Советской России во всех оккупированных Германией областях возникло коммунистическое повстанческое движение, — признал в своем приказе 16 сентября 1941 г. начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель. — Это движение носит различный характер, начиная с пропагандистских выступлений и покушений на отдельных военнослужащих немецкой армии и кончая открытыми мятежами и организованной партизанской войной»[3].

Поначалу население объединялось для нанесения ударов по врагу во многом стихийно, реагируя на смертельную опасность, которую несли оккупанты. В то же время огромный потенциал народного сопротивления в тылу вермахта сознавали и руководящие органы Советского Союза. Внимание к организации партизанской борьбы нашло отражение в первых же решениях советского руководства.

Партизаны ведут бой

У взорванного партизанами моста

29 июня 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) в директиве партийным и советским организациям прифронтовых областей, определявшей меры по превращению страны в единый военный лагерь, среди других задач назвали развертывание партизанского движения.

«В занятых врагом районах, — требовала директива, — создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия. Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах»[4].

В развитие этой директивы ЦК ВКП(б) 18 июля 1941 г. принял специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск», в котором организацию и руководство партизанским и подпольным движением возложил персонально на руководителей республиканских, областных и районных партийных комитетов и органов советской власти.

Задачи ЦК национальных компартий, обкомам и райкомам ставились дифференцированно, с учетом разницы между районами, уже захваченными противником, находящимися под угрозой захвата и районами более глубокого советского тыла. В первом случае для организации подпольных коммунистических ячеек, руководства партизанским движением и диверсионной работой требовалось с соблюдением требований конспирации осуществить заброску во вражеский тыл наиболее стойких руководящих работников, хорошо знакомых с условиями той местности, в которую они забрасывались.

В районах, находящихся под угрозой захвата противником, руководители партийных организаций должны были немедленно организовать подпольные ячейки и сразу же, не дожидаясь подхода вражеских войск, перевести отобранных для этих целей лиц на нелегальное положение. Параллельно для обеспечения широкого развития партизанского движения партийные организации обязывались без промедления организовать «боевые дружины и диверсионные группы» из числа участников Гражданской войны, бойцов истребительных батальонов, отрядов народного ополчения, а также из работников народных комиссариатов госбезопасности и внутренних дел (НКГБ и НКВД). Надо сказать, что в ряде районов эти группы действовали весьма успешно. В Киеве на шестой день оккупации 24 сентября с помощью подпольщиков был подорван склад магазина «Детский мир» в центре города, затем немецкая комендатура, расположенная в соседнем доме, кинотеатр, в котором оккупанты смотрели хронику о вторжении вермахта во Францию, подорвано и разрушено ряд других зданий в центре города. Оккупанты понесли большие потери, и это весьма встревожило немецкое командование. 12 октября 1941 г. главнокомандующий сухопутными войсками предупредил группу армий «Центр», что «в случае захвата Москвы также как и в Киеве могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия»[5].

Парторганизациям, уже действующим в тылу, предлагалось выделить для формирования и руководства партизанским движением опытных, проверенных на деле людей, поддерживать с отрядами и группами, находившимися в тылу противника, всю возможную связь, обеспечить пересылку им листовок, лозунгов, газет[6].

Особое внимание в постановлении обращалось на заблаговременное создание и укрытие необходимых запасов оружия и боеприпасов, обеспечение партизан и подпольщиков средствами связи, деньгами и ценностями.

Борьба с захватчиками с самого начала была бы более организованной и эффективной, если бы в канун войны подготовке к партизанским действиям уделялось должное внимание. Однако в силу господства военной доктрины, предусматривавшей разгром врага на его собственной территории и малой кровью, теория использования партизанских сил в будущей войне была признана несостоятельной, опыт партизанских действий в войнах прошлого не

изучался, организационные вопросы развертывания партизанского движения (подготовка кадров, закладка тайников с оружием, боеприпасами и продовольствием, меры конспирации и т. п.) не отрабатывались. По необоснованным обвинениям в антисоветской деятельности и подготовке диверсий в советском тылу подверглись репрессиям многие ранее обученные кадры специалистов.

3 июля 1941 г. из речи И. В. Сталина по радио стали известны призывы компартии и правительства к развертыванию партизанского движения. Однако ни в секретных директивах, ни в речи Сталина (и это естественно) еще на затрагивались вопросы практической организации партизанского движения, обеспечения борьбы в тылу противника вооружением, средствами связи, взаимодействия партизанских отрядов и подполья с Красной армией[7].

В таких условиях требования директивных органов, чтобы «вся эта борьба получила размах непосредственной, широкой и героической поддержки Красной армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом», приходилось выполнять во многом методом проб и ошибок, сопряженных с большими и напрасными жертвами.

Народный гнев накапливался стремительно. Даже те, кто вначале полагал, что сможет ужиться с немецкими властями, убедились, что так называемый новый порядок обернулся жесточайшим оккупационным режимом с его массовыми убийствами, зверствами, грабежом мирного населения. Его человеконенавистническую суть передает приказ рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга от 23 августа 1941 г.: «Местное население обязано вести себя в соответствии с немецкими законами и с приказами, изданными для него немецкими властями... Все лица, осуществляющие акт насилия против немецкой империи или против органов власти, находящихся на территории оккупированных восточных областей, все лица, намеренно разрушающие учреждения, принадлежащие немецким властям... все лица, распространяющие враждебные немцам слухи путем ведения ненавистнической или подстрекательской пропаганды, все лица, подстрекающие к неподчинению указам или постановлениям немецких властей, все лица, совершающие акты насилия, направленные против немецких граждан... против военнослужащих немецкой армии, немецкой полиции, в том числе ее вспомогательных сил, представителей управления государственной трудовой повинности, работников немецких властей, служебных органов или партийных организаций НСДАП... подлежат смертной казни, а в менее тяжелых случаях заключению в каторжную тюрьму»[8].

Формы и способы борьбы с оккупантами были многообразны. Партизаны и подпольщики добывали в интересах Красной армии разведывательную информацию; уничтожали живую силу и боевую технику противника, совершая налеты на гарнизоны, колонны войск, штабы, аэродромы, стоянки автомобильной и бронетехники; взрывали и поджигали склады и базы материально-технического снабжения, особенно с горючим и боеприпасами, а где возможно — захватывали технику, оружие, топливо, продовольствие; на железных и автомобильных дорогах, водных путях устраивали крушения поездов, морских и речных судов, подрывали мосты, станции, депо, рельсовый путь, автомашины, гужевой транспорт, портовое оборудование; выводили из строя телефонную, телеграфную и радиосвязь; устраивали диверсионные акты на заводах, электростанциях, линиях электропередач, в шахтах, портах и на пристанях; освобождали соотечественников из фашистского плена, препятствовали истреблению мирного населения и угону его в рабство, вели антифашистскую пропаганду, карали организаторов и исполнителей фашистского террора и коллаборационистов.

Тысячи и тысячи советских людей, оказавшись под оккупационным гнетом, с первых дней войны поднимались на патриотическую борьбу по собственному почину, не дожидаясь никаких указаний сверху либо не зная о них. Во главе групп и отрядов вставали не обязательно местные руководители (секретари партийных комитетов, председатели сельсоветов и т. п.), но и неформальные лидеры, выдвинутые народом в силу их личных качеств. Этот путь отражал исторически присущую народам России священную ненависть к захватчикам, неизбывное стремление спасти Родину от поругания, невозможность спокойно наблюдать,

как враг топчет землю твоих предков, убивает и подвергает насилию твоих родных и близких. Но только ненависть к оккупантам не могла компенсировать отсутствия опыта и навыков действий в тылу противника.

Практически одновременно, а в значительной мере и переплетаясь с самодеятельными партизанскими формированиями из гражданского населения, удары по врагу стали наносить многочисленные группы военнослужащих Красной армии и пограничных войск, оказавшихся во вражеском окружении или бежавших из фашистского плена. Они либо сами выступали инициаторами создания новых партизанских отрядов и групп, либо примыкали к уже возникшим формированиям. В Белоруссии кадровые военнослужащие составили более 10 % состава партизанских формирований, в Литовской ССР — 22 %, в Ленинградской области — 18 %, в Орловской области — 10 %.[9] Они привносили в партизанские отряды дисциплину, умение владеть оружием и боевой техникой. Опираясь на их боевой опыт, партизаны более уверенно решали свои задачи.

Именно к этой категории обратилось 15 июля 1941 г. Главное управление политпропаганды РККА в специальной листовке, разбросанной с самолетов над оккупированными районами. Действия в тылу противника, в отрыве от главных сил Красной армии объявлялись выполнением боевой задачи. Бойцов, командиров и политруков призывали овладевать всеми доступными методами и приемами партизанской борьбы — уничтожать боевую технику врага, разрушать его коммуникации и средства связи, дезорганизовывать работу транспорта, преследовать и уничтожать фашистских пособников[10].

Партизанами по необходимости стали многие командиры высшего звена, например, командир 6-й кавалерийской дивизии генерал-майор М. П. Константинов (позднее ставший начальником оперативной части штаба партизанского соединения Минской области), командир 48-й кавалерийской дивизии генерал-майор Д. И. Аверкин (ставший командующим 4-м партизанским районом Крыма), командир 208-й стрелковой дивизии полковник В. И. Ничипорович (организатор и командир 208-го партизанского отряда, потом соединения, действовавшего на Могилевщине), командир 110-й стрелковой дивизии полковник В. А. Хлебцов, герой обороны Могилева, ставший командиром партизанского отряда, и другие.

Профессиональные военные знания и боевой опыт кадровых военнослужащих имели для нарождающегося партизанского движения особое значение. Командиры и работники штабов выступали инициаторами организации и совершенствования управления партизанскими силами, способствовали выработке специфической тактики партизанской борьбы, налаживали внутреннюю службу, утверждали поистине армейский порядок и дисциплину, укрощая тем самым партизанскую вольницу. Военные специалисты помогали осваивать отечественное и трофейное оружие, овладевать минно-подрывной техникой, конструировать новые образцы мин, устраивать мастерские по ремонту, а то и производству стрелкового оружия, гранат, запалов. Военврачи создавали медицинскую службу.

Правда, далеко не все военнослужащие, имевшие возможность включиться в партизанские действия, воспользовались ею. Некоторые кадровые офицеры, не имея конкретных знаний и навыков организации борьбы в тылу врага, растерялись, не смогли действовать на должном уровне. Формирование партизанских отрядов из военнослужащих носило подчас длительный и стихийный характер[11].

Важнейшим, а вскоре и основным путем создания партизанско-подпольных формирований стала целенаправленная их организация партийными органами, военным командованием и органами НКГБ и НКВД, как местными, так и центральными.

Так, обобщая деятельность партизан Смоленской области, секретарь обкома ВКП(б) Д. М. Попов в докладе в Москву сообщал, что партизанское движение в области возникло с первых дней вторжения оккупантов в начале июля 1941 г. При этом первыми начали создавать отряды местные жители под руководством партийных и советских работников тех районов, которые уже подверглись оккупации. Часть партизанских отрядов была организована еще до подхода войск вермахта и ушла в лес с момента оккупации (во главе с секретарем райкома

партии Зиминым в Глинковском районе, под командованием начальника райотдела НКВД Кулагина в Бельском районе), и такие отряды составляли большинство. Некоторые отряды формировались из бойцов и командиров Красной армии, оказавшихся в окружении и не успевших своевременно перейти линию фронта или бежавших из фашистского плена (отряды «Ураган», имени 24-й годовщины РККА и др.). Наконец, отдельные отряды создавались обкомом ВКП(б) и областным управлением НКВД в советском тылу и перебрасывались в тыл противника (отряд Антоненко в районе Рудни, отряд Ястребова в районе Вязьмы)[12].

К сожалению, организация партизанской и подпольной борьбы в тылу врага некоторое время осуществлялась без необходимого согласования между отдельными ведомствами, а то и сопровождалась нездоровой конкуренцией. Руководство формирующимся народным движением стало налаживаться только после директивных указаний политического руководства страны, о которых говорилось выше.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск» руководство партизанской и подпольной борьбой повсеместно брали в свои руки партийные органы. В 1941 г. на оккупированных территориях действовали 18 подпольных обкомов, более 260 окружкомов, горкомов, райкомов и других органов подполья, а также большое количество первичных организаций и групп[13]. Сюда в качестве организаторов и руководителей были направлены сотни партийных, советских и комсомольских работников, а также кадровых сотрудников органов безопасности. В Белоруссии такими руководителями стали: В. З. Корж, М. Ф. Шмырев, С. А. Ваупшасов, К. П. Орловский; на Украине: С. А. Ковпак, М. И. Карнаухов, И. Г. Чаплин; в РСФСР: И. М. Бортников, Г. Е. Водопьянов, Д. Н. Медведев, А. В. Мокроусов и др.

В условиях быстрой оккупации всей территории республики наибольшую активность в развертывании народной борьбы развернул ЦК компартии Белоруссии. По получении из Москвы директивы от 29 июня 1941 г. из Минска последовали собственные директивы № 1 (30 июня) о переходе на подпольную работу парторганизаций районов, занятых противником, и № 2 (1 июля) о развертывании партизанской войны в тылу противника. В числе основных задач партизан назывались: нарушение связи в тылу врага, подрывы и порча мостов и дорог, уничтожение складов горючего и продовольствия, автомашин и самолетов, устройство крушений поездов. Обращалось внимание на необходимость активных, наступательных действий, при которых следовало не ждать врага, а искать и уничтожать его[14].

Народные мстители наращивали боевую активность. В июле отряд под командованием М. И. Жуковского ворвался в Слуцк, разгромил немецкую комендатуру, вывел из строя почту и телеграф, освободил большую группу советских военнопленных и раздал населению муку и продовольствие.

Чувствительные потери наносили оккупантам партизаны из отряда под командованием М. Ф. Шмырева (батька Минай), созданного 9 июля в Суражском районе Витебской области. В июле они разгромили артиллерийский дивизион противника. На дороге Пудоть — Тимохи отряд взорвал четыре автомашины с горючим, приостановив движение по этой дороге, вывел из строя в Пудоти телефонную станцию, сжег четыре моста. А несколько позднее, 15 сентября, отряд овладел районным центром Сураж и нанес поражение гарнизону, состоявшему из 300 солдат 157-й пехотной дивизии, команд полиции безопасности и СД.

Некоторые вновь созданные формирования вели бои, непосредственно поддерживая части Красной армии. Партизанский отряд «Красный Октябрь», созданный 26 июня 1941 г. под командованием Т. П. Бумажкова и Ф. И. Павловского, в середине июля вместе с группой подполковника Л. В. Курмышева разгромил в дер. Оземля штаб вражеской дивизии, уничтожил 55 автомашин и броневиков, захватил большое количество вооружения[15].

В августе белорусские партизаны провели массовое разрушение линий телеграфно-телефонной связи, связывавших соседние группы немецких армий, и длительное время не позволяли их вновь ввести в строй. Только 16 сентября Ф. Гальдер смог записать в своем дневнике: «...Восстановлена телефонная связь между группами армий «Юг» и «Центр». Очень важное достижение. К сожалению, имелись потери»[16].

Партизаны наносили все возраставший урон тылу группы армий «Центр» на железнодорожных магистралях Брест — Минск — Орша, Минск — Осиповичи — Гомель, в районах Полесья, Витебска, Полоцка, а по мере продвижения врага на восток — на территории Брянской, Смоленской, Орловской, Ленинградской и Московской областей.

На Украине партизанская борьба, поддержанная населением, развернулась в тылу группы армий «Юг» в Киевской, Сумской, Черниговской и Харьковской областях. В западные области УССР были направлены специально отобранные кадры: в Тарнопольскую область — два отряда в количестве 24 человек и на подпольную работу 23 человека, Ровенскую — также два отряда (соответственно — 24 и 38), Волынскую — четыре отряда (45 и 19), Львовскую — 12 отрядов (140 и 36), Станиславскую — семь отрядов (113 и 27), Черновицкую — шесть отрядов (93 и 24) и др. В каждой из областей создавался подпольный обком из трех человек для координации борьбы в тылу врага.

Поскольку организация больших партизанских отрядов влекла за собой большие трудности в руководстве, обеспечении их маневренности и снабжения боеприпасами, питанием, обмундированием, получила практика создания небольших партизанских отрядов в 5–10, максимум в 25 человек. Принимались меры по обеспечению отрядов оружием, боеприпасами и снаряжением. Надо сказать, что эти и другие меры, предпринимаемые в западных областях Украины, долгое время не приносили необходимых результатов. Будущий партизанский вожак М. И. Наумов, выходивший в июле 1941 г. из окружения по Станиславской области (ныне Ивано-Франковская обл.), позже признал, что условия для развертывания там партизанского движения были крайне тяжелыми из-за отрицательного отношения к нему местного населения[17].

Поскольку в оккупированных областях десятки и сотни отрядов создавались не только «сверху», но и по инициативе населения, учесть их точное количество, как отмечал в докладе в Москву ЦК ВКП(б) Украины, «не представляется возможным»[18].

По мере продвижения вражеских соединений вглубь страны в борьбу с оккупантами все активнее вступали и партизаны России. В Смоленской области в июле — октябре 1941 г. партизанские отряды были созданы и начали действовать в 13 из 22 оккупированных районов — всего 27 отрядов общей численностью около 1 тыс. бойцов. Оснащались они главным образом отечественным оружием, собранным на местах боев регулярных частей Красной армии. Вооружались и за счет трофеев. Продуктами питания, одеждой и обувью партизан в этот период обеспечивало местное население. Многие отряды пополняли свои ресурсы, отбивая продовольствие у оккупантов[19].

Борьба в тылу врага требовала специальных знаний и навыков, которыми партийные и советские работники в своем большинстве не обладали. Все острее ощущалась потребность в подготовленных командных кадрах и специалистах различного профиля — разведчиках, связистах, подрывниках, переводчиках, а также в современном вооружении, взрывчатых материалах, средствах связи.

Не случайно успешнее всего боролись с оккупантами те формирования, во главе которых стояли кадровые военнослужащие, сотрудники Разведуправления Генштаба Красной армии, органов госбезопасности и внутренних дел и где воевали люди, специально подготовленные для зафронтовой работы.

16 июля 1941 г. Оперативное управление Генерального штаба направило в штабы фронтов детальную инструктивно-методическую разработку «Партизанские отряды и их тактика»[20]. 27 июля 1941 г. начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков и начальник Разведывательного управления генерал-лейтенант Ф. И. Голиков предписали начальникам штабов фронтов «немедленно приступить к формированию и заброске в тыл противника большого количества мелких партизанских диверсионно-разведывательных групп из храбрейших людей личного состава войск и из лучших элементов гражданского населения»[21].

В полосе Северо-Западного фронта летом и в начале осени было организовано 68 партизанских отрядов общей численностью 6515 человек, из которых 36 отрядов находились в во вражеском тылу. За три месяца боев, начиная с 15 июля 1941 г., было уничтожено более

2,7 тыс. солдат и офицеров противника, 176 грузовых автомашин, в том числе 30 машин с боеприпасами и 20 — с горючим, 11 танков, 18 легковых машин, взорвано пять железнодорожных мостов, спущено под откос три товарных поезда, уничтожено около 5 тыс. метров полевого кабеля[22].

Разведотдел Западного фронта в июле — августе 1941 г. забросил в тыл противника 184 разведывательно-диверсионные группы. Многие из них действовали успешно. Например, разведывательно-диверсионный отряд под командованием И. Ф. Ширинкина, начиная с сентября 1941 г., совершил 700-километоровый рейд, пройдя по территории Смоленской, Витебской, Псковской и Новгородской областей. Он вел разведку, совершал диверсионные акты на объектах и коммуникациях противника.

В июне 1941 г. для проведения разведывательно-диверсионной работы в тылу противника в составе Западного фронта была сформирована воинская часть специального назначения (в/ч 9903) под командованием полковника А. Е. Свирина. Она комплектовалось в первую очередь из слушателей Военной академии им. М. В. Фрунзе, в последующем была переформирована в 3-е (диверсионное) отделение разведотдела штаба Западного фронта.

Активно действовал созданный при штабе Западного фронта оперативно-учебный центр (ОУЦ) во главе с бывшим в начале войны начальником отдела Главного военно-инженерного управления РККА полковником И. Г. Стариновым. На ОУЦ были возложены задачи подготовки специалистов, формирование, снабжение и заброска в тыл противника партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп. Его переменный состав насчитывал 250 человек. Срок обучения вначале составлял 5–7 дней, но позже увеличился до 3–4 месяцев.

ОУЦ содействовал организации партизанских школ и обучению партизанских кадров не только на территории Белоруссии, но и в Киеве, Вязьме, Орле, Чернигове, Харькове, Ростове-на-Дону. Кроме того, центр разрабатывал и организовывал изготовление необходимой партизанам минно-подрывной техники. Только с июля по октябрь 1941 г. ОУЦ подготовил, оснастил и перебросил в тыл противника более 4 тыс. человек[23].

Еще свыше 4,5 тыс. специалистов подготовили партизанские школы, организованные штабом Юго-Западного фронта в Киеве и других городах Украины.

Генеральным штабом РККА, а также штабами фронтов, которые вели действия на территории Российской Федерации, партизанские кадры готовились в Москве, Ленинграде, Брянске, Вязьме, Ельце, Рязани, Орле, Тамбове и других городах.

Руководство Наркомата обороны СССР предпринимало меры по развертыванию организаторской и политической работы с участниками партизанского движения и населением оккупированных местностей и по линии политорганов. Директивой начальника Главного политуправления Красной армии от 16 июля 1941 г. начальников политотделов соединений обязали принимать активное участие в отборе людей и создании диверсионных групп и партизанских отрядов, лично следить за их переброской за линию фронта, также лично инструктировать политический аппарат частей, направляемых в тыл противника.

Для оперативного информирования населения, попавшего под оккупационное иго, и в целях контрпропаганды с конца июля 1941 г. два-три раза в неделю начали издаваться малоформатные двухполосные газеты «За Советскую Украину», «За Советскую Молдавию», «За Советскую Латвию» и «За Советскую Литву» (две последние — на национальных языках). Они распространялись через партизанские отряды и разбрасывались с самолетов. В расчете на ту же аудиторию политуправления фронтов также организовывали ежедневные радиопередачи, а со второй половины августа непосредственно силами ГлавПУ стала ежедневно выпускаться листовка «Вести с Советской Родины»[24].

Специально для ведения политической, в том числе контрпропагандистской, работы в штаты ГлавПУ РККА и политуправлений фронтов были введены отделы по партийно-политической работе среди населения и войск Красной армии, действующих на советской территории, занятой противником. Однако, как показывала практика, спустя два месяца с начала войны уровень политической работы явно не отвечал потребностям в информации с Большой земли, которые испытывали бойцы и командиры, воевавшие во вражеском тылу, и

население оккупированных регионов. Соответствующие отделы в политуправлениях фронтов не были укомплектованы подготовленными кадрами.

В директиве Военным советам и начальникам ПУ фронтов от 19 августа 1941 г. начальник ГлавПУ армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис, обращая внимание на эти серьезные недостатки, возложил руководство работой указанных отделов персонально на одного из членов Военного совета фронта и начальника политуправления фронта. Отделам было предписано установить и поддерживать регулярную связь с частями Красной армии, находящимися в длительном окружении и ведущими партизанскую войну, а также с партизанскими отрядами из местного населения, с партийными и советскими организациями, находящимися в тылу врага; направлять туда своих представителей. Было принято решение издавать специальную литературу (памятки, листовки, обращения и т. д.) и распространять ее среди населения оккупированных советских областей, а в частях РККА и партизанских отрядах из местного населения — газету «Вести с Советской Родины», организовывать ежедневные радиопередачи для населения оккупированных областей; всеми возможными путями снабжать его местной и центральной печатью[25].

Важнейшая роль в становлении партизанского движения, зафронтовой разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы принадлежит органам внутренних дел и государственной безопасности, объединенных 20 июля 1941 г. путем слияния НКВД СССР и НКГБ СССР в единый Наркомат внутренних дел СССР. Они приступили к организации партизанских отрядов уже в первые дни войны. 1 июля 1941 г., в развитие директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов отдал директиву «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени», в которой предписывалось оперативно подготовить весь чекистский аппарат для активной работы в любых условиях, в том числе в подполье.

Работникам НКГБ, переводимым на нелегальное положение, в качестве основной ставилась «задача по организации совместно с органами НКВД партизанских отрядов, боевых групп для активной борьбы с врагом на занятой им территории СССР». Оставляемый нелегально состав указывалось делить на небольшие резидентуры, поставив перед ними задачу организации диверсионно-террористической и разведывательной работы. Следовало заранее определить способы связи, снабдить состав резидентур фиктивными документами и средствами борьбы (оружие, взрыввещества, связь)[26].

Именно должностные лица войск и органов безопасности стали — наряду с командирами Красной армии, попавшими в окружение, — первыми руководителями и инструкторами значительной части партизанских формирований. Они учили партизан правилам конспирации, формам и методам ведения разведки и контрразведки, борьбы с вражеской агентурой, содействовали переброске специально подготовленных кадров в тыл противника.

5 июля 1941 г. при наркоме внутренних дел Л. П. Берии была создана Особая группа, одной из главных задач которой была организация партизанской войны в тылу противника[27]. Ее возглавил заместитель начальника закордонной разведки НКВД майор госбезопасности П. А. Судоплатов. Позднее особая группа была переформирована в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД численностью более 25 тыс. человек, которая стала учебным центром по подготовке организаторов партизанского движения и подполья, разведчиков, диверсантов-подрывников, а также выполняла специальные задания за линией фронта.

Уже 26 июня из числа работников НКГБ и НКВД центрального аппарата и курсантов межкраевых школ Белорусской ССР было организовано 14 отрядов общей численностью 1162 человека. Последних направили в 14 районов республики с задачей до занятия территории противником использовать все людские возможности и средства вооружения, чтобы создать базы и очаги сопротивления с последующим развертыванием активных действий против оккупантов. Одновременно из руководящего оперативного состава НКГБ и партийных работников было создано 10 групп численностью по 8–9 человек, которые были направлены в районы Полесской, Витебской, Минской и Гомельской областей для работы по созданию в этих районах партизанских отрядов и руководству ими.

Партизанские командиры. Белоруссия, 1941 г.

Для укомплектования резидентур в Витебскую, Могилевскую, Гомельскую и Полесскую области были направлены по 24 негласных сотрудника 3-го отдела центрального аппарата и отделений УНКГБ западных районов республики. Резидентуры начали действовать в Витебске, Орше, Дубровно и по линиям железных дорог. Для ведения военной разведки при 1-м управлении НКГБ БССР была создана и частями заброшена в тыл противника группа из 23 подготовленных сотрудников[28].

Важной базой для формирования значительного числа партизанских отрядов и диверсионных групп послужили истребительные батальоны, созданные органами НКВД по постановлению СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Они создавались штабом НКВД СССР и оперативными группами УНКВД республик, областей и краев и подчинялись им же. 25 августа 1941 г. приказом Л. П. Берии эти оперативные группы НКВД — УНКВД были реорганизованы в 4-е отделы. На последние были возложены организация и руководство боевой деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп. Они осуществляли контроль за формированием истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, руководство их боевой деятельностью; налаживание связи с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также с существующими партизанскими отрядами и диверсионными группами в тылу противника; организацию агентурной и войсковой разведки районов вероятных действий партизанских отрядов и диверсионных групп и др.[29]

В записке, направленной Л. П. Берией в Государственный Комитет Обороны 8 августа 1941 г., подводились первые итоги действий органов госбезопасности в тылу противника. Органами НКВД Украинской, Белорусской, Карело-Финской, Молдавской ССР, Ленинградской, Мурманской, Калининской, Смоленской и других прифронтовых областей был создан ряд партизанских отрядов, а также диверсионных групп. На Украину были заброшены три партизанских отряда, сформированные из числа работников НКВД, каждый численностью в 1000–1200 человек. В качестве партизанских отрядов действовал ряд истребительных батальонов общим количеством свыше 9 тыс. человек. Дополнительно для формирования партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп готовилось до 5 тыс. работников НКВД.

На оккупированной территории Белоруссии действовали 14 партизанских отрядов общей численностью 1162 человека из работников НКВД и милиции. Кроме того, в тыл противника было заслано 15 диверсионно-разведывательных групп и одиночек общим количеством свыше 400 человек.

В Ленинградской области (гдовское, псковское, порховское и другие направления) наносили удары по противнику с тыла 25 истребительных батальонов численностью 4040 человек. Из состава истребительных батальонов, кроме того, был сформирован добровольческий отряд численностью 2,5 тыс. бойцов.

В записке содержались предложения по дальнейшему развитию партизанского движения на занятой противником территории, которые позволили бы усилить боеспособность партизанских отрядов и диверсионных групп, расширить зоны их действия, повысить эффективность борьбы с оккупантами, вовлечь в эту борьбу широкие массы населения, установить тесное взаимодействие с частями Красной армии[30].

Конкретное содержание и формы участия чекистских органов в партизанском движении во многом определялись оперативной обстановкой в той или иной зоне их действий. Они практически формировали партизанские отряды и оставляли их при отступлении Красной армии на оккупированной противником территории, забрасывали в тыл врага партизанские отряды и оперативные группы ОМСБОН НКВД СССР, занимались организацией партизанской разведки, диверсионной работой, проводили непосредственные боевые операции, а также спецоперации по физическому устранению нацистских сановников и изменников Родины. На них лежала и еще одна функция, которую некоторые историки даже считают важнейшей для успеха боевой партизанской деятельности и ее живучести — контрразведывательное обеспечение, ограждавшее партизан от подрывной деятельности спецслужб противника[31].

Следует сказать, что по мере расширения масштабов партизанского движения все чаще ставился вопрос о необходимости сконцентрировать руководство им в одних руках. Так, в докладе Военному совету Северо-Западного фронта начальник политуправления фронта бригадный комиссар А. И. Ковалевский и начальник 10-го (партизанского) отдела политуправления фронта капитан госбезопасности А. Н. Асмолов наглядно показывали, к чему ведет параллелизм: «В настоящее время в полосе Северо-Западного фронта фактическое руководство партизанским движением сосредоточено при политическом управлении фронта через специально организованный 10-й отдел. Однако параллельно с нами существуют руководящие центры при обкомах партии, органах НКВД, начальнике охраны тыла фронта. Партизанским вопросом занимается разведывательный отдел фронта, разведывательное управление. В результате на местах иногда дело доходит до больших недоразумений, даются отрядам и местным районным партийно-советским органам противоречивые указания».

Отсутствие единого центра по руководству партизанским движением самым негативным образом сказывалось на обеспечении отрядов и групп оружием, взрывчаткой, радиосредствами. В круг руководителей отрядов нередко попадали случайные люди, неопытные и слабо подготовленные в военном отношении. «Кто должен заниматься организацией и руководством партизанским движением? Отсутствие этого решения становится тормозом в дальнейшем развертывании партизанского движения», — делали авторы доклада категорический вывод[32].

Профессионалам становилось все яснее, что отсутствие единого руководящего центра, монопольное положение в этом деле партийных органов, нередко исходивших в кадровой работе с партизанским активом из приоритета идеологической и политической лояльности в ущерб практическим знаниям и навыкам, ослабляет потенциал народной борьбы в тылу вермахта. Однако упомянутая выше записка Л. П. Берии в ГКО от 8 августа 1941 г. не содержала предложений по какому-либо изменению системы руководства партизанским движением. Она лишь фиксировала целесообразность для органов НКВД и в дальнейшем вести работу по организации партизанских отрядов и диверсионных групп «наряду с работой, проводимой в этом направлении фронтовым командованием Красной армии и органами Разведупра».

Как член ГКО, Л. П. Берия имел и полномочия, и возможности для постановки вопроса о коренном изменении сложившейся системы. Ему также была очевидна целесообразность передачи руководящей функции в исключительное ведение именно органов госбезопасности. Но руководитель советских спецслужб, видя, как И. В. Сталин проводит линию на монополизацию руководства партизанской борьбой в руках партийных органов, вероятнее всего, просто не пожелал вступать в конфликт с лидером партии и государства и до поры до времени не инициировал решение этого вопроса.

К совершенствованию системы управления партизанским и подпольным движением должны были бы побудить и действия противника. Командование вермахта вновь и вновь указывало на нарастание сопротивления в своем тылу на оккупированной советской территории. Генерал-полковник вермахта Л. Рендулич отмечал, что «вскоре после начала войны появились первые, большей частью мелкие отряды, которые минировали пути подвоза снабжения, обрывали телефонные провода и убивали из засады отдельных солдат. Уже в первые месяцы войны деятельность партизан стала принимать все более широкие размеры. Они стали нападать на небольшие немецкие подразделения, караулы мостов, опорные пункты связи и даже на казармы и места стоянок войск»[33].

Постоянно росли силы, действовавшие против партизан: в 1941 г. на эти цели было выделено около 80 батальонов. При продвижении немецких войск вглубь советской территории штабы фельджандармерии немедленно создавали моторизированные и конные отряды (ягдкоманды), в задачу которых входили вооруженная борьба с партизанским движением и проведение репрессивных мер. В «Основных положениях по борьбе с партизанами», которые командование сухопутными войсками вермахта направило в оккупационные части, предписывалось захваченных в плен партизан безжалостно уничтожать.

В карательные отряды немцы активно привлекали местных жителей — изменников Родины, что осложняло действия партизан и подполья. «Нужно сказать, что эта полиция была гораздо хуже немцев, — вспоминал бывший командир партизанского полка Герой Советского Союза П. Е. Брайко. — Немец — это все-таки чужой человек, он не знал обычаев, способностей и хитростей местного населения, а свой человек, своя сволочь могла разгадывать русских людей и немцев учила»[34].

Борьбе с партизанами и подпольщиками повышенное внимание уделяли органы германской разведки — абвер и гестапо, которые засылали в отряды свою агентуру, создавали лжепартизанские отряды, шли на самые чудовищные провокации и злодеяния.

По мере расширения масштабов противоборства германские власти в помощь карательным органам все чаще стали привлекать полевые войска. Так, в одной из первых карательных операций против белорусских партизан в районе пинских болот и реки Припять в начале сентября 1941 г. участвовали два полка 1-й кавалерийской дивизии, моторизованные и артиллерийские части 162-й и 252-й пехотных дивизий, флотилия на реке Припять[35].

В результате многие отряды и группы распадались или были разгромлены карателями. Развернуть зафронтовую работу смогли далеко не все разведывательно-диверсионные группы. Потери среди партизан нарастали. На оккупированной территории Белоруссии, куда к 1 августа 1941 г. был переброшен 231 отряд общей численностью около 12 тыс. человек, к ноябрю 1941 г. осталось лишь 43 отряда, насчитывающих около 2 тыс. человек.

На Украине, по подсчетам И. Г. Старинова, к 1 января 1942 г. уцелело менее 4 % партизанских отрядов, в Белоруссии — менее 10 % отрядов и групп, на оккупированной территории Ленинградской области — около 25 %[36]. Лучше обстояло дело там, где было больше времени для подготовки партизанских формирований — в Смоленской, Калининской, Орловской и Московской областях.

Гитлеровцы брали на учет или сразу подвергали репрессиям всех, кто переменил место жительства после 22 июня 1941 г. Наспех организованное подполье оказалось весьма уязвимо, и подпольщики в большинстве случаев погибали, если не успевали вернуться в расположение партизанских формирований. Органы же госбезопасности, не наделенные руководящими функциями в отношении партизанского движения в целом, не могли обеспечить контрразведывательное прикрытие всех отрядов и групп. Таким образом, «развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории», как это требовало постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г., было невозможно не только за короткий срок, но и за год.

Сказались также ошибки высшего государственного руководства при определении задач партизанской войны. Перед партизанскими формированиями зачастую ставились задачи не по отсечению войск врага от источников снабжения, а по ведению действий в прифронтовой полосе. Слабо или вовсе не обученные, вооруженные легким стрелковым оружием партизаны вступали в бои с регулярными частями вермахта и во множестве гибли, не принося противнику существенного урона.

Не стоит, в отличие от советской историографии, скрывать и факты дискредитации народной борьбы частью населения, ушедшего в леса из корыстных побуждений. По информации партийных органов, военного командования, органов госбезопасности, многие отряды и группы в полосе Северо-Западного, Ленинградского и других фронтов уклонялись от встреч с противником, отсиживаясь в безопасных местах, или, не выполнив задания, торопились перейти через линию фронта в расположение войск Красной армии, снабжали себя продовольствием «за счет местных ресурсов» (попросту отбирая его у крестьян силой оружия)[37]. Имелось немало случаев, когда создавались фиктивные отряды, при этом лжепартизаны нередко действовали по прямому указанию оккупационных властей и германских спецслужб.

Эти и другие факторы умножали трудности первых месяцев войны, ставших для партизан и подпольщиков временем жестоких испытаний. Но уже в этот период зарождения борьбы в тылу врага партизаны и подпольщики сумели отвлечь на себя значительные силы противника, создать обстановку неуверенности и нервозности для оккупационных властей, нанесли им значительный урон.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 2004. С. 64.

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 149.

[3] Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). 3-е изд. М., 1985. С. 81, 83.

[4] 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 447.

[5] Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов безопасности СССР из центрального архива ФСБ России. М., 2002. С. 8.

[6] Там же. С. 474–476.

[7] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998–1999. Кн. 4. С. 132–133; Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский, М., 2001. С. 12.

[8] Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 656–657.

[9] 1941 год: Страна в огне. Книга 1. Очерки. М., 2011. С. 231.

[10] Русский архив. Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 17–6 (1–2). М., 1996. С. 45.

[11] См.: Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 105.

[12] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): документы и материалы. Т. 20 (9). М., 1999. С. 337.

[13] См.: *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1945. М., 1986. С. 36.

[14] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): документы и материалы. Т. 20 (9). С. 43–45.

[15] См.: *Пономаренко П. К.* Указ. соч. С. 54.

[16] *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 355.

[17] 1941 год: Страна в огне. Кн. 1. С. 677.

[18] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): документы и материалы. Т. 20 (9). С. 62–63.

[19] Там же. С. 337–339, 342.

[20] Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 50–56.

[21] Цит. по: *Пятницкий В. И.* За линией советско-германского фронта // Новая и новейшая история. 2005. № 3. С. 16.

[22] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): документы и материалы. Т. 20 (9). С. 97.

[23] См.: История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 4. М., 1975. С. 347.

[24] Русский архив. Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 17–6 (1–2). С. 46, 54, 64.

[25] Там же. С. 69–70.

[26] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 136–137.

[27] *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 149.

[28] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 187–188, 192.

[29] Там же. С. 518.

[30] Там же. С. 464–465.

[31] *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 162–163.

[32] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): документы и материалы. Т. 20 (9). С. 100–101.

[33] Цит. по: Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб., 1998. С. 147.

[34] Цит. по: Война и общество, 1941–1945. М., 2004. Кн. 2. С. 304.

[35] См.: *Пономаренко П. К.* Указ. соч. С. 65.

[36] *Старинов И. Г.* Мины замедленного действия: размышления партизана-диверсанта. М., 1999. С. 211.

[37] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941–1845): Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 85, 90, 94, 101.